

*Друзья уходят... Вот и ты ушел...
И смотришь с укоризною со снимка:
«Ну, как вам нынче — плохо, хорошо —
В условиях наступающего рынка?»*

*Что завтра предпочтете, мужики, -
Служенье музам иль служенье власти?
Игру ва-банк, а, может, в поддавки,
Колоду набивая ходкой мастью?..*

*Так все-таки пока гореть свече?
Наступит утро и пройдет ненастье?»
...А дочка тихо плачет на плече,
Впервые заглянувшая в несчастье.*

В. Тулунов
22 февраля 2003 г.

Друзья уходят.

Вот и ты ушел...

Часть первая
Воспоминания об А.Т. Смирнове

Человека надо любить при жизни

Человека надо любить при жизни. Его любили и берегли все. И, может, — страшно сказать, но надо держаться правды, — переберегли.

Его любили, когда он стоял под софитами театра мини-атюр ВГУ — интеллигентный до аристократичности ведущий спектакля: в манере движений, в рисунке образа всегда угадывалось нечто классическое — от качаловских времен.

Его любили, когда он вел — и привел — театр песни ВГУ к таким вершинам выразительности, что у слушателя мурашки бегали по спине.

Его любили, когда он вел лекции, по нарастающей нагнетая образность.

До позднего вечера в прихожей его скромной старенькой коммуналки раздавались звонки — студенты и друзья шли на огонек, на чай, на сюжет.

Потому что его любили.

Его любили еще и потому, что он, — а это — редкий дар — легко совмещал в себе две ипостаси — был одновременно и учителем, и другом.

Его любили женщины, потому что им всегда приятен комплимент умного человека.

Его любили во взводе суворовского училища. И никто из «кадетов» никогда не позволил себе насмешки по поводу его более чем скромных физических данных. И более: всю последующую жизнь взвод — теперь уже старшие офицеры — время от времени слетался под его кров.

Его ум не знал середины. Если юмор — искрометно-добрый. Если сатира — безжалостно-желчная.

Как блиц фотовспышки отменяет темноту, так его мгновенная реплика могла разорвать паутину скучного собрания.

Он был ведущим в творчестве и ведомым, беспомощным в быту.

Его любили при жизни...

На факультете — тишина.

Любовь истекает в память.

Виктор ГААГ

*Другом ты станешь ли?
Станешь подругой?
Прошлое мило, завтра —
далеко,
Нынче кому-то опять одиноко.
Было всегда так и, видимо,
будет,
Кто-то запомнит, а кто-то
забудет...*

Владимир ТУЛУПОВ
22 февраля 2003 г.

Сон

Может быть, он рассказывал этот сон кому-то, еще и рассказывал по-другому, но я запомнил так:

«Снится, что я — кто-то очень маленький, как насекомое, муравей. Вокруг большая, намного выше меня, трава. Вдруг чувствую — на меня надвигается что-то огромное и страшное. И понимаю, что это громадный, тяжелый зеленый великан. Как трава, как листья зеленый. Он сам весь — трава и листья. Я прижимаюсь к земле, ищу какую-то щелку, чтобы спрятаться, но не нахожу. И бегу туда, где трава гуще, чтобы скрыться в ней. Но вижу, обернувшись, что надо мной уже занесена огромная зеленая ступня. И понимаю, что убежать не успею — убежать невозможно...».

Мы сидели в его комнате за столиком у окна, как сживали не раз. Чай (а когда и что покреп-

че), какие-нибудь баранки, сигаретный дым и разговоры, разговоры — сколько раз это было.

В комнате все по-прежнему. Переполненный книгами шкаф, портрет военного в рамке — его отца, «двойной» портрет, на котором он сам и где одно лицо растет из другого... Но все уже было иначе. Чай ему врачи запретили пить, курить он бросил, не дожидаясь запрета.

Это было на второй или третий день после его возвращения домой. До этого была больница, был пансионат.

И разговоры наши были все про врачей да про здоровье, которого нет. Нужно было вскоре идти на ВТЭК, а документы (то ли снимки какие-то, то ли выписки) куда-то, к несчастью, задевались. Потом, к счастью, нашлись...

Как среди этих хлопот и забот возник рассказ о зеленом великане, я, конечно, уже не помню. Кажется, когда документы уже нашлись и медицинская тематика, неоднократно обсужденная, показалась на сей раз исчерпанной. А может быть, все это подробное обсуждение очень, конечно, важных, но уже вполне понятных аспектов хождения по врачам, сводилось к поиску или ожиданию момента, когда можно будет рассказать о великане?

Он рассказал. Я ляпнул какую-то глупость, попытавшись, кажется, отыскать в этом сне признаки несомненного выздоровления. Он выслушал мой лепет и сказал: «Понимаешь, я по-

чувствовал во сне, что это не страшно. Просто так и должно быть».

А еще через несколько минут входной звонок дважды тренькнул.

«Ну вот, — улыбнулся он, — а только начали говорить по душам».

Пришли другие гости. Я ушел. Потом еще были встречи, были разговоры. По душам уже

не говорили, и про зеленого великана — нет.

Не знаю, правильно ли я поступил, написав об этом. Если неправильно — простите. И еще. Я не уверен сейчас, что он говорил: «Не страшно». Но мне кажется, что говорил. Вот что просил свечу в храме поставить — помню точно.

Борис ПОДГАЙНЫЙ

Почему я не хочу писать о Смирнове

Уважаемый редактор! Меня попросили написать для Вашей газеты материал о старшем преподавателе журфака Александре Тихоновиче Смирнове. Я долго размышлял и пришел к выводу, что выполнить просьбу не могу. Почему — постараюсь объяснить.

Дело в том, что я знаю Сашу, простите — Александра Тихоновича — уже почти тридцать четыре года. Сами понимаете, что невозможно уложить накопленную за эти годы информацию об интересующем Вас предмете на ту ничтожную газетную площадь, которую мне обозначили. Тут надобно писать большой документальный роман, наполненный смехом и слезами, хохотом и аплодисментами, песнями и каламбурами, скрипом вечного

пера и шелестом газет, выстрелами и завораживающей тишиной... Размениваться на мелочи не буду.

Судите сами, мне пришлось бы рассказывать об эстрадных миниатюрах студента, журналиста и «препа» Смирнова, которые долгие годы игрались университетским театром «Парадокс». А самая первая из них, написанная, кажется, в 65-м, исполнялась (если помните) в ноябре 96-го на Дне журфака ВГУ, и зал хохотал (если помните).

Мне пришлось бы говорить о сатирической пьесе «Требуется монарх!», созданной А.Т. Смирновым в соавторстве с Л.Е. Крочичиком, и с успехом игравшейся университетским театром не только в Воронеже. А если

учесть, что первым исполнителем заглавной роли был сам А.Т. Смирнов, то мне пришлось бы поведать Вам и о специфике его актерского дарования, коему аплодировали Москва, Одесса, Вильнюс и даже Борисоглебск.

Мне пришлось бы вспомнить чудный майский вечер 1971 года, когда приехавший из Хохла на побывку заведомо районной газеты А.Т. Смирнов, читал мне (наизусть!) свои стихи, написанные по мотивам сказки «Царевна-лягушка». Чтобы объяснить весь диапазон чувств, заключенный в этих стихах — от остроироничного до сладкорустного — понадобилась бы отдельная газетная публикация. И ведь стихи эти, положенные на музыку, тоже долгое время жили на сцене в исполнении Театра песни ВГУ.

К слову (вот видите!), мне пришлось бы рассказывать и о том, как А.Т. Смирнов совместно с А.В. Капланом создал этот самый Театр песни, объехавший города и веси не только Союза, но и ставший лауреатом Берлинского фестиваля.

Мне пришлось бы писать о Смирнове-инсценировщике, Смирнове — фельетонисте, Смирнове — рецензенте, Смирнове — экономическом обозревателе, Смирнове — балагуре, Смирнове — анекдотчике, Смирнове — мастере эпистолярного жанра, авторе «Молодого коммунара», «Инфы», «Воронежско-го курьера», «Вечернего Воронежа» и т.д. и т.п.

Говорят: чтобы к тебе потянулись люди, нужно стать проще. Смирнов в мелкую крошку разбивает эту твердокаменную истину. С годами он становится сложнее и дискуссионнее, но люди по-прежнему тянутся к нему. Дверной звонок его квартиры не успевает остывать. К Смирнову тянутся за советом, за идеей, за подсказкой и просто — чтобы услышать остроумный рассказ, веселый каламбур, небанальные оценки нашего журналистского дела и дум всех уровней вкупе с делами местного и федерального правительства.

У-у-ф, уже устал! От одной лишь схемы того возможного рассказа (Бог с ним, с романом!), который состоялся бы, если б Вы предоставили мне по меньшей мере номер «Нового союза».

Вот почему я не хочу и не буду писать об А.Т. Смирнове.

Есть еще одна причина моего отказа. Писать о прошедшей молодости — грустно. Вы скажете: молодость проходит, но талант остается. Это правда. Смирнов по-прежнему талантлив. И все же! Воспоминания вызывают ностальгические чувства, которые в свою очередь вызывают невидимые миру слезы, которые, как известно, застилают глаза, а это — мешает учебному процессу.

Надеюсь, Вы меня поняли.

Вадим КУЛИНИЧЕВ
«Новый союз», № 1, 1998 г.

Невыдуманные истории

*Жуткий вой
на кладбище села
Макарье*

Сентябрь шестьдесят третьего. Село Макарье Новоусманского района. Вечер. Пол-луны на звездном небосводе.

Сидим на пригорке — за спиной деревянное школьное здание, выстроенное еще в прошлом веке Александром Ивановичем Эртелем, а чуть дальше — местное кладбище, с железными и деревянными крестами, с позеленевшими от времени надгробьями, с небольшой каменной часовенкой и с пышными кустами жимолости, боярышника, сирени.

Коля Белоусов, серьезно шевеля бровями, играет на гармошке знакомую песню. Мы поем:

Ой, цветет калина

в поле у ручья,

Парня молодого полюбила я...

Мы — это студенты (точнее — студентки, в основном) первого курса филфака, посланные «на картошку». Коля — точнее, Николай Иванович Белоусов — и я работаем вместе со студентами в качестве кураторов. Для всех нас это — первая студенческая «картошка», потому что Коля только-только получил диплом и принят на кафедру русского языка, а я, уже отработавши четыре года в

редакциях, стал с осени преподавателем кафедры советской литературы. Впрочем, мы с Колей почти ровесники: он после школы успел отслужить в армии.

И вот, оказавшись в Макарье, мы изо всех сил стараемся «сколотить стаю» — объединить первокурсников в нечто целое, сдружить, доказать, что не так страшна «картошка», как ее малюют бывалые старшекурсники. Посему все свободное время проводим со студентками (и студентами). Коля раскапывает курган (он почему-то решил, что один из скифских курганов, мимо которого мы ежедневно шествуем на поля и с поля, переполнен древним золотом), а я устраиваю коллективные читки рассказов Михаила Зощенко и Бабеля.

А по вечерам у нас — «улица»: сидим на пригорке, и Коля играет на гармошке (неплохо у него это получается, между прочим). Все желающие к нам присоединяются, и мы поем песни из кинофильмов. Или — те, что помним и знаем...

Он живет, не зная

ничего о том,

Что одна дивчина

думает о нем...

Голоса звучат, вероятно, фальшиво, но нам-то что до этого?

Поем... И вдруг слышу:

— Девчонки, пойдем на кладбище!

Это Валера Исаянц приглашает на вечерний променад Ната-

шу Вахтель, Таню Герасимову, Галю Огурцову и еще кого-то.

— Ой, страшно, — шепчет Наташка Вахтель.

— Я же с вами, — храбро говорит Валера.

Валера уговаривает девочек (они все сидят справа от гармониста), а я шепчу Саше Смирнову (мы сидим по леву руку от Коли):

— Саня, быстренько за мной! Давайте, девочек пугнем!

Саня понимает меня с полуслова. Мне очень нравится этот веселый и обаятельный мальчишка. Я знаю, что он сирота, что он живет в Воронеже со своей теткой — тетей Лидой, что его старшая сестра Галя вышла замуж «за Гомель», что сам он вместе с Валеркой Исаянцем учился в нашем суворовском училище, что любит литературу.

А еще я вижу ежедневно веселые Санины глаза, добродушную улыбку и слышу почти непрерывно его живую остроумную речь. Саня лишен комплексов, на смешное реагирует мгновенно и спуску никому не дает.

Когда мы играем в футбол (он — в качестве вратаря, а я — в качестве судьи), мне достается больше всех:

— Судью на мыло! Судила — жулик!

И все в таком же духе. Словом, с Саней не соскучишься. Он болеет за «Динамо», я — за «Спартак», но это обстоятельство нас не разъединяет.

— Саня, — говорю я на бегу, — сейчас Валерка поведет девочек на кладбище. Я знаю другую дорожку. Давайте их опередим и

немного повоем.

— Давайте, — соглашается Саня.

На этом кладбище я уже бывал — из чистого любопытства. Пока девочки, повизгивая от предстоящего ужаса, цепочкой движутся к кладбищу через главный вход, мы с Сашей обходим школу и кладбище с другой стороны и располагаемся в засаде.

— Саня, — говорю я, — как только экскурсия окажется на дорожке между нами, начинаем шевелить кусты и несильно подвывать — ау — у — у!».

— Понятно, — говорит Саша, и мы замираем в предвкушении интересного зрелища.

Пейзаж все тот же: пол-луны, звезды, кусты. Ти-хо. Только шаги и легкое повизгивание экскурсантов в вечерней тьме нарушают вечный покой. Да еще издалека доносятся голоса, напоминающая о сущем:

У ручья с калины

облетает цвет,

А любовь девичья

не проходит, нет...

— Осторожно, — слышу голос Валеры, — тут корни.

— У — у — у, — откликаюсь я и шевелю ветками сирени (а может — жимолости, разве в темноте разберешь?)

— У — у — у, — отвечает мне Сашин фальцет.

— Ай — ай, — сдавленно кричит Исаянец, бывший суворовец, и бежит с кладбища.

— Ай! — кричат девочки и тоже бегут назад — к спаситель-

ным звукам белоусовской гармошки.

— Девчонки, куда же вы? Пойдите! — раздается в полутьме голос Валерки, бегущего впереди всех, — Тут же никого нет!

— У — у — у, — завываю я.

— У — у — у, — подвывает Саша.

Что-то во тьме шелестит, кто-то падает. Все стихает.

— Саня! — громко шепчу я. — Назад!

Мы быстренько возвращаемся назад. Сидим, как ни в чем ни бывало по левую руку от Белоусова. Поем:

Я хожу, не смея

воли дать словам,

Милый мой хороший,

догадайся сам...

Возвращаются путешественники. Они уже почистили перышки, пришли в себя и теперь стыдливо вглядываются в лица поющих. Кто из них над ними так пошутил? Привидений, как известно, на свете не бывает. Но ведь гудело же и шелестело что-то на вечернем кладбище в Макарье!

Что это было? Кто там был?

Милый мой хороший, догадайся сам! — поем мы.

*Нам дороги эти
по забыть нельзя*

Пропал Смирнов Александр Тихонович, 1945 года рождения, русский, член ВЛКСМ, рост 168, телосложения субтильного, волосы русые, слегка вьющиеся, особы примет нет.

Александр Смирнов пропал в июле шестьдесят четвертого по среди широкой казахстанской степи, отправившись в командировку в стройотряд пединститута по заданию газеты «Строительный семестр», в которой работал в должности корреспондента.

В тот год в Актобинске работал штаб студенческих отрядов Западно-казахстанского края. А при штабе была газета «Строительный семестр», укомплектованная воронежцами, минчанами, свердловчанами, челябинцами. Ядро редакции — воронежцы: Валентин Пирогов — редактор, я — ответственный секретарь, Анатолий Лось — художник, Эдуард Ефремов и Александр Смирнов — корреспонденты. Зона нашей работы — Уральская, Гурьевская и Актобинская области. Общая численность 81 отряда — 5 300 человек.

Отрядов много — людей в редакции мало: девять человек. Так что каждый на счету. А тут — пропал человек. Уехал в командировку — и как в воду канул. А можно — как в бархан.

Сашу послали в совхоз имени Берсиева (был такой знаменитый просовоз, дважды герой Социалистического Труда). В этом совхозе работал отряд нашего пединститута. По казахстанским меркам совхоз был недалеко от областного центра — километров триста-четыреста (а кто считал?), не больше.

Добраться до отряда — пара пустяков: сел в маленький тарахтящий Ан-2, долетел до Уила (это райцентр), выпросил в тамошнем

штабе машину, пропылил 25 километров по непонятно какой степной дороге и, пожалуйста, — ты у заветной цели.

Судя по всему, Саня так и сделал.

Но — исчез.

А сроку ему было дано — три дня. День — туда, день — там, день — обратно. И денег дали только на авиабилеты — кормежка за счет отряда и районного штаба.

Небось, не помрет.

Но Саши не было уже несколько дней. И вестей от него никаких.

— Приедет — выгоню! — сказал редактор на шестой день Саниного отсутствия.

— Может, случилось что, — заступился я.

— Если бы случилось — сообщили бы, — возразил Пирогов.

Седьмой день, восьмой, девятый.

— Валя, — говорю я редактору, — давай-ка я летаю в Уил. Не мог же человек просто так пропасть.

— Ты мот и либерал, — говорит мне редактор, с которым одно время мы вместе трудились в университетской многотиражке. — Но если тебе так уж хочется, поезжай.

И я лечу в Уил.

В Уиле — центре Хобдинского района, в котором стройку ведут воронежские отряды, — встречают гостеприимно. Коля Лифер, командир районного отряда, успокаивает:

— Жив ваш Смирнов, жив. Я там дней пять назад был, видел,

как он с ребятами работает.

— А что ж не едет? — спрашиваю я.

— Это вопрос не ко мне, — язвительно говорит Лифер. — Может, он к девчонке какой-нибудь присох? Там девчонки симпатичные.

Девчонки в пединститутском отряде и впрямь симпатичные. Еще в эшелоне, возьмем нас в Актюбинск, Саша, с которым мы выпускали в дороге радиогазету «Колесами вперед», любил ходить в вагон, где ехали пединститутские.

— Хожу исключительно за сбором информации, — говорил мне Саша.

Информацию Саша, как я понимаю, черпал преимущественно у вокального трио — Вали Скалиной, Аллы Пеховой и Ларисы Павлихиной, замечательно исполнявших входивший в моду «Лен»...

— Мне бы в отряд, — говорю я, — все-таки человек пропадает.

— Не пропадет, — жестко парирует Лифер, и добавляет смягчившись, — ладно, завтра с утра отправлю тебя в отряд.

И, правда, на следующий день я уже в отряде и вижу живого и невредимого Смирнова А.Т.

— Саня, — спрашиваю я, — что случилось?

Он шепчет:

— Работая замполитом. Нет — Аркадием Гайдаром... У них тут командир отказался от коммуны и перевел отряд на бригадный подряд. Парни с физвоса работают здорово, но на девчонок штукатуров им плевать. А комиссар ничего сделать не может. Вот я и комиссарю.

Комиссарскую работу журналиста А. Смирнова я увидел через полчасика. В собранном на днях домике девчонки-штукатуры вовевали с замесом, который никак не хотел прилипнуть ни к потолку, ни к стенам. Саша успокаивал их, работая рядом, но проклятый замес не поддавался.

Поскольку у меня какой-никакой опыт целинной жизни был, я понял ошибку: девчонки делали замес слишком жидким и мало клали соломы. Показал, как лучше управляться с непокорным раствором. Дело пошло.

Вечером говорю командиру:

— Костя, дай нам машину до Уила. Самолет в 11.25.

— Не дам, — говорит командир Костя Смоль. — Машина одна. На ней и воду возим, и за продуктами ездим. Да еще одна бригада на старых кошарах работает — бут добывает. Ее тоже обеспечивать надо... Не дам...

— А как же мы?

— А вы утречком встанете, я вас твердо обещаю разбудить в пять, и спокойно до одиннадцати успеете в Уил. Дорога тут простая — идти по колее и никуда не сворачивать.

Слово свое Костя сдержал — в пять утра мы были разбужены и оправились в путь. До Уила — двадцать пять километров: по местным меркам — всего ничего.

Идем. Поем.

Революционные песни.

Песни советских композиторов.

Романсы.

Арии из опер и оперетт.

Когда уже совсем невмоготу — «Варяга».

Запели было «Степь да степь кругом», но быстро сменили репертуар — идти под протяжную песню не очень удобно: ритм не тот. Да и мысли разные по ассоциации появляются. Хотя, конечно, мороз нам не угрожает. Все-таки полупустыня. Выжженная степь без всяких признаков жизни.

Правда, на третьем часу пути встретились и признаки этой самой жизни — навстречу нам пропылила полуторка.

Водитель-казах, увидев нас, ничуть не удивился.

— Далеко ли до Уила? — спросили мы.

— Во-о-о-на впереди овсы, видите? — спросил он, показывая на горизонт.

— ОвсЫ? Какие овсЫ? — не понял я.

— Да не овсЫ, а Овсы, — сказал водитель, удивляясь моей непонятливости.

— Он имеет в виду овец, — сказал зоркий Саша. — Я вижу отару. И что?

— Идите на овес — придете в Уил. Тут недалеко.

В Казахстане двадцать километров — недалеко, сорок — недалеко, сто пятьдесят — тоже недалеко. Потому что от Актюбинска до Алма-Аты — тысячи две. А, может, и больше.

Ладно, идем строго по курсу — на овец. Прежняя дорога с курсом не совпадает — идем напрямик. Час идем, второй...

— По-моему, наши овцы дви-

жуются в сторону, — замечает Саша.

— Пожалуй, — соглашаюсь я. — Что будем делать?

— Идти по солнцу, — говорит бывалый суворовец. И мы идем по солнцу.

Поем.

Вспоминаем о вкусной и здоровой пище. Саша вспоминает, как вкусно готовит его любимая тетя Лида, я — какими замечательными кулинарными способностями обладает моя жена.

В разговорах о приятном забываем о времени и пространстве.

Пространство о своем существовании напоминает концом дороги: поднявшись на очередной холм, мы видим райцентр, аэропорт, желанный АН-2.

— Ура! — кричим мы.

И тут нам безжалостно напоминает о себе время, которое мы так легкомысленно израсходовали на песни советских композиторов, арии из оперет и песню «Варяг». Самолетик внизу начинает вращать лопастями своего винта и медленно разворачиваться лицом к взлетной полосе, которая и не полоса вовсе, а просто хорошо утоптанное пространство поля.

— Стой! — кричим мы.

Но кому мы нужны в трехстах километрах от родной редакции?

Самолетик исчезает в воздухе, а вместе с ним — и наши надежды на скорое возвращение в редакцию. Денег в кармане — только на два авиабилета до Актюбинска, а есть хочется.

— Саша, — говорю я, — один из нас возвращается в Ак-

тюбинск автостопом, второй — ночует в Уиле и летит завтрашним рейсом. Капитан покидает терпящую шхуну последним, следовательно, остаюсь я — едите вы.

Мы идем к шоссе, по дороге заскакиваем на местный рынок, где я, снедаемый жадностью, покупаю только четыре помидора, на которых лежит пыль веков и местной степи.

— Их можно есть? — разглядывает Саша помидоры с гигиеническим интересом.

— А как же! — говорю я, стирая пыль своей рубахой. Потом осторожный Саша все-таки моет помидоры в речке, чьи мутные воды ничуть не чище моей рубахи, потом мы сидим на солнцепеке и ждем хоть какой-нибудь машины в сторону Актюбинска, потом мы останавливаем лесовоз, и Саша летит в кабину...

Я возвращаюсь в редакцию на следующий день.

Саша честно выкладывает передо мной десятку:

— Водитель оказался из наших мест и, узнав, что я — воронежский, денег не взял.

— Считайте это своим гонораром.

Как создавался «Монарх»

В шестьдесят шестом, в феврале, наш молодой театр миниатюр ВГУ с треском провалился на Первом Всесоюзном фестива-

ле студенческих эстрадных театров в Москве.

Было обидно, но жизнь на этом не кончилась, и уже через год мы показали спектакль «Записные книжки» Ильфа с характерным подзаголовком «Край непуганных идиотов» (фраза, сами понимаете, тоже была заимствована у Ильфа). Писали инсценировку студент филфака Александр Смирнов и я. Идея была простой: выбрали из «Записных книжек» Ильфа с десяток фраз, а затем их расшифровали. Ну, скажем, что может скрываться за фразой «Наконец-то Какашкин меняет фамилию на Любимов»? Или — «Приказано быть смелыми»? Или — «В квартире, густо унавоженной бытом, сам собой вырос фикус»?

Распределили с Сашей тексты и стали придумывать маленькие сценки, расшифровывавшие ильфовские записки. Когда тексты вчерне были написаны, обсудили их и скорректировали под единый стилистический вариант. Споров между нами, соавторами, практически не было — и вовсе не из-за того, что я был старше Саши на одиннадцать лет и ходил в преподавателях. Смирнов был человеком одаренным — с таким легко работается.

Спектакль имел успех. Мы сыграли его в шестьдесят седьмом-шестьдесят восьмом году свыше пятидесяти раз. И в Воронеже, и в районах области. Причем Смирнов был не только одним из авторов текста, но и прекрасным актером — вместе с Володей Сосниным, Виктором

Беляевым, Львом Дмитриевым, Людмилой Подтергер. Светланой Шиндяпиной, Ириной Концедаловой, Юлей Поздняковой, Петей Новиковым.

А потом пришло время нового спектакля. Хотелось, чтобы в основе его лежала какая-то настоящая, большая пьеса. Нам уже было тесно в границах маленьких эпизодов. Но профессиональные драматурги нам ничего достойного (с нашей точки зрения) дать не могли. И тут на одну из репетиций Саня принес листик бумаги и сказал, что он написал сказку. И скромно добавил, что, возможно, эту сказку можно инсценировать. Я взглянул на скромный белый листочек и усомнился. Но в силу свойственного мне демократизма сказал:

— Читайте!

Театр (человек двадцать студентов всех курсов самых различных факультетов) сидел в девяносто восьмой аудитории (сейчас там, кажется, российско-французский центр) и внимательно слушал сказку. Саша, конфузливо шмыгая носом (он всегда несколько стеснительно относился к собственному творчеству), прочел сказку о несчастной принцессе, которая из-за собственной растяпистости потеряла честь. Пошла гулять — и где-то на болоте эту честь обронила.

При всеобщем тягостном молчании Саша кончил читать свою сказку.

— А чего тут играть? — спросил кто-то (может быть, даже я — сейчас уже и не помню кто).

— Можно ее расширить, —

слабо сказал драматург, — придумать смешную фавулу.

Саша был ученым студентом-филологом и знал слова литературоведческого лексикона. Что же касается смешного, то тут он был мастером: остроумие жило в его глазах, в иронических интонациях самых обыденных фраз.

— А что? Знаете, ребята, в этой сказке что-то есть, — сказал я (а, может, кто-то другой: сколько лет прошло, разве все упомянешь?). Будем думать!

Через пару дней мы с Сашей сидели у нас на кухне, пили (честное слово — только!) чай и придумывали эту самую пресловутую фавулу. Сказка была удобной формой аллегории. К тому же по экранам только-только прошли замечательные фильмы-сказки «Айболит-66», «Каин XVIII-й». В основу будущей пьесы была положена Сашина история о принцессе, потерявшей честь.

А в это время в нашей прессе как раз начали глухо писать о Светлане Алилуевой, уехавшей из Советского Союза, на похороны своего мужа-индуса. Да так и не вернувшейся на Родину. Это был оперативный повод. Плюс какой-никакой намек на современную жизнь. Так в пьесе появилась принцесса Жозефина, потерявшая честь и кошелек с деньгами. Но где и при каких обстоятельствах могло произойти это грустное для принцессы событие?

А был шестьдесят седьмой год. И память о правлении Никиты Сергеевича Хрущева была еще жива. О его постоянных попытках

что-то в нашей жизни переустроить. О его простодушии, неотделимом от упрямства и невежества.

Так была придумана история о Короле Мухамеде, прошедшем по конкурсу на трон вместо вышедшего из себя и не вернувшегося обратно короля Ботфорта XIV-ого. Мы с Сашей были либералами, и поэтому король у нас появился при вполне демократических обстоятельствах — сидел себе мужик дома, смотрел телевизор, а тут новость — требуется монарх. И параметры указаны: рост — средний, глаза — стальные, характер — туторки-матуторки или сикось-накось. Вот мужик с сеткой-авоськой, в которой сиротливо болталась стеклянная бутылка с кефиром, и явился во дворец. А потом во дворец явилась — тоже с улицы — королева Марго, показатели которой полностью совпадали с параметрами короля Мухамеда. Так прежнее королевство было поделено на две части — брючников и юбочников («острый» социальный намек на имевшее место быть при Хрущеве деление страны по производственному признаку — на промышленные и сельскохозяйственные управленческие структуры).

Время поджимало. И мы договорились: каждый пишет свою часть текста. И немедленно приступаем к репетициям. Не дожидаясь окончания работы над пьесой в целом. Примерно за месяц работа над первым актом была закончена, роли распределены (Саша, естественно, играл главную роль). И весной — по традиции, первого апреля — мы показали университетскому зрителю

первый акт спектакля «Требуется монарх».

Историю о том, как обыкновенный человек — «от телевизора» — встав к государственному штурвалу, почти обязательно приводит свое государство к гибели. Потому что, для того, чтобы руководить страной, надо иметь не только стальную волю, но и что-то еще.

Целиком спектакль был показан в следующем учебном году. Как это часто бывает, в ходе репетиции текст видоизменялся — одни реплики исчезали, другие

появлялись, но Саша был очень покладистым драматургом: за каждое слово не держался, на ходу придумывал какие-то новые репризы, легко соглашался с любыми изменениями в тексте.

Единственное, чего он не любил — самолично переделывать собственный текст.

— Вас что-то не устраивает — вы и переделывайте, папочка, — говорил он мне, и в глазах его играли веселые чертики.

Лев КРОЙЧИК

Сорок лет спустя

«Автопортрет»

«Автопортрет» долго висел на стене Сашиной квартиры. Я и так, и этак намекал на возможности дарения, но Александр вздыхал и был непреклонен: «Все, что угодно, только не это!» Но, в конце концов, сдался.

Почему Смирнов видит себя в обличи Гамлета? Что ж! «И какой же русский не любит быстрой езды?» И какой же молодой актер не мечтает сыграть роль Гамлета? Молодости вообще свойственно драпироваться в пышные, ей не принадлежащие, одежды.

Отметим попутно, что в 1964 году вышел фильм Козинцева.

На заднем плане (раскроем нынче карты!) моя однокурсница Ольга Агеева, и надпись Смирнова под рисунком относится скорее к ней, нежели ко мне.

Рисунок подарен в 1964-м году.

Документ

Сколько большая, столь шумная и бестолковая компания филологов 2-го курса встречала новый, 1964-й год на квартире моих родителей на улице Мира. Среди нас был и первокурсник Саша Смирнов. На это число падает и мой день рождения — объятия, поцелуи, поздравления. Была зачитана дарительная грамота, вручен подарок —

больших размеров царский пятак, продетый в резиновую подтяжку для мужских носков таким образом, что общая конструкция имела вид нашейной ордена.

Документ был составлен и отпечатан, разумеется, Сашей.

«Курочка Ряба» — цикл моих стихотворных пародий на эту тему.

«И подтяжками» — вписано рукой Эдика (давно уж — Эдуарда Петровича) Ефремова.

УКАЗ ПО КВАРТИРЕ №148 .

В ознаменованье 34-летней годовщины со дня основания
КОСЬКОВА ЛЬВА КОНСТАНТИНОВИЧА
И В СВЯЗИ С ЕГО ВОДАВЛЮБИВЫМИ ЗАСЛУГАМИ В ДЕЛЕ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
ПАМЯТНИКОВ РУССКОЙ СТАРИНЫ /«Снесла курочка яичко...»/,
А ТАКЖЕ В ОЗНАМЕНОВАНИИ ПРОВЕДЕНИИ НОВОГО ГОДА 64, ЗА ОВЕРНУВ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ПИВЕ ХОЗЗАГОТОВКИ И МЯСА КРУПНОГО РОГАТОГО
СКОТА

тесвет постановил:

наградить гр. КОСЬКОВА Л.К. проживающего по ул. Мира, кв. 148

ОРДЕНОМ ЕГОРЬИ ПОБЕДОНОСЦА

с подвязками *н.Э.Г.ч.к.м*

По поручению совета *Ручка* И.А. СЛУЦКИ

Александр А. Смирнов

31 декабря 1964 года.

«Иных уж нет,
а те далече...»

Книги Александр Смирнов дарил многим — с открытой душой, играючи. Вот одна из них. Под подписью — якобы мой портрет.

Как легко и щеголевато цитировали мы в молодости:

«Иных уж нет, а те далече...»

Эти слова с годами все более и более наполняются смыслом, печалью и благодарностью.

Лев КОСЬКОВ

Люди живут в тени друг друга

*Мало в нем было линейного,
Нрава он не был лилейного.
О. Мандельштам*

Обычный мой путь на работу и обратно пролегал под Саниными окнами. Нередко их вечерний призывный свет заставлял выйти из автобуса или маршрутки и посетить этого затворника и домоседа.

Краткие воспоминания о 37 годах близкого знакомства и 25 годах задушевной дружбы с

Александром Тихоновичем (А.Т.) Смирновым, Сашей, Саньком начну из-за такта: в 1963 году.

А.Т. закончил Воронежское суворовское училище (в декабре прошлого года празднование 60-летия училища прошло без него). Попал А.Т. туда как сирота. В начале ранняя смерть настигла отца, полковника Советской Армии, а вскоре умерла и мать. Саню и его старшую сестру Галю «разобрали», взяв на воспитание,

родные тети, жившие в Воронеже и Гомеле. Саша остался жить с воронежской тетей Лидой, не имевшей своей семьи, в квартире на пересечении проспекта Революции и Манежной.

С некоторыми из своих одноклассников-кадетов Санек меня впоследствии познакомил: это Саша Скрибченко по прозвищу Полковник (в самом деле полковник, а еще и поэт), Алик Киселев, режиссер, живущий сейчас в Канаде, Алик Морозов, модный портной, работавший одно время с Вячеславом Зайцевым. Помню, Саша гордился тем, что вместе с друзьями как кадет участвовал в нескольких военных парадах в Москве.

С 1963 года жизнь Александра Смирнова связана с ВГУ. Наше знакомство (вначале заочное) состоялось весной 1965 года на смотре «Университетская весна», где в миниатюрах блистала филологическая пара Александр Смирнов - Владимир Соснин, а наш математический певческий ансамбль способствовал победе своего факультета. Осенью 1965 года Лев Ефремович Кройчик предпринял успешную попытку объединить разрозненные театральные и музыкальные силы физиков, химиков, филологов и математиков в университетский театр миниатюр. Так мы вошли в одну команду и уже в начале 1966 года стали участниками первого Всесоюзного фестиваля Театров миниатюр в Москве.

Поначалу Саша был ведущим актером Театра миниатюр, но за-

тем попробовал себя в роли соавтора спектакля и сорежиссера и вскоре, войдя во вкус, превратился в режиссера. Активность музыкальной группы Театра миниатюр не находила выхода, и жизнь распорядилась так, что группа отпочковалась от Театра миниатюр и превратилась в Театр песни. Художественным руководителем, автором инсценировок и режиссером нового театра стал А.Т. Напомню лишь некоторые названия спектаклей театра: «Письма к незнакомке», «Политлубок», «Жизнь и смерть Мартина-Лютера Кинга». Написанные им сценарии «Василий Теркин», «Побег» (об А.С. Пушкине) так и не были воплощены до конца в спектакли. Театр песни успешно прожил довольно продолжительное время, успев стать народным коллективом, однако со временем перестал быть театром, вернувшись к внетеатральной форме существования, а затем и вовсе перестал функционировать.

После того, как всякая университетская театральная жизнь окончательно замерла, Саниным времяпрепровождением стал телевизор (ему приходилось следить за воронежской тележурналистикой, используя результаты наблюдений на занятиях, в написанных им газетных обзорах), чтение многочисленных газет (сначала подписка, потом покупка съедали половину его скудной зарплаты), чтение толстых журналов с собственной кафедры и невероятного количества книг. В качестве информации к размышлению

приведу высказывание Марины Цветаевой: «Каждая книга - кража у собственной жизни. Чем больше читаешь, тем меньше умеешь и хочешь жить сам».

На правах старожила Проспекта Революции А.Т. превратил свою пару комнат в старом и слабо приспособленном для комфортного житья-бытья доме в штаб-квартиру, с большим удовольствием успевал играть роль одновременно держателя литературно-художественного Салона и хозяина виртуального Сада Камней (в окрестности собственного дивана). Это место стало эпицентром, куда всегда тянулись молодые (не только журналисты, но и дети его друзей), а также не вполне молодые творческие личности, пишущие прозу, публицистику, стихи, музыку. Все они встречали доброжелательное отношение и внимание и получали оценку, которой можно было доверять, чаще поощрительную. Припоминается его попытка, впрочем, уже не столь активная, создать новый музыкально-театральный коллектив из молодых филологов и математиков.

А.Т. был автором не только инсценировок, но и стихов, рассказов, которые не обнародовал. Будучи гиперначитанным, он не мог не сравнивать написанное с эталонными образцами и стыдился это публиковать. На фоне современных нулевых требований к себе и выдачей грубо срубленного топором за высшие достижения неутраченная совесть А.Т., которая не позволяла сни-

жать планку требований, стала одним из немногих островков стабильности.

Для меня во времена Театра песни А.Т. был работодателем, выискивая неожиданные стихи Василия Каменского, Юрия Кузнецова, Бориса Корнилова и предлагая сделать из них песни. Так родились «А ну-ка, ребята-talанты», «О человеке и земле», «Что правильно, то правильно» (нетривиальность находок подтверждает, к примеру, тот факт, что стихотворная притча «О человеке и земле» в большой поэме Ю. Кузнецова ничем не выделена). А года три назад А.Т. сыграл роль повивальной бабки моих воспоминаний о паре выдающихся математиков, моих учителей М.А. Красносельском и С.Г. Крейне, всеми силами укрепляя мою шаткую веру в приемлемый уровень написанного.

О своих профессиональных занятиях журналистикой в газетах «Инфа», «Вечерний Воронеж», «Воронежский курьер», «Известия» А.Т. часто рассказывал при наших встречах, но, думаю, будет правильно, если о них повспоминают его коллеги и ученики.

Моя память плохо сохранила рассказы А.Т. о его встречах со многими известными и даже знаменитыми людьми. Только перечислю их: поэт Алексей Прасолов, с которым Саша работал в Хохольской районной газете сразу после окончания ВГУ, писатель и кинорежиссер Василий Шукшин, театральный режиссер Анатолий Морозов, актеры Таган-

ки (некоторое время Олег Киселев был одним из них), Юрий Визбор. Он считал своими друзьями и близкими приятелями Володю Сисикина, Вадима Кулиничева, Гену Кобзева, Толю Абдулаева, Петю Новикова, Лешу Тишанинова, Володю Тулупова, Витю Гаага, Аркадия Давидовича, молодых журналистов и журналисток. А.Т. вообще легко сходился с людьми, был отзывчив, легко мог солировать, но также без особого труда и подыгрывать. Это ведь именно А.Т. ввел в наш круг (Театр миниатюр плюс Театр песни) иностранных стажеров - француженку Франсуазу, немцев из ГДР Карла, Вилью (с ними мы впоследствии встречались на фестивале политической песни в Берлине). Контакты Саши на ФПК в Москве с уфимцем Володей Тулуповым привели в итоге к переезду Володи в Воронеж.

О личной жизни А.Т., о роли женщин в его судьбе не стану писать, отметив лишь очевидное: ему было непросто и с собой. Причина - в личных качествах. Попытаюсь выделить главное. По мнению многих, Саня - современный Обломов (к сожалению, при полном отсутствии основательной материальной подкладки; для чистоты эксперимента не хватало «малости» - наследства, родового поместья и дядьки Захара). Видимо, А.Т. быстро осознал и принял на вооружение в мыслях и в повседневной жизни лозунг: сознание определяет бытие. Первым из его близкого окружения на эту дорогу ступил закадычный

друг Алик Киселев и, заразив, убедил собственным примером в истинности и универсальности этой формулы. Что касается вбитой в наше сознание марксистской догмы о первичности бытия, определяющего сознание, то она имеет весьма ограниченную область применения и реализуется, видимо, в исключительно редкой ситуации, когда не только «в здоровом теле - здоровый дух», но и удачно сложились многие иные обстоятельства. А что происходит с духом в большинстве случаев, в частности, когда тело не вполне здорово? Очевидно, ему (духу) приходится выходить из тени и играть решающую роль. Тут самое время напомнить, что А.Т. не обладал богатырским здоровьем, однако дух его был, по преимуществу, молод и крепок.

Яркими чертами штучной самобытной личности А.Т. были отменный вкус, чутье на правду, бодрствующая совесть, чувство справедливости, этой, по словам французской писательницы Симоны Вейль, вечной беглянки из стана победителей, и смелость. А еще чувство меры, точнее, тяга к соразмерности, гармонии. Люди из одного лагеря часто непримиримы из-за якобы мелочей, которые для другого, обладающего более тонкой душевной структурой, вовсе не мелочи. Поскольку А.Т., несомненно, был таким другим, он позволял себе иногда пользоваться правом (справедливости ради, добавлю - самостоятельно присвоенным) всерьез обижаться на близких за непонима-

ние чистых душевных порывов, извивов, стремлений, реакций.

Обычно у нас очень хорошо обстоит дело с сочувствием, гораздо хуже удается порадоваться чужим успеху, достижению, удаче. А.Т. умел быть вместе во всякие минуты, «и в беде, и в радости, и в горе». Вслед за мною это могут подтвердить Толя Абдулаев, Л.Е. Кройчик, Володя Тулупов и многие-многие другие.

Весьма важной особенностью характера А.Т. была потребность в артикуляции весьма смутных мыслей и чувств, перевод на русский едва различимого рационального и еще более размытого почти неподвластного переводу иррационального. Нередко это был наш совместный с ним опыт построения нулевого приближения к предполагаемому тезису, причем до первого приближения дело доходило лишь изредка ценой наличия куража со стороны обоих участников процесса. Экспертиза вдвоем по поводу дел, обстоятельств, отношений, мыслей - это был его любимый жанр! Вспоминается быстрота мысли А.Т., которая не всегда благо, однако ему, как правило, удавалось поспевать. А его остроумие! Кто-то верно отметил: наши лучшие слова - интонации. Да, в какие выси-дали мысли-ми залетали! И с кем теперь?

«Друзья уходят - кем их заменить?»

После ухода А.Т. из жизни остались вопросы.

* Можно ли было ему помочь и чем в его повседневной жизни?

Ведь он почти не погружался в быт, был ни над, ни под - почти

вне быта. Вынужден был, например, жить без горячей воды, без газовой колонки.

* Почему его размышления, мысли, спасительные советы другим столь редко конвертировались в рутинные правила для себя?

* Как за ним было управиться, возможно ли это, нужно ли это?

Нет ответа.

Подводя итоги, вспомним, что жизнь считается праведной, если человек успел вырастить сына, построить дом, посадить дерево. А.Т. участвовал в воспитании сына Сани - мл., построил театр песни ВГУ, работал садовником в собственном Саду Камней, окультуривая по своему разумению и вкусу регулярно забредающих к нему посетителей. Можно с уверенностью утверждать, что духовная жизнь А.Т. удалась, хотя и не до конца реализовалась. Саша умел вслушиваться в музыку высших сфер и руководствоваться ее мелодией и ритмом. Он оставил светлую память о себе в наших сердцах.

Обычный мой путь на работу и обратно и теперь пролегает вблизи Саниных окон, темных в течение всего этого года. Приходится предаваться воспоминаниям о прежних встречах и довольствоваться мысленными беседами о современных событиях, отношениях, проблемах, неуклюже пытаясь предугадывать его возможную реакцию.

Конелий ЧЕРНЫШОВ

С отцом и сестрой

В студенческие годы

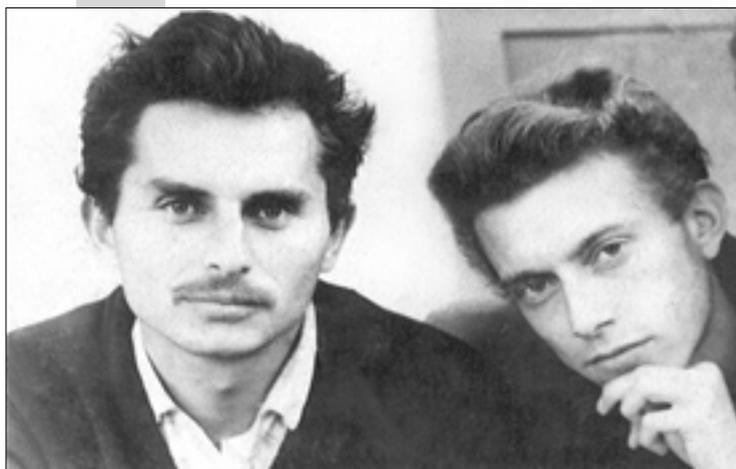

Я слова рассыплю по траве...

С Ниной Самариной, Анатолием
Абдулаевым и Надеждой Бапаркиной

Студент Смирнов с преподавателем Львом Кройчиком

В роли сельского корреспондента

Форма с плеча
однокашника-суворовца

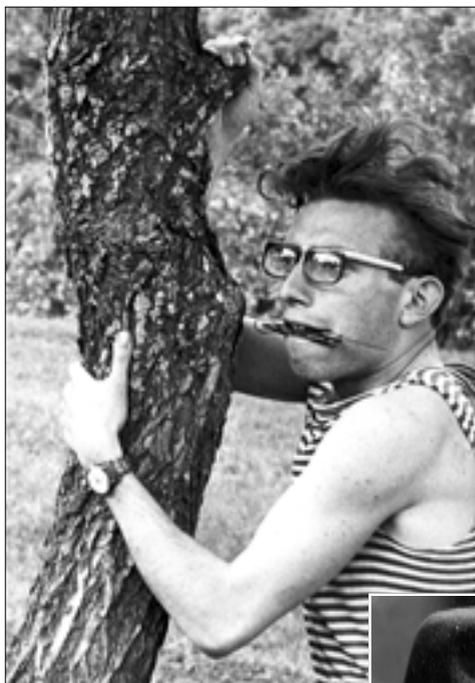
Я слова рассыплю по траве...

На сцене
с однокурсником
Владимиром Сосниным

Актерство и в жизни...

Я слова рассыплю по траве...

С друзьями-стажерами из ГДР

**...Свет в окне
у дружбы нашей**

**Часть вторая
Творчество А.Т. Смирнова**

Неизвестный поэт мира

— А чем занимается твой отец?

— Мой отец пишет стихи. Больше он ничего не знает. Он один из величайших неизвестных поэтов мира.

Уильям Сароян. «В горах мое сердце».

Не ищите имени и фамилии нашего героя даже в полнейших и новейших биографических энциклопедиях и справочниках о талантливых и знаменитых людях, имеющих отношение к Воронежу. Этих данных там пока нет.

Но, если вам не лень, давайте каким-нибудь солнечным днем ухнем вместе с вами вниз по Степана Разина, далее пройдем через Чернавский мост, потом сразу же повернем налево, продефилируем мимо могучих тополей старой дамбы, прозванной в одно время «кадетской», и выйдем на легкие взгорья Придачи, упершись в стены авиационно-технического института. Старожилам этих мест ведомо, что на сим месте с 1943 по 1963 годы стояло Воронежское суворовское училище.

Если нам повезет и мы клятвенно убедим нынешнего начальника караула, что имеем к данным местам отроческую тягу, добрый начкар пропустит нас на территорию в сопровождении молчаливого солдатика, мы сделаем от КПП по-флотски «налево все вдруг» (такой маневр, которому научили нас когда-то тоняги-нахимовцы, с которыми мы били ноги, готовясь в Москве к военным парадом на

Красной нашей площади), и мы быстро очутимся у древнейшей постройки давнего военного обиталища — у водонапорной башни, сотворенной руками дореволюционных «штрафбатовцев», пытавших здесь горькую несвободу. Именно на боках этой кирпичной «старушки», под толстыми слоями штукатурки, мы можем обрести искомую информацию: найти старательно выскобленные гвоздем на вечных камнях буквы КОГ, которые заключают в себе фамилию, имя и отчество нашего героя, когдатошнего воспитанника ВжСВУ: Киселев Олег Григорьевич. И, возможно, придет то время, когда скрупулезный краевед обнаружит и расшифрует эти наскальные письма, предположив, что данная акция, предпринятая юным суворовцем, уже тогда носила черты тайной консолидации с узниками дисциплинарного батальона. Вот такая получается связь времен.

* * *

Конечно, нужно иметь богатое воображение и фантазию, чтобы назвать суворовское училище — училищем. В училищах такой роскошной библиотеки не бывает, где,

выстояв очередь краснопогонных соплеменников, можно было получить первое в СССР (саратовское) издание легендарной книги Эриха-Марии Ремарка «Три товарища» и еще раз убедиться, что нет уз святее товарищества. Где совершенно спокойно можно было получить свежий номер журнала «Искусство кино» и прочитать сценарий «Застава Ильича», основу будущего фильма Марлена Хуциева «Мне двадцать лет», пролежавшего на полке те же двадцать лет. Не было в узилище и не могло быть регулярных конкурсов на лучший рассказ, который однажды выиграл герой нашего повествования за написанное полотно о русском солдате времен Великой Отечественной, спасшем и выходившем в окопе на нейтралке подбитого немецкого летчика. Не могло быть в узилище олимпиады на лучший рисунок, где тот же наш персонаж отхватил первое место и двухэтажную коробку цветных карандашей «Искусство», предмет восхищения всей 7-й роты «Б». И это при том, что в начале каждого учебного года добродушный старшина-фронтовик дядя Коля Черных зычно предлагал желающим получить кисти, мольберты, масляные краски, подрамники и холсты. Желающих было немного, но Киселев, рисовавший в стиле позднего Эйзенштейна, там в каптерке, жуировал, отбирая кисти по известному только художникам способу: на вкус и на цвет.

Но что поделаешь, а несвобода все же была. Казенные стены.

Подъем ни свет ни заря. И утренний марафон вокруг училища и в пургу, и в жару. И не мама рядом, а офицер-воспитатель, называющий тебя на «вы» чуть ли ни с десяти лет. И много еще чего было, что и порождало «жалистивые» песни суворовской младости.

*Ненаглядная мама,
Чем я так провинился,
Что меня ты так рано
В СВУ отдала?*

Кстати, о мамах. У кого они были, у кого вообще родители раньше времени ушли. И никто, кроме тебя самого, не выроет на полуденном солнце окоп чуть ли не полного профиля, и никто не потащит за тебя плиту ротного миномета. И это — «в шестнадцать мальчишеских лет...». Так, кажется, закалялась сталь?

* * *

И теперь, когда мы пишем не о юном кадетике, обитателе казеннокоштного дома, а о сложив-

шемся человеке, талантливом режиссере, сценографе, драматурге, о личности гармоничной и свободной, сохранившей и развившей эти свойства души вопреки злым обстоятельствам, скрутившим в бараний рог многих остальных, принудив их к рабскому приспособлению, изничтоживших чувство собственного достоинства, не спрашивайте нас, откуда что пошло в человеке, о котором мы ведем речь.

* * *

После суворовского настал черед Новосибирского театрального училища. По окончании — приглашение в знаменитый в те поры Московский театр миниатюр п/у В. Полякова, проезд в столицу, деликатная просьба руководства театра потерпеть, стоившая вежливой отказа, лютая стужа, бесквартирная Москва, чужая и малопонятная, ночевки в депо троллейбусного парка. И твердая уверенность в том, что все будет нормально. Наверное, потому без большого внутреннего зажима он, что называется, показался и был зачислен в штат повсеместно всеми любимого театра на Таганке. На долгие годы. Актером эпизода. Но даже с московской пропиской бесквартирность его продлила всю московскую жизнь. Длинною в 25 лет.

* * *

Замечательно написал мудрый философ: жизнь — это раскрытие, утверждение и обретение вечно-го, тогда как биография — всего лишь описание временного.

Понимаем, что жанр жития — не газетный жанр. Упрощать фигуру не хочется. Но время требует своего стиля. Он действительно работал и дружил с В. Высоцким, В. Золотухиным, В. Смеховым. Играл в спектаклях «Пугачев», «Мать», «Десять дней, которые потрясли мир», «Галилей», «Послушайте» и многих других. Он, конечно, и работал, и дружил, и даже довелось ему в один несчастный день снимать случайной «школьной» кинокамерой последний трагический выход Высоцкого на люди — его похороны. Этот ролик так и останется уникальным, и он увезет его в Канаду. Все это было так, но на письме отдает суетной перечислительностью. Но ничего не поделаешь: будем разрываться между «житием» и «биографией».

* * *

Кино для Киселева было и остается более чем любовью. Еще в суворовском, миллион лет назад, он однажды вдруг заявил автору этих строк: «Посмотрим, мы еще будем сидеть во ВГИКе!». (Это мы тогда «Искусство кино» начитались). Лет через двадцать пять мы с ним действительно сидели в монтажной ВГИКа. Олег помогал молодой студентке с операторского отделения довести до ума ее ленту. Народу в мастерской было шаром покати. И это в самый разгар работы над курсовыми проектами. «А где же студенты?» — удивился я, хотя и посвященный в методику преподавания в высшей школе. «Студенты в общежи-

тии пьют», — ответил мне молодой человек, случайно заглянувший в монтажную. А я-то думал — ВГИК! Волшебная страна Эльдорадо! Киселев усмехнулся: «А ты помнишь наш разговор в суворовском?».

История с его поступлением и учебой на Высших кинорежиссерских курсах похожа экспозицией на рождественскую сказку. Когда-то во ВГИК Олега не приняли. Посчитали, что диплом театрального училища до аттестата зрелости не дотягивает. Хоть в ШРМ иди. Но относительно кинокурсов свое веское слово сказал Ролан Антонович Быков, когда-то позвавший Олега на смотрины и для отбора детей к своему фильму. Теперь это дело называется «кастингом». Вероятно, так солидней звучит.

К восторгу Быкова, наш герой с такой органичной чуткостью отличал в массе юных кандидатов на роль самых-самых, а еще так утешно успокаивал провалившихся, что Быков-педагог буквально погнался Олега учиться по специальности «режиссер детского кино». Приняли Киселева согласно исключению. А исключали по всем тогдашним правилам: поставили «неуд» за первую же курсовую ленту. Публично заклеив в ней идеологические и прочие просчеты. На эстетические или времени не хватило, или оснований не было.

* * *

А «частевка» была как частевка. И сюжет «ералашный». Об

экскурсии начальных классов по местам написания картины художника Васнецова «Аленушка». Олег снимал ленту там, где когда-то рисовал на природе популярный художник. Но только Киселев снимал пленер сто лет спустя.

Нынче пруд из «Родной речи» резко обмелел, поскольку насос, установленный на самой его середине, исправно выкачивал воду для близлежащих творческих дач. Склоны водоема облысели окончательно, так что девочка, игравшая для одноклассников роль Аленушки (по наущительной режиссуре классной дамы) в это-то пруд и загудела. И чуть было не утонула. Если бы сама на ноги встать не догадалась. Учительница рыдала. А экскурсанты истерически хохотали. Вот и все. Но этого всего для исключения хватило. Документ подписал директор курсов, сценарист испытанного популярностью боевика «Подвиг разведчика», бывший полковник органов. Вероятно, он видел Киселева насквозь. На будущее.

* * *

Широкие народные массы о нашем герое никогда ничего не слышали. И его работ не знают. Правда, несколько лет назад «Авторское телевидение» дважды показывало полнометражный телефильм о нем и о его главном детище в тогдашней Москве — Театре пластической импровизации. Кира Прошутинская, автор фильма, предварила его повтор-

ную демонстрацию монологом о безысходной участи непризнанных гениев на Руси. Поначалу можно было подумать, исходя из интонации речи Киры Александровны, что Киселев либо спился, либо безвременно преставился. Но знающие Киселева ведали, что наш герой к алкоголю всегда относился агрессивно равнодушно, а помирать не собирался, гастролируя в то самое время со своим маленьким театром по зарубежью. Но это мелочи. Главное, что руководитель популярной передачи представила Олега широкой отечественной публике. Поскольку до этой поры киселевский театр был более известен среди голландцев и канадцев. Так уж вышло...

* * *

А в те давние дни взаимоотношения Олега Киселева с отечественным официальным кинематографом закончились навсегда. Но началось другое кино. Киселевское.

Для этого нужно было отправиться на Ваганьковское кладбище, вступить в тесные ряды местных копачей (попробуйте, протиснитесь!), заслужить у них непререкаемый авторитет посредством лопаты, кирки, лома и ума; заработать уважение в результате совместной работы трескучими морозами, слякотными осенями, ознобными веснами. Этот труд дал ему возможность накопить денег для того, чтобы приобрести целый набор киносъемочной профессиональной аппарату-

ры. Хватило и на современную технику, и даже на камеру времен Веры Холодной. Последнее приобретение, как думается, сделано было из чувства изощренного эстетизма. Тем более аппарат еще как функционировал!

Вбухав дополнительно уйму денег на кинолентку, хронически залезая в долги, он умудрился буквально один снять в Крыму целый художественный фильм, уговорив группу профессиональных актеров работать с ним за так. Фильм получился. Это сказали немногочисленные «удачники», видевшие ленту. Это подтвердила и поднаторевшая в андеграунде аудитория французского культурного центра при посольстве в Москве, где картину удалось показать.

Несколько другое мнение сложилось у экспертов с Лубянки. Но темы их творческих дискуссий требуют отдельного повествования.

Как и разговор о двух официальных предупреждениях ГБ «о недопустимости»... В конце 80-х новые лидеры кино искренне предложат ему восстановиться на кинокурсах. Он поблагодарит и искренне откажется.

* * *

Снимал он и документальные ленты. Иначе чем шедевром комического его фильм, условно названный нами «Воскресный пикник профсоюзного коллектива работников Ваганьковского кладбища на теплоходе имени XXII съезда КПСС», назвать

нельзя. Лента бессловесна. Идет себе и идет под музыку «кантри». Но на стуле в зале просмотра вам не усидеть. Словом, копачи на привале.

* * *

Если составить список его творческих проектов, которые пресеклись на корню, пересчитать количество его студий, которые спустя некоторое время закрывались под тем или иным предлогом, знать объем тех дерзких дел в театрах, от которых его оттирали — то для терпения пережить все это нормальной человеческой жизни оказалось бы мало. Но не киселевской. Он спорил, ругался, доказывал, но никогда не уходил понуро. Видно потому оппоненты и недоброжелатели остерегались открыто хамить ему, сталкиваясь с такой убежденностью, которой у них и быть не могло, приносившихся к действительности.

* * *

Хрестоматийное высказывание Маяковского о Велимире Хлебникове как о поэте для поэтов примерно и к нашему герою. С тем лишь отличием, что Киселев является таковым по отношению к поискам театральной режиссуры в 70-80-е гг.

Но в творческих подвалах театральной Москвы, Питера, Киева, Одессы, Новосибирска и бесчисленного количества других городов, в подвалах, которые потом с годами прорастут сквозь асфальт и выйдут на поверхность

бытия именитыми театрами-студиями, театральными лабораториями, образ нашего героя носит оттенок легенды.

Поинтересуйтесь об Олеге Киселеве и его роли в творческой жизни знаменитых «Лицедеев», спросите о нем у блистательного лидера петербургских клоунов Лени Лейкина, спросите выпускников «узбекского курса» Бориса Петровича Чиркова, скажем, у Джаника Файзиева. Спросите, наконец, у Олега Павловича Табакова относительно фигуры театрального бунтаря Киселева. Интересно, что он ответит?

Одно мы знаем точно: для самого Олега Киселева проблемы с известностью-неизвестностью не существовало. Зная его, мы можем предположить, что дело тут не в скрытности театральной натуры, а в том, что хлопоты о популярности, о собственном, как говорят сегодня, «пиаре», что все эти суетные дела могли бы увести в сторону от главного дела его жизни — от искусства театральной импровизации, современное воплощение которого частично и нашло отражение в спектаклях его Московского театра пластической импровизации «Каникулы Пизанской башни», «Глюки», совершенно ошеломивших своей невиданной фантазией сначала зрителей фестиваля «Игры в Лефортове», а уже позже театралов российских глубинки, а еще позже городов Голландии, Португалии и Канады. Лефортовский спектакль, названный критиками «явлением русской сцены», был,

кстати говоря, первым обстоятельным публичным показом его театральных открытий после долгих лет творческого затворничества.

Он не особенно рефлексировал по поводу непризнанности: он репетировал днями и ночами, писал и ставил пьесы, рисовал эскизы костюмов, снимал фильмы, строгал, пилил, рубил, сколачивал декорации, клеил ракорды фонограмм для репетиций и спектаклей, запойно читал, участвовал в своих постановках как ведущий актер. Он был себе каменщиком, и плотником, и столяром, и слесарем, и сантехником, когда буквально из ничего, из замызанного и пропитого подполья на московской Студенческой улице сделал уютнейший камерный театр. С крохотной звуковой и осветительской и даже душем для утомленных от перегрузок актрис и актеров. Все было чисто и прибрано, как в родной квартире. Разве что иногда отдельные жильцы дома, бывлые посетители пьяного подвального уголка, спецы в канализации, устраивали нашему герою фекальные подтопления. В отместку за то, что их поперли из «родного угла». И анонимно сигнализировали в милицию о том, что «в подвале голые люди круглосуточно под музыку пляшут». Явившийся однажды участковый, посидев на вечерней репетиции, ушел с деликатными словами: «Вы, если кто-то мешать будет, мне сообщите. Я, может, у вас чего и не понял, но то, что вы

все так красиво делаете, чувствую». А милиционер, к слову, был еще доперестроечным!

* * *

Но сногшибательный успех «Игр в Лефортове» был еще далеко впереди. А в театральном подвале, особенно душном зимой из-за громадной теплоотводной трубы, четко пересекавшей потолок помещения, днем и ночью шли репетиции театра пластической импровизации. Вообще театральная импровизация и все то, что с ней связано, — особое место в душе Олега. Пластическая же импровизация — это его «ноу-хау», его детище, его ребенок. Современная драматическая сцена не любит и не хочет знать отклонений от уже начерченного режиссерского рисунка роли. Но Киселев потому и Киселев, что ему скучно и обыденно в мире привычного и устоявшегося. Однажды на занятиях по физподготовке, еще в суворовском, «на заре туманной юности», он решил продемонстрировать стиль прыжка в высоту, по-моему, доселе неизвестный всему прыгающему человечеству.

И сделал это еще задолго до того американского парня по фамилии Фосбери, ставшего чемпионом мира по этим самым прыжкам и преодолевшего планку, пролетая над ней спиной. В спортзале ВжСВУ суворовец Киселев, не раздумывая, пошел на показ своего стиля на глазах изумленной публики. И, хотя высота была совершенно нерекор-

дная, второразрядная даже по тем временам, триумф состоялся. Планка не дрогнула. Правда, имела место досадная травма — перелом руки. Но это было уже другое дело. Триумфатор с почетом был отведен нами в санчасть, загипсован врачами и освобожден от письменных уроков. На что легендарная наша преподавательница математики Анфиса Ивановна Дармодехина сказала ему: «Вы на все пойдете, суворовец Киселев, лишь бы контрольную по алгебре не писать». Он терпеть не мог математики, как и она его. Но руку ломал он не из-за контрольной. Тут мудрая Анфиса ошиблась.

Он годами вкалывал в своем подвале, внушая своим молодым воспитанникам, что импровизация телом — это та же джазовая импровизация. Только иными средствами. Киселевские питомцы старались изо всех сил освоить этот метод, бесконечно ругаемые наставником, любимым и ужасным.

В раздражении он сам вылетал на пяточок подвального подиума и под джазовые ритмы Чарли Паркера показывал, показывал, показывал, что может получиться, когда человек, безупречно владеющий своим телом, может насочинять на заданную тему. Ребята чуть не ревели от досады, но повторить этого не могли.

* * *

Ребята... Далеко не все из них были профессиональными актерами. Это был первый набор его труппы. Раса, жена и подруга, хруп-

кая литовская мадонна с десятью классами школы за плечами. Валера, славный юноша, откуда-то из Пензы, приехавший поступать в цирковое училище, да так и не поступивший и оставшийся в Москве. Лена Величко, девочка из тогдашнего Ленинграда...

О! Елена — это особый персонаж нашего повествования. Когда я смотрю изумительную Дину Корзун в фильме «Страна глухих», мне кажется, что Дина не могла не знать Елену из театра Киселева. Поехавший как-то в Питер, чтобы поставить там у славных «Лицедеев» «Петрушку» Игоря Стравинского, Олег встретил среди поклонников этой уже прославленной труппы глухонемую девушку. Была она курноса, с громадными глазами, с уличными манерами и совсем неопределенной судьбой в будущем. Он заговорил с ней, большой и мощный, и девочка притихла и стала слушать Олега Григорьевича. Слушать, но не слышать. Потому что Киселев разговаривал с ней... руками, на языке глухонемых. Он знал основы этого языка, потому что в актерской своей молодости подрабатывал в уникальном театре мимики и жеста в Москве, где подавляющая часть труппы говорила и играла руками. В принципе, это были инвалиды. Но то, что материалисты называют природой, а люди некосные — Провидением небесным, вот это и дарует людям обделенным (как говорят в просторечии) некие иные качества. Слабослышащие люди крайне тонки в мировосприятии и ис-

ключительно талантливы в тех проявлениях, в которых люди обычные, мы с вами, обычными и являемся. Например, в искусстве пластики.

Киселев, переговорив с мамой Ленки, обычной ленинградской инженершей с соответствующей зарплатой, замыканной работой и нуждой, забрал девчонку с собой, препоручив проблемы ее светского воспитания своей тогдашней жене Расе. Бесконечно добрая и одновременно по-прибалтийски пунктуальная и аккуратная Раса учила Елену всему. Вплоть до того, как правильно держать в руках вилку с ножом. Не говоря уже о том, как регулярно следует пользоваться макияжем, чтобы не быть похожей на раскрашенную куклу. Киселев осуществлял верховное руководство — учил человека театру. Словом, девчонка из Питера стала Киселевым вроде приемной сестры. Она закончила среднюю специальную школу. А потом поступила на специальное же актерское отделение Щукинского театрального училища. Последнее было чистой импровизацией с Елениной стороны. Киселев гневался, ибо считал, что для современного артиста традиционные методы обучения профессии являются вчерашним днем. Но решению Лены Великой в принципе не перечил.

Все это выглядело бы сентиментальной историей в духе старой «Комсомольской правды» о том, как человек не бросает другого человека в беде, если бы не знать, на какие ухищрения шел

руководитель театра пластической импровизации для того, чтобы его ребята не отвлекались от главного. Он специально ездил в командировки по всей стране от Всероссийского театрального общества, читал лекции по своему театральному методу, проводил тренинги, чтобы потом на полученные командировочные немножко поддержать своих подопечных.

Кстати говоря, и подопечные, и сам мастер зачастую обедали вместе, на крохотной кухоньке, которую соорудил Олег рядом с репетиционным залом. Обед обычно был из трех блюд. Рис и тертые овощи. Плюс чай в неограниченных количествах с сушками.

Долго или коротко, но театр потихоньку становился на крыло. Иногда Киселев разрешал своим выступать. С короткими отрывками. Не более того.

В подвал на Студенческой косяком шли любопытствующие. Посмотреть на то, что творит там уму непостижимый режиссер. Таких незваных пришельцев Киселев терпеть не мог. Они отвлекали, расхолаживали, мешали работать. Они, в конце концов, последний кислород съедали в этом маленьком помещении. Он месяцами сидел в своем подполье, не ощущая, в каком городе живет. Однажды мы поехали с ним от метро «Студенческая» до метро «Пушкинская». Я обратил внимание на то, что на эскалаторах Олег озирается. Спросил его о причинах. «Я из-за этих репетиций три месяца в центре Мос-

квы не был, — ответил он. — Теперь по-новой знакомлюсь».

* * *

«... Можно до конца своих дней не замечать и не чувствовать своего собственного тела (подобно воздуху, которым мы дышим), и вспоминать о нем, об этом чуде природы, только на больничной койке... И как бедна иногда мне кажется иная жизнь, которая так и не поняла, что тело умеет думать! Ведь наши мысли не рождаются в голове — они в ней только находят друг друга».

(Из рукописи О.Киселева «Учу фантазировать телом».)

А еще в подвале жила собака Лиза. Лиза происходила родом из московских «дворянок» и была подобрана щенком в один ненастный вечер приткнувшейся к чьему-то автомобилю. Лизу аккуратно выгуливали утром и вечером и обязательно на поводке. Иной раз по недогляду природа брала свое, и Лиза становилась матерью. Будучи в положении, она виновато смотрела на всех, понимая, что в несытном подвале скоро появятся еще несколько голодных ртов. А на вопрос Киселева: «Что ж ты, Лиза, за своей моралью не следишь?», собака натуральным образом ахала, скулила и будто говорила глазами, что с ней такой «оплошности» больше не повторится. Между прочим, страдал и сам «начальник метода пластической импровизации». Он категорически не мог топить щенят, ибо самолично принимал роды у

Лизы. То есть было ее малышам как бы крестным отцом. Наступал день, когда Киселев, уставший подтирать лужицы за своими «крестниками», произносил громовую речь, и на Птичий рынок у Таганки отправлялась на торговлю почему-то женская часть коллектива. Каждой «торговке» выдавался рубль и инструкция: отдавать щенка и деньги только людям с приличными лицами. (Разумеется, рубль был еще советский, увесистый.)

Лиза проживет в подвале долгие годы. И отбудет с Киселевым в Канаду. И не просто приложением. Поскольку давным-давно была приучена хозяином играть эпизодические роли в его спектаклях. Теперь вы понимаете коварство художественного руководителя театра пластической импровизации? Попробуйте играть натужно и неискренне рядом с абсолютно естественной, природной манерой поведения Лизы.

* * *

Когда-то он поставил перед собой задачу, которая и по истечении времени кажется нам невыполнимой по тяжести решения: посредством пластики освободить человеческий дух от боязни жизни, от фобий, порожденных внешними и внутренними обстоятельствами. Для многих это было за гранью понимания. Для страны, которая даже в своей столице училась получать рис, манку и водку по талонам, мечтала о куске «Докторской» колбасы, все его замыслы были блажью и нереаль-

ностью. И сейчас, когда наши магазины, гастрономы переполнены всем этим добром, завозным и родным, неустроенность и беспокойство продолжают бередить душу людей. И он уехал.

* * *

Перед отъездом, сохранив вечную беспристрастность на лице, сказал: «Сейчас в России нужны экономисты, юристы, врачи, инженеры. А театр только им мешает и под ногами путается». Может быть, он и был прав, но какой-то пугающей правотой.

Теперь он живет и работает в Монреале. А до этого был тихий Эдмонтон, в котором жизнь текла медленно и органично. По его же собственным словам, «как растут у человека волосы и ногти». Он не ждал милостей от канадской природы, людей и вещей. Надо было, он ехал на велосипеде на дальний завод, где мыл и драил тамошние полы в цехах. Он ехал не в «колбасную» эмиграцию. Поэтому ему было по-своему легко, поскольку он обходился малым. И там он затеял маленький театр, в котором репетировал вечерами и ночами.

Обнаружив на автомобильной свалке списанный автобус, он восстановил его и объездил на нем со своей труппой всю Канаду. Пока дряхлый автобус окончательно не пал «на ноги». Но он огорчился на секунду. Потому как эксперименты и опыты заставляют его думать и работать на главное. На путешествия в самом себе. На поиск истины. Эта дорога бесконечна, что его и радует, и огорчает.

Иногда Олег снимается в кино, готовит ленту о своем учителе, выдающемся скульпторе современности Вадиме Сидуре. На Западе о Сидуре давным-давно знают, печатают альбомы репродукций. В Москве стоит монумент его работы, посвященный памяти ребят, павших на афганской войне. Вадима Абрамовича уже нет с нами. Но многие годы его ученик снимал его на видеокамеру. Уже прошел где-то в закрытых недрах наших отечественных фестивалей фильм, сделанный на основе бесчисленных съемок Олега, получивший гран-при и восторженные отзывы. Но Киселев считает свой труд незаконченным.

Въедливый человек, он по-прежнему не доволен театральными работами своих учеников, собой. Но это — не рефлексия, а его естественная реакция на происходящее в нем и вокруг него.

Его любимые герои с детства — Америго Веспуччи, Васко да Гама, Магеллан. Его едва ли ни самое любимое выражение: «Путь к цели не менее интересен, чем сама цель». Его любимая героиня — мама, Клавдия Михайловна, медсестра фронтовых лет. Он сам — любимый друг своих друзей.

* * *

Когда я пришел в суворовское, был я пацан пацаном. Исполнилось мне тогда чуть больше двенадцати. И так случилось, что через несколько дней после поступления умерла наша с сестрой мама. До этого она долго и тяжело болела. И остались мы одни на белом свете.

Отец ушел из жизни еще восемь лет назад. За неделю пребывания в казарме я не успел познакомиться со своими новыми товарищами. Попробуй познакомься: их было в роте больше сотни человек.

Командир роты майор Миرون отпустил меня на похороны. Первый раз в своей суворовской жизни шел в увольнение на три дня: попрощаться с мамой. Как я вернулся в свой новый дом, как доложился — ничего не помню. Я крепился изо всех сил и не плакал. Было очень стыдно плакать перед мальчишками-ровесниками. Тем более, что на моих костлявых плечах были погоны.

Разобрало меня ночью после увольнения. Я закрывал рот руками, кусал пальцы, но ничего не получалось. Выля, как пожарная машина. Но, будучи тогда совсем домашним мальчиком, я понимал своей стриженной под «ноль» головой, что своими рыданиями могу разбудить всю свою мирно спавшую роту. Тогда я не придумал ничего лучшего, как забраться под матрац своей койки, голым пузом на панцирную сетку. И еще подушку сверху положил. Однако, мой скулеж все-таки разбудил соседа, спавшего со мной на соседней койке голова к голове.

— Ты чего воешь? — спросил он у меня сонным голосом. Я, как мог, объяснил.

Тогда он поднялся, вытащил из-под матраца меня и повел в умывальную комнату. Там он обильно облил мою физиономию холодной водой. Посидели мы с ним на краю ванны для мытья ног,

пока я не перестал икать. А уже после этого «сеанса» повел меня незнакомый крепыш восвояси. Легли мы на свои койки и стали потихоньку шептаться. Вот тогда я и узнал, что мальчика зовут Олег Киселев, что он из Новосибирска, что у него там живет мама. И тут я провалился в сон, как в обморок. Только помню, что он через две грудки рукой дотянулся и погладил по моим куцым волосам.

Исповедуюсь я сейчас неслучайно. Потому что во взрослой нашей жизни, изредка приезжая в Москву, не раз слышал заспанные сетования его подопечных, его знакомых, его болельщиков, как нестерпимо жесток и деспотичен бывает Олег Григорьевич. Я не возражал им, но и не кивал в ответ. Потому что считал и считаю, что все мы действительно родом из детства. А про детство я вам уже рассказывал... И еще я видел, как истязал он работой самого себя. Всю жизнь. По крайней мере ту часть, которую я видел. И продолжение, как я полагаю, следует.

* * *

«Подвижники нужны, как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они возбуждают, утешают и облагораживают. Их личности — это живые документы, указывающие обществу, что кроме людей, ведущих споры об оптимизме, пишущих от скуки неважные повести, ненужные проекты и дешевые диссертации, развращающих во имя отрицания жизни и глущих ради куска хлеба, что

кроме скептиков, мистиков, психопатов, иезуитов, философов, либералов и консерваторов, есть люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно осознанной цели. Если положительные типы, создаваемые литературой, составляют ценный воспитательный материал, то те же самые типы, даваемые самой жизнью, стоят вне всякой цены».

Антон Павлович Чехов

***

Я думаю, я знаю, что он хотел бы побывать в Воронеже. В том

Воронеже, где течет быстрая и мелкая река, окруженная зеленой поймой и где после покоса одуряюще медвяно пахнет травой, а южный ветер несет эти запахи прямо к стенам родного корпуса.

***

— *А когда он получал деньги? — Никогда! Нельзя быть великим и получать за это деньги.*

Уильям Сароян

«В горах мое сердце»

«Инфа», 26 апреля 1994г.

Об Алексее Прасолове

(из воспоминаний)

В первый раз я увидел его, если не ошибаюсь, осенним днем 1969 когда вернулся из отпуска в Хохол.

Редакция газеты «За коммунистический труд», где я тогда работал, стояла на отшибе от райцентра. Вылезешь из автобуса «Воронеж — Хохол» во чистом поле и идешь себе в редакцию еще с полверсты.

Так было и в тот день. У хатки редакции стояли двое: ответсек Коля Иванов и ладный крепкий мужичок невысокого роста. Он-то и оказался Алексеем Прасоловым.

Коля нас познакомил. Аleshа, как выяснилось, успел сбе-

гать на пробную рыбалку. Недалеко, в карьерных озерцах, наловил довольно крупной плотвы, чему, судя по виду, был необычайно рад.

Что мне запомнилось внешне? Его открытая улыбка. И почему-то костюм. Старенький, в мелкую клетку. Отутюженный, очень аккуратно подштопанный. И Прасолов — энергичный такой мужик, азартно жестикулирующий во время разговора, словно подтверждающий свое слово жестом. Весь в смехе. Круглолицый. Потом, уже позже, разгляжу дюжий лоб козырьком. Так и казалось, когда наклонял свою лобастую голову, будто козырек на глаза надвигает. И, конечно же, непременный его берет.

Я читал стихи Прасолова до того, как нам встретиться. В «Молодом коммунаре», в «Подъеме». Но самого никогда до Хохла не видел.

На первых порах я внутренне очень стеснялся Алексея Тимофеевича. Уже почти все в редакции звали его на «ты» (кроме редактора Вадима Кордова. Редактор со всеми был предельно корrekтен и всем «выкал»), я же продолжал, по словам Прасолова, «вертеть вола»: «Алексей Тимофеевич, Алексей Тимофеевич». Понять меня можно: он был на целых пятнадцать лет старше. О прочем — умолчу.

Так я и величал его, пока тот мимоходом не бросил, услышав от меня в очередной раз свое имя-отчество: «Да ладно тебе!».

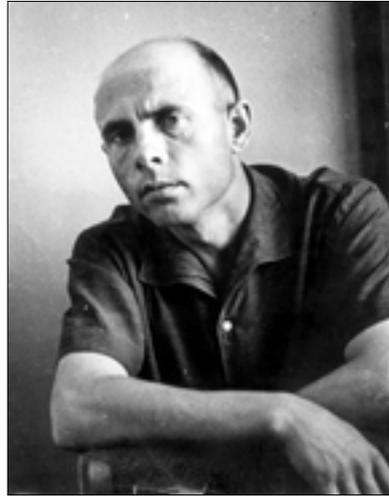
***

Долгие годы после его смерти я не мог писать о нем. Сначала все было так близко, вчера...

Потом боялся, что начну при-сочинять, ударюсь в «беллетристику». Нынче же такое ощущение пришло, что и не выразишь словами. Одно только могу сказать, что не беллетрирую. Разговоры с ним — в ушах. Вспоминаю о нем таком, каким остался он в моей памяти.

***

Свои стихи и прозу Алексей читал многим в редакции. Практически — всем. Никого не выделял и не обделял. Но не делал этого при стечении народа. А только индивидуально.

Читал он мне как-то вслух начало повести о детстве «Жестокие глаголы». Это был превосходно написанный кусок. Но, помню, на фоне его удивительно поэтического языка вдруг резанула ухо какая-то случайная газетно выписанная деталь. Я осмелился сказать Алексею об этом. Он перечитал еще раз вслух это место. Потом перечитал в третий раз:

— Торчит?

— Торчит, ей богу!

— Ладно, подумаю...

Спустя неделю-две сказал мне задумчиво:

— Ты прав.

Я за суетой уже и позабыл, о чем идет речь:

— Ты про что, Тимофеевич?

— Переписал я тот абзац про рисунок мальчика на стене хаты. Не знаю, может быть, вообще его выброшу.

Еще через какое-то время напомнил:

— Я это место убрал.

Работал он по-настоящему и приближительности не терпел на йоту. Тем более, когда речь шла не о редакционной рутинной писанине.

* * *

Дружил ли он со мной? Думаю, нет. Просто мы трудились рядом. Большой русский поэт с тяжелой судьбой и почти мальчик, свежеепеченный выпускник филологического факультета университета. Но этот юноша знал, с кем довелось ему вместе работать.

* * *

Я профилонил редакционный субботник. Смотрелся в большой город на выходные. Редактору же клятвенно пообещал отработать «свою долю» в свободное от работы время. С тем и уехал.

«Доля» оказалась такая: приблизительно десять метров штакетного забора вокруг редакции. Плюс посадка дерева.

Дерево я посадил в понедельник после рабочего дня. Со штакетником получилось хуже. Стал прибавать жердочки на глаз, и такая «волна» пошла, такой «девятый вал» покатился, что еще не ушедшие после службы коллеги за бока хватались от смеха, глядя из редакционных окон на мои потуги.

Я злился, а редакционный домик, составленный когда-то из двух щитовых, разве что не трясся от их утробного смеха.

Первым не выдержал моего дикого надругательства над плот-

ническим искусством Алексей Тимофеевич.

Вышел ко мне с хмурым лицом. (На меня ребята обиделись за «смыв» с субботника. И Прасолов, разумеется.)

— Сходи в типографию за шнуром. Надо же по уму делать, а не задницей. Иди, пока я твои «художества» отбивать буду. Дай только молоток и топор!

Сложил я «оружие» перед ним и полпелся за веревкой в типографию, благо та была в двух шагах. Вернулся быстро. Рядом с Алешей уже вовсю трудилась его молодая жена Раечка Андреева. Алексей по-прежнему был мрачен. Рая же без смеха не могла смотреть ни на штакетник, ни на меня. Я не выдержал и тоже начал хохотать.

Алексей было махнул рукой сердито и досадливо, но улыбка и его поборол.

Отсмеявшись до слез, мы начали орудовать. Алексей — на основных работах, мы со славной Раей на вспомогательных. Ползли из редакции «добровольцы», но, кроме моего закадычного друга Алеши Тишанинова, прочие были отвергнуты.

Наверное, Алексею Тимофеевичу стало жалко меня, когда я один, стуча себе по пальцам, вкривь и вкось строил эту «демаркационную линию». Хохочущих надо мной оказалось и без него достаточно. Вот он и вышел на подмогу, добрый человек.

А потом, почти в сумерках, с примкнувшим Тишаниновым пошли мы вместе к Прасоловым

на их съемную квартирку в гости. Есть жареную картошку. Это были первые опыты Райсы как молодой хозяйки в области кулинарии.

Картошка Рае удалась. Но больше всех этому радовался Алексей Тимофеевич, то и дело спрашивавший едоков:

— Ну, как картошечка по качеству?

— Лучше моего штакетника, — честно признался я. И все мы дружно засмеялись.

Вообще Тимофеевич посмеяться любил. И улыбка ему необычайно шла. На фотографиях в сборниках стихов он был серьезен. А в жизни я больше запомнил его улыбающимся и смеющимся.

Через несколько лет после того «субботника» я наведался в Хол из Воронежа в командировку. Старая редакция еще стояла на прежнем месте. Стоял и штакетник, посеревший от времени. И большой уже тополь трепетал от степного ветерка. Только Прасолова не было в живых.

Ах, Алексей Тимофеевич!..

* * *

С посвящением стихотворения «В эту ночь с холмов...» вышла вот такая история.

Шли мы как-то с ним по весне вдвоем из столовой кирпичного завода, куда навещались почти аккуратно во время обеденных перерывов. Шли, по обыкновению ругая тамошнюю еду: вечно подгоревший гороховый суп с перьями ржавого жареного лука. Это

было наше послеобеденное «меню» разговоров.

Наконец мы подошли к узкоколейке. Там, уже за ней, шла в любое время года сухая песчаная почва. Стали ритуально очищать о рельсы подошвы от налипшего густого чернозема. Чтобы не тащить с собой лишнего.

И тут Алексей как-то безо всякого повода сказал, что буквально вчера написал стихи. И прочитал их. Первое я, к стыду своему, не запомнил, а от второго — «В эту ночь...» — прямо завопил от восторга. И махом перепрыгнул через рельсы. Прасолов заулыбался от подобной реакции. И вдруг спросил:

— Хочешь, посвящение тебе дам?

Я опешил.

— А ты мне отдай в вечное пользование ту пародию, что написал, — продолжил Алексей Тимофеевич.

Пародия, надо сказать, была не столь мастеровита, сколько ехидна. Из тех, что пишутся молодым умом «ради красного словца». Писана она была для нашей внутриредакционной стенновки «Левой пяткой». Сюжет — загул Алексея с одним нашим корреспондентом. Я тогда и представил себе не мог по возрастной глупости, сколь серьезна была эта болезнь Алексея Тимофеевича. Ответсек Коля Иванов, фотокор Алеша Тишанинов выслушали пародию хохоча. Естественно, что читалась она при Прасолове.

Тимофеевич вроде улыбался себе под нос, слушая ее и подер-

гивая плечом. Но я тут же уразумел, что он обиделся. Когда мы остались наедине в нашей рабочей комнатке, спросил его:

— Ты обиделся?

— Ерунда, с чего ты взял?

— Тогда я эту пародию похерю! — решительно сказал я и нарочито небрежно засунул листок с текстом в стол...

С тех пор, как была написана эта ерунда, наверное, прошел месяц. Но, оказывается, Алексей нес в себе обиду. А вот только нынче проговорился. Но на такой его обмен пародии на посвящение надулся и я. Говорю ему по ходу возвращения в редакцию:

— Не надо никаких посвящений! Я тебе свою фиговину и так отдам.

...С десяток метров мы прошли молча. А стихи мне действительно очень понравились. И я машинально вслух повторил их последние строки:

*Там сквозь муку тихо светит
праздник,*

Слава Богу, неподвластный нам.

— Честно понравились? — спросил Прасолов с хмурой улыбкой.

— Да! — выдохнул я.

— И хорошо! Быть по сему. А про пародию я так...

Пришли в редакцию. Я вытащил свои «сатиры» из ящичка и протянул Алексею Тимофеевичу. Но тот держал марку:

— Оставь. Пусть себе лежит.

Не без юношеской демонстративности я порвал листы с пародией

в клочья и бросил в мусорное ведро. (У каждого в редакции было персональное мусорное ведро из пластика.)

Алексей засмеялся от души. Все-таки был рад моему мальчишескому жесту.

Потом стихи напечатали в «Подъеме». Без посвящения. Прасолов извинился, сказал, что у него в подборке при печати убрали все посвящения: редактору не понравилось. Заклеймил редактора. А в очередной его сборник стихотворение вошло с дарственными инициалами.

Алеша потом шутил: «У Твардовского посвящение звучит благозвучней — А.Т.Т. Над твоим я голову ломал. А.Т.С.? Автоматно-телефонной станции? Ладно, поставил А.С.».

Мы оба заулыбались.

Увы, в сборнике редактриса выкинула «слава Богу» из текста. Напечатали:

*в этот час там тихо светит
праздник,
неподвластный нам.*

И это про стихию ледохода!

...А стихи в тот памятный день прогулки с Алексеем просто легли на природу: весенняя незамутненная синь, солнце еще падающее. И его замечательную и мучительную жизнь, и мою обыкновенную.

1982-2000 гг.

*«Воронежский курьер»,
12 октября 2000г.*

Визбор: имя собственное

Когда вспоминаешь на публике об ушедшем человеке, тем более о человеке известном, недюжинном, о человеке, с которым был в определенной мере знаком, — невольно начинаешь конфузиться. И на ум приходит фраза из «Записных книжек» Ильфа. Там что-то такое насчет фотографий из семейного альбома. С надписями; «Я — на фоне Акрополя»; «Я — на фоне египетских пирамид».

Будешь писать искренне, а прочтается: «Я — на фоне Визбора».

Не думайте так, пожалуйста!

ВСЕ в мире относительно.

Мы сидим на кухне у Визборов. В их тогдашней новой кооперативной квартире. Она невелика и уютна. Сейчас Визборов в наличие трое. Сам Юра, его жена Женья и их малая дочь Анна детсадовских лет.

Время «действия» — поздняя осень 1973 года.

Жена кормит нас ужином. На ужин — котлеты с картофельным пюре. По твоему разумению — котлеты не только вкусные, но и большие. Я еле со своей справляюсь. Но приученный с детства к ритму казарменной столовой — ем в темпе. Визбор вкушает степенно, несуетно.

— Женья, — обращается Юра к супруге, — мельком взглянув

на мою тарелку, — положи ему еще котлету.

Я категорически отказываюсь, — Котлета мала! — голосом человека, читающего вслух азбуку, произносит Визбор.

На его фоне котлета, действительно, мала. На моем — громадна. Даже недоеденная.

Визбор — витязь. Широкоплечий блондин, в свитере кольчужной вязки. У него улыбка, которая может остановить танк, мчащийся навстречу. Воочию — обезоруживающая улыбка.

Спустя годы, когда Юры не стало, увидев его иной раз на телеэкране, я напряженно соображал: на кого он для меня похож внешне? И как-то раз озарило: на Аркадия Гайдара! Похож крупным открытым лбом, сбитостью фигуры, а, главное, выражением глаз с таинственной и веселой мудростью. Будто Аркадий Петрович и Юрий Иозасович знали о жизни то, о чем мы с вами не догадывались. И оба были отчаянными путешественниками и костровыми людьми.

И еще похожи тем, что была у Визбора — своя судьба барабанщика. Однажды в конце тридцатых люди с «кубиками» на малиновых петлицах увели навсегда из дома его отца, Иозаса Ионасовича, по-московски — Иосифа Ивановича.

* * *

Что это я о какой-то прозе, о котлетах завспоминал?

Но, с другой стороны, должен хоть кто-то вспомнить и о Визборе «одомашненном»? О Визборе — среди стен своей квартиры, где у него, наверное, впервые в жизни был свой отдельный рабочий кабинет? «Порт приписки» его кочевой жизни.

* * *

Всесоюзная слава Юры в ту самую ноябрьскую пору 1973-го ходила уже всюду за ним по пятам. И даже впереди его. Я сам это на улице наблюдал. Шагал с ним рядом по Садовому, и вдруг люди, шедшие впереди, начали дружно оглядываться на него. Словно слава Визбора похлопала их дружески по плечу.

Уже в середине шестидесятых не знать песен Юры в студенческих кругах считалось немислимим явлением.

*Лыжи у печки стоят,
Гаснет закат за горой,
Месяц кончается март,
Скоро нам ехать домой.*

Пелась и масса других визборовских песен. Но для Юрия это было всего лишь популярностью.

К описываемым нами временам он успел сняться в картинах одних из самых уважаемых у интеллигенции режиссеров: у Марлена Хуциева в фильме «Июльский дождь», у Ларисы Шепитько в ленте «Ты и я».

Визбор играл в кино как бы своей персональный человеческий

образ. Обаятельный, умный мужчина, сама надежность! С гитарой в руках и с курительной трубкой на отлете ото рта. Прост, раскован, как и в жизни. Тем и был хорош, тем запоминался.

Но для Юрия Ионасовича это оборачивалось только известностью.

Общественная же слава рухнула на широкие плечи Визбора лишь после «Семнадцати мгновений весны». Рейхсфюрер Борман на экране не пел под гитару, не курил трубку и ходил несколько зловеще загадочным. Словом, должен был нести по идее роли отрицательное обаяние. Но народ эти нюансы про это «отрицательное обаяние» пробросил. Тем паче, уже в те поры в том же народе ходила глухая молва, что Борман работал «Штирлицем». Но рангом повыше. Таким образом Визбор-Борман воспринимался от Бреста до Камчатки «своим парнем в доску». Наш человек!

Насчет же этой самой славы Визбор не только смущенно крутил головой и добродушно подсмеивался над ней, но однажды при разговоре в домашнем кабинете крупно высказался в адрес финансистов фильма, оказавшихся сверхскарредными на гоночках съемки. Визбор получил какие-то оскорбительно крохотные деньги. Я все-таки невежливо выпрашивал у него — какие именно? Он назвал сумму, которую невозможно было запомнить из-за ее копейности. Цифра тут же растаяла в памяти.

* * *

Боже мой! Да при воспоминаниях о тогдашних унижениях и поношениях талантов и личностей — сегодняшнее беспутство наших дней за блаженство принять можно! И не в деньгах тут только дело. Ведь сольные концерты Визбора, Кима, Высоцкого проходили, как съезды РСДРП — в обстановке строжайшей, батенька, архижесточайшей конспирации, голубчик!» Чуть что — отоварят тебя письмами в партком, в профком, «на деревню дедушке». И отоварит та же партия, мыкавшаяся сама когда-то в Бутырьках. В том числе за пение песни «Смело, товарищи, в ногу!»

Что партия! «Культурные люди» поджимали губы: «Знаете ли, что-то есть неэтичное в том, чтобы брать деньги за духовное. Тут или дух, или злато! Вот, говорят, Визбор на Домбае на свой же концерт билеты продавал...»

Н-да, много на себе Визбор «заработал!» Чтобы, прожив чуть более пятидесяти, рухнуть в одночасье. Попробуйте накопить себя надолго, когда в четыре года у тебя отца вытаскивают из дома. И мама при этом кричит истощенным голосом в ночи...

После сольного концерта Визбор выходил за кулисы, как из литейного цеха. У него было лицо свехрусталою человека и отсутствующие глаза.

* * *

— Юлик Ким — самый замечательный среди нас, — говорит

Визбор, блаженно жмурясь от дыма трубки, которой попыхивает, сидя за рабочим столом. — Он и поэт, и мелодист — уникальный. И в афишах, и в — программах — «Ю. Михайлов, Ю. Михайлов!» Бред! Но спасибо хоть так... «Спасибо» было озвучено Юрой соответствующим тоном.

* * *

Все относительно. Я любил и люблю до сей поры особенно одну из его песен. Вовсе неприметную среди других визборовских.

Купил журнал «Кругозор». Дело было двадцать шесть лет тому назад. И происходило на душе тогда что-то такое скверное и серое.

Пришел домой, поставил на проигрыватель типа «дрофа» гибкую синюю пластинку из «Кругозора», и запела она приятным неповторимым баритоном песенного репортера Юрия Визбора:

*Дорог на свете много,
Но выше — не найдешь
От города Хорога
В далекий город Ош.*

* * *

— Не расстраивайся! — утешает меня Визбор, узнав, что с его концертами в Воронеже, в университете, о которых я хлопочу, ничего не получается. — Переживем!

Пережили, дорогой Юра! Но куда же запропастился тот давний звуковой журнал с твоей песней? Мне ее нынче послушать вовсе не мешало бы!

«Ифа», 1994г.

Аркадий Давидович:

«Жить на искусство — это искусство!»

Давидович Аркадий Филиппович, профессиональный литератор, сатирик, юморист, афорист. Коренной уроженец Воронежа. Дату рождения принципиально не помнит. Закончил 13-ю среднюю школу, далее факультет механизации Воронежского СХИ. Работал главным механиком совхоза, завучем школы механизации, преподавателем, мастером в горгазе. Без отрыва и с отрывом от производства печатался в журналах «Крокодил», «Подъем», «Урал», в «Литературной газете», «России», «Труде», «Коммуне», «Молодом коммунаре». В соавторстве с В.М.Котенко опубликовал три книги. В последние годы — постоянный автор «Инфы».

— Аркадий Филиппович, чуткий ваш читатель не мог не обратить внимания на то, что на данном этапе творческой деятельности вы переживаете вторую молодость как мастер афористического жанра...

— Я еще первую не пережил!

— Афоризм — жанр удивительно емкий. В нем и философия, и сатира...

— ...И лирика, и политика, и юмор, и наставничество, и пророчество.

— Не слишком ли крепко сказано — «пророчество»?

— Вы знаете, если перечитать шесть томиков моих афоризмов, увидевших свет лишь в последнее время, то там есть и прошлое, и настоящее, и будущее, и за-будущее. А ведь многое из ныне напечатанного писалось в те времена, когда, поверьте мне, самому было страшно перечитывать свои афоризмы. Напишу и озираюсь: может, сжечь их от греха? Как автор я оказался значительно смелее, чем человек. Вот вспоминаю некоторые из «Мыслей» тех лет наугад: «Открыть окно в Европу! Пусть задохнутся!» Или: «Талант — к стенке! Владельца отпустить!» В 78-м году я открыл...

— ... Окно в Европу?!

— Нет, открыл в собственной коммунальной квартире «Музей афористики». Стены, потолок, пол — все было испещрено моими афоризмами. Но когда наступили самые тяжелые времена, я чуть было не закрылся, не забелил свои мысли. В последний момент автор победил во мне обывателя.

— *А когда вы впервые вступили на эту многотрудную стезю? Я имею в виду сочинение афоризмов.*

— Давно. Когда-то я полагал, что афористика — удел гениев. Многие годы я даже не подступался к этому жанру. Но потом вдруг пошло-поехало... У одних талант — от искры божьей. А мне пришлось создавать самого себя. Жизненные удары были соавторами, а то и авторами моих коротких произведений. А я их только редактировал.

— *И в каких изданиях появились ваши первые афоризмы? Ведь они у вас всегда были и остаются «кусачими». Тем более, во времена официоза «с развитым лицом» они звучали как вызов существующему миропорядку?*

— Печататься я начал в «Коммуне». Мне повезло: главным редактором в те годы там был Владимир Яковлевич Евтушенко. Сам писатель-юморист и человек смелый. Я бы на его месте вряд ли согласился пойти на мои публикации.

— *Почему?*

Я — перестраховщик. Ну, мог бы я напечатать себя в таком качестве: «В России все происходит с опозданием. Еще хуже — когда опережает»?

— *И это было опубликовано?!*

— Нет, я побоялся предложить такой афоризм Владимиру Яковлевичу. Достаточно было того, что печаталось. А когда Евгений Дубровин стал главным редактором «Крокодила», то он завел там рубрику «Юмор разных широт».

Я публиковался под ней среди прочих авторов. Знаете, под какими псевдонимами? Сократ, Платон, Аристотель, Наполеон...

— *«Мания грандиоза» или?..*

На этих людей можно было списать все, что угодно. Их «измышления» читали и дивились современному дыханию гениев прошлого. А кто бы меня такого под собственной фамилией публиковал? Но гонорарами я с ними не делился по объективным причинам.

— *Не думаю, что гонорары, даже в «Крокодиле», могли бы прокормить «соавтора» гениев...*

— «Жить на искусство — это искусство!» — я могу вам ответить о материальной и нравственной стороне жизни литератора. Тем более, когда он работает в сатирических жанрах.

— *Если я не ошибаюсь, вас не приняли в свое время в Союз советских писателей?*

— Впервые я туда вступал со своим соавтором Владимиром Котенко. К тому времени мы написали и издали три книги, Воронежское отделение СП приняло Владимира в свои ряды, а мне было отказано. Но мой соавтор был тут ни в чем не виноват. Я, хотя и не был членом КПСС, являлся обладателем «пятой графы».

Может быть, поэтому и не удостоился. Потом меня не принимали, несмотря на солидные рекомендации, еще раз 5-6. Я со счета сбился...

— *А почему же демократизированный российский СП не удостоил Вас своим членством?*

Ну, раз коммунистический Союз меня не принял столько раз, то и демократическому «неловко» было нарушать сложившиеся традиции. Сначала я на это дело обижался (наш брат — любитель денег), а потом даже стал гордиться. Я — свободный литератор. Это прекрасное состояние!

— *Аркадий Филиппович, если афорист еще и «политик», то что, на ваш взгляд, нынче творится в нашей стране? Ведь я знаю вас как личность высокого общественного накала. А в роли писателя, автора мудрых изречений о происходившем, происходящем и о том, что будет происходить, вы просто не можете быть хладным аналитиком, сторонним наблюдателем.*

— Не хочу уходить от ответа, но если это не будет сочено саморекламой для «Инфы» и для меня, предложу читателям читать мои афоризмы на 32-й полосе вашей газеты. Или взять в Никитинской библиотеке один из последних томиков моих сочинений. Там я более обстоятельно и объемно отвечаю на ваш вопрос.

— *Но тиражи ваших последних книг — буквально микроскопические. Кстати, вас как литератора это устраивает?*

— Меня печатает частный издатель Вадим Кисляк. И делает то, что в его силах. А кроме него среди книгопечатников мое искусство никому не нужно. Сейчас у него в работе «Избранное избранного».

— *Вчера вас широко не печатали, потому что существова-*

ло недреманное око цензуры, отдела культуры и идеологического отдела обкома КПСС, нынче вы как писатель в тисках экономических трудностей. Когда же для вас настанут лучшие времена?

— Не знаю. Но однозначно выбираю сегодняшнее время. Когда-то нужно было пробивать голову СИСТЕМУ. Вы представляете, что это такое? А сейчас нужно иметь деньги.

— *Но у вас их нет, Аркадий Филиппович!*

— Ответу так: из того, что я писал вместе с Котенко или «соло», печаталась ничтожнейшая часть сочиненного. Одина два процента. Фактически сатира у нас была запрещена. А сегодня даже при хроническом безденежье и скромных тиражах я регулярно публикую то, что хочу сказать. И в полный голос. Кроме того, во времена оные приходилось, простите, «кастрировать» свое творчество, а, значит, и свою душу. Лишь бы напечатали хотя бы что-то. Прибавьте сюда массу официальных «кастраторов» — десятки этих самых «инстанций». Так что нынешние времена для меня не дают повода к глобальным уныниям. В творчестве. Вот, поломал в феврале этого года ногу. Месяц — в больнице на растяжке, полгода дома — в гипсе и на костылях. И до сей поры с ними не расстаюсь. Но это был и есть замечательный период для работы. Ничего другого не остается, как сочинять...

— Значит, вы оптимист?

— А что прикажете делать пессимисту? Я надеюсь, что будут изданы еще девятнадцать томов моих афоризмов, уже готовых к печати. Ждет своего издателя моя «Парадоксальная проза». Пока таким стилем пишу только я.

— Хорошая уверенность! Но если признать вас «королем афоризмов» в нашем городе, то не скучно ли «королю» без «свиты», которая играет «короля»? Другими словами, ваш монополизм в жанре афористики не тяготит ли вас? Где воронежская школа афористов, где соперники, соратники, добрые конкуренты вашему творчеству?

— Относительно «школы» ничего определённого сказать не могу: слишком этот жанр деликатный, индивидуальный. Но афористы в нашем городе есть. Лишь бы не было эпигонов и плагиаторов. А что касается моего «монополизма», то я его себе сам никак не мог создать. У меня нет влиятельных связей в газетном и издательском мире. Повезет — напечатают. А на нет — суда нет.

— Творчество каких ваших великих предшественников наиболее импонирует вам? Ларошфуко, Уайльда, Шоу?..

— Я выделяю для себя Станислава Ежи Леца.

— Определенная часть горожан привыкла видеть вас в дни праздников на центральной улице Воронежа. В атмосфере организованного веселья ваша рас-

продажа собственных сочинений выглядит неформальным уличным театром одного актёра и воспринимается людьми с большой симпатией. Отсюда у нас к вам две просьбы: во-первых, вздоравливайте окончательно к Дню города! Во-вторых, что вы можете сказать под занавес нашего интервью?

Я сам уйду со сцены, когда мне дадут хорошего пинка.

У мужчин есть душа. Это женщина.

Возраст, когда сердце радуется печалью.

Опьяненных жизнью отрезвляет время.

Лучшие годы нежизни.

Добро и зло в борьбе за лучшее добро и зло.

Мир беспредельно тесен.

Когда я остаюсь один на один с собой, то думаю, кто же из нас двоих — стукач?

Аморалка — мораль последующих поколений.

Сражающиеся по разные стороны баррикад вновь поменялись местами.

Вернуться к здравому смыслу? А куда девать вышестоящих умников?

Рабы рабов особенно мечтают стать рабовладельцами.

Миром правят подкаблучники.

Злорадство к несчастьям, тех, кто нам дороже всего на свете.

Крылатые мысли окрыляют мир новой глупостью.

«Инфа», 5 сентября 1994г.

Я стою за этим мужчиной

Писателю Исааку Эммануиловичу Бабелю исполнилось сто лет. Всего-навсего сто лет! И это возраст для такого человека?

Неокрепшим душам впервые читать прозу Бабеля нужно аккуратно. И вовсе не потому, что его беллетристика пропитана поэтической эротикой, как ромовая баба — алкоголем. Просто потому, что после чтения Бабеля другая, даже ядерная литература, покажется «синеньким скромным чулочком». (Я извиняюсь, конечно!) Читать же только одного Исаака Эммануиловича — это уже болезненно. Это уже перебор. Но зато какой шикарный перебор!

И вот еще какое дело. Стоит чуткому юноше или впечатлительной до литературы барышне только поводить пальчиком по строчкам хотя бы одного рассказа писателя — то всё! Неделями они будут ходить, как в одесском рассветном тумане «коло моря» и бредить со всеми встречными-поперечными словами и строфами из «Одесских рассказов»:

— «Что сказать тете Хане за облаву?»

— Скажи: «Беня знает за облаву.» И такое заикание может остаться на всю жизнь! При учете того, что Одесса нынче -заграничный город, эта впечатлительность на бабелевский язык может

обойтись российскому мальчику или девочке. А, может, и нет. Или что?

И еще вот какое обстоятельство. Человек, будь он маститым литературоведом или скромным филологом, намерившийся письменно отозваться на юбилей Бабеля, даже прокляв себя, но начнет копировать его слог. Потому что Бабель — это здоровая инфекция. Вы понимаете? Не хочешь заболеть — заболеешь! И тут лучше поддаться. И даже если копия на бабелевский стиль будет бесстыдно ужасной, как данная, а то все же более пристойное занятие, чем писать об Исааке Бабеле как будто он — Томас Манн. В смысле академического языка. Это же разных людей, хотя и оба замечательных! Или как?

Кто помнит — тот помнит: проза Бабеля вернулась в 60-е годы из забвения в российскую глубинку из еще более российской глубинки. Буквоеды и библиотечные мальчишки, не поджидайте меня за углом! Я там не хожу, но скажу, что МОЙ БАБЕЛЬ пришел ко мне из Кемеровского книжного издательства. Если вы скажете, что из Пермского — я не скажу «нет». Однако сойдемся на том, что предисловие к книге написал Илья Эренбург. Но где же у нас глубинка на самом деле?

Потом были другие издания. А первое — останется первым. Как новорожденный сын Карл-Янкель у своего отца Овсея Белоцерковского, кандидата партии. Чья малоразвитая в политическом отношении теща Брана Брутман, злодейски, тайно от Овсея, отнесла его первенца к малому оператору Нафтуле Герчику на обрезание. Вся партъячейка встала, как один! О чем мы, помирая от смеха и нежных слез, читали в бабелевском рассказе «Карл-Янкель».

Из Бабеля, с некоторым опозданием, мы узнали, что, кроме нас, есть еще один гениальный и несчастный народ. Но лучше об этом узнать поздно, чем никогда.

* * *

Известно, что наш, ныне подозреваемый в заурядности Алексей Максимович Горький страдал плюс еще одним «недостатком»: он любил посылать молодых писателей «в люди». Послал он туда и начинающего беллетриста Исаака Бабеля. Если некоторые молодые, скрывая злость и сатанинскую уязвленность самолюбия, делали вид, что «уходили», то Бабель это сделал в буквальном смысле слова. И вернулся оттуда через несколько лет с «Конармией». Горький прочитал рукопись и заплакал от восторга. Теперь так не плачут. Может быть, потому что нет ни второго Горького, ни

второй «Конармии». И быть может. Ну!

... Пройдут наши смутные годы, и Горького «реабилитируют». И будут меньше спрягать его за «Мать». И заступится за него в том числе Исаак Эммануилович, писавший своему Алексею Максимовичу в письмах: «Любящий Вас всем сердцем — И.Бабель».

А за самого Исаака Эммануиловича уже не надо заступаться. Во-первых, он в этом не нуждается. Во-вторых, как спросил Владимир Высоцкий: «Разве от этого легче?» Разве от этого легче отыскать могилу замечательного Исаака, безвинно растерзанного в 45 лет? Легче обнаружить в дьявольских архивах НКВД неизвестные рукописи прекрасного русского писателя?

* * *

Но вопреки историческому пессимизму и скорби — давайте перечитаем в эти столетние юбилейные дни — свежие, прямо с цветущего куста жизни, строки:

«... Тогда Бенья открыл наконец дверь Катюшиной комнаты.

— Мосье Грач, — сказал он, конфузясь, сияя и закрываясь простыней, — когда мы молодые, так мы думаем на женщин, что это товар, но это всего только солома, которая горит ни от чего...»

Дальше читайте сами.

«Инфа», 1994г.

Я слова рассыплю по траве...

С семьей

С сыном Сашей

В редакции газеты «Молодой коммунар»

Киев. У Дома Булгакова

Я слова рассыплю по траве...

Таким его запомнили...

**Но взгляни, попробуй —
там и тут...**

Гектары самостоятельности

Очки директора школы победно сияли. Семен Дмитриевич Киселев не скрывал своего педагогического счастья.

А трактор возвышался в центре общего ликования и был дряхл, как старая лошадь. Казалось, дунь донской весенний ветер посильнее, и все сложное сочетание гаек, болтов, шурупов, коробки передач, не охнув, рассыплется по сырой земле...

Семь сезонов отпахал трактор на полях колхоза «Тихий Дон». Семь весенне-осенних сезонов, да и зимой работу прихватывал. Вполне мог уйти на заслуженную техническую «пенсию». Но...

— Ничего, — говорил директор, аккуратно поглаживая бока металлического «коняги». — Ничего, дорогие мои ребята, старый конь борозды не испортит.

А дорогие его ребята влюбленно смотрели то на директора, то на трактор...

В этот день школьный радиозел вещал охрипшим от радости голосом.

Но начнем, пожалуй, наш рассказ с предыстории.

* * *

Сравнительно недавно в гремяченской средней ни о технике, ни о севооборотах принципиальной речи не заходило. Учебные занятия шли своим чередом. На пришкольных земельных «пяточ-

ках» под руководством учителей ботаники и биологии в свободное время, «для души», юннаты растили краснобокие помидоры.

Дела с томатами шли настолько хорошо, что школа регулярно делегировалась на Выставку достижений народного хозяйства СССР. Ребята бережно доставляли в столицу экспонаты, а из Москвы, не менее бережно, привозили дипломы и грамоты с золотым тиснением.

Казалось, все идет как и полагается школе, стоящей на хорошем счету. Были свои отличники, свои хорошисты, были «хвостисты», которых всеми силами, искренне и напористо, перековывали в успевающих. Словом, текла обычная школьная жизнь.

И только одно настораживало педагогов. Уж больно много для сельской школы выпускников покидало обжитые места и выбирало жизненные дороги, идущие, откровенно говоря, вдалеке от колхозных полей.

В учительской последнее время начинали вспыхивать дискуссии:

— Это естественно, товарищи, — горячились «урбанисты». — Что делать ребятам в селе? Не с тяпкой же в поле с 10-классным образованием? А в городе нехватка рабочих рук. Загляните в областные газеты: «Требуются ма-

ляры, штукатуры...» Месяца три подучатся, и специальность есть.

— А почему бы и не с тяпкой?

— Сегодня с тяпкой, а завтра?

— Товарищи, товарищи не превращайте тяпку в Бармалея.

— Нужно оставлять на обработку в колхозе после окончания школы. И точка.

— Насильно мил не будешь.

— А любовь к земле?

— Слова, слова...

— Что же тогда «не слова»?

— Конкретная сельская профессия с прицелом на завтрашний день. Например, механизатор широкого профиля.

Спорили долго, соглашались и не соглашались, но так или иначе приходили к общему мнению:

а) Аттестат зрелости — еще не аттестат самостоятельности.

б) По наглядным пособиям и диаграммам из учебников никто еще настоящим хлеборобом не становился. Нужно серьезное обучение сельскохозяйственным профессиям на практике.

в) Нужно научить ребят делу и через это дело помочь полюбить крестьянский труд.

Над планом школьной производственной бригады пришлось посидеть, попотеть. План был составлен на осень 70-го года, весну и лето 71-го. А по классам прокатилась волна собраний. Говорили о будущей бригаде.

— Трактор выделяют? — вопрошали солидные голоса с задних парт.

— Будем пробивать!

— Дело, — удовлетворенно отмечала «камчатка».

Но до дела, как оказалось, было еще далеко.

— Не потянете, — сказали в правлении колхоза «Тихий Дон», ознакомившись со школьными планами.

— Выделите технику, землю, прикрепите к ребятам опытных специалистов, дайте самостоятельность, тогда посмотрите, потянем или нет, — атаковали учителя.

— Посмотрим, обсудим, взвесим, — осторожничал председатель Степан Георгиевич Агибалов.

Нет, прямого отказа от правления школа не получила. Для председателя, хорошего, в принципе, хозяйственника, производственная бригада была той самой заморской «телушкой за полушку». Выделять землю, технику мальчишкам — не риск ли?

— Нельзя жить одним днем. Это же яснее ясного, — не отступали педагоги. — Ведь сами же убеждаете наших ребят оставаться в хозяйстве. А с чем оставаться, с пустыми руками, без специальности?

***

Эти строки пишутся не для того, чтобы помянуть старое. Просто дело в том, что недоверчивые председатели существовали и существуют. И горько жалуются с высоких трибун на города, куда уходит молодежь...

***

Штурмом председателя, искомменого в хозяйственных делах, взять не удалось.

Пришлось брать осадой.

Собрали совместные собрания коммунистов школы и правления.

— Окажите доверие, — звучало из всех выступлений учителей. Это был лозунг момента.

* * *

Добились!

Потому так радостно и плясали ребята около старенького трактора.

Выделили землю. 75 гектаров. Как одну копеечку. Свое поле! И сеялка, и два культиватора, и прицепная тележка, и бороны.

Только вот на осенних планах бригады пришлось поставить крест. Опоздали за переговорами.

* * *

План бригады стал на реальные рельсы. Селекционеры не теряли зря зимнего времени, изучали теорию под руководством преподавателя основ производства, агронома со стажем Александра Гавриловича Комарова. С «технократией» занялся опытный механик, учитель труда Василий Ильич Белозерских. Под его началом оборудовали кабинет машиноведения. Кругом техника — и вся в разрезе. Смотри, изучай!

* * *

Генеральный план на нынешнюю весну был следующим: 75 гектаров земли разбиваются на десять участков, 7,5 га — отводится под кукурузу на зерно, 7,1 — ячмень на зерно, 7,4 — под

солнечник, 7,3 — яровая пшеница и так далее.

Учебная цель — провести опыты, научиться возделыванию сельскохозяйственных культур, получить хороший урожай.

Побочная цель (о ней громко не распространяются) — доказать колхозу и лично председателю, что школа, если уж дала слово, может сверотить горы. Без всяких скидок на молодость.

Школьную бригаду возглавил степенный будущий выпускник Вася Калугин. Далее по служебному ранжиру — комсорг Саша Бодякин, заместитель по технике — Витя Халуев, заместитель по опытнической работе — Вера Варгузина. Звеньевые. Их десять. Чем не научная организация труда?

Подошло время и они вышли в поле...

* * *

Статью хотелось бы закончить мажорно. О том, что ребята собрали приличный для этого года урожай с гектара. О том, что кукуруза-подросток обещает вымахать в сажень. Но не получается мажора. Семен Дмитриевич Киселев при встрече досады не скрывал:

— Хотели сделать лагерь труда и отдыха. К сожалению, колхоз не пошел на это. А есть примерное положение об организации таких лагерей. Смотрите, подписи какие авторитетные... Министр, заместитель министра, секретарь ЦК комсомола... Значит, дело проверенное, ну-

ное, себя оправдавшее. А нам приходится тут доказывать то, что тридцать три раза уже было доказано.

Семен Дмитриевич молча вышагивает по тесному кабинету, заставленному рулонами, пособиями, плакатами.

— Это очень здорово — лагерь, — нарушил он молчание. — Труба в шесть часов, линейка, задача на день... Совсем не то, что собираться со всех концов села в поле. Споры и беседы у костра —

для нас ничуть не меньше, чем урожай.

Да, гектары самостоятельности даются не просто. Право на них нужно доказывать каждый день. И словом, и трудом. И через тернии...

*с. Гремяче,
колхоз «Тихий Дон»,
Хохольский район.*

*«Молодой коммунар»,
1968 г.*

Увидеть первыми

Вместо эпиграфа

Порой ловишь себя на досадной мысли: ну зачем, даже ради самого искреннего и святого праздника России нынешнего века, 9 Мая, терзаем мы наших старших расспросами о тех ужасах и переживаниях, которые витали на их долю пятьдесят лет назад? Ради окаянных «несколько строчек в газете»? А эти расспросы, эти строчки оборачиваются иной раз для них, пожилых и недужных, не дай бог, «неотложкой» или в «лучшем случае», обоймой сердечных таблеток. Стоит ли все это нашего написанного?..

Биографическая справка:
Осипов Александр Васильевич, 1919 года рождения, гвардии полковник авиации в отставке, летчик-истребитель Великой Отечественной войны, кавалер трех орденов Боевого Красного Знамени, ордена Александра Невского, ордена Отечественной

войны 1-й степени и других боевых наград. Воевал в небе России, Прибалтики, Германии в составе Брянского, Западного, Калининского, 1-го Прибалтийского, 1-го Белорусского и других фронтов. Закончил войну командиром гвардейского истребительного авиационного полка.

ГОВОРЯТ, что девочки рождаются к миру. 8 июня 1941 года в семье младшего лейтенанта Саши Осипова и его жены Оли родилась дочка. А жили-служили тогда Осиповы в Вильнюсе, где молодой военлет, выпускник Первого Чкаловского авиационного училища, что в Оренбурге, продолжал совершенствовать свое мастерство летчика-истребителя. И после освоения техники пилотирования легендарного И-16, прозванного небесным братством «ишаком», уже успешно перебрался на «Чайку», прелесть превосходства которой перед трудягой-«ишаком» мог оценить только тот, кто влюблен в скорость и маневренность, кто бредит истребительной авиацией во сне и наяву и кто ведает, что дома его ждет замечательная и верная жена. И не просто замечательная, а выстраданная. Поскольку Саша, учившийся в городе Кольчугино, скромно спрятавшемся в сердце России, на Владимирщине, еще в пятом классе впервые и навеки остановил свое внимание на Оленьке из пятого параллельного. А потом, через несколько лет, и появилась осиповская первичная ячейка общества. А такая ячейка, как тогда писали и говорили, является моральной опорой государства рабочих и крестьян и, конечно же, его Военно-Воздушного Флота, как одного из гарантов обороноспособности нашей Родины.

Так что с этим у младшего лейтенанта Осипова все было на высоте. Тем более, что родилась

дочка. Думал или не думал о народных поверьях Осипов, что, мол, девочки — к миру и ладу, нынче гадать не станем. Но то, что Александру и его товарищам по службе доводилось все чаще и чаще видеть в эти первоиюньские дни за лазурной дымкой литовского неба немецкие самолеты-разведчики — это было реальностью.

Впрочем, весь личный состав 42-го истребительного авиаполка, в котором служил Осипов и которым, позже перереформированным в 133-й ИАП, ему доведется командовать (мог ли об этом помыслить в знойное лето 41-го молодой человек с лейтенантскими «кубарями» в петлицах?), так вот весь полк наблюдал эту нахальную по своей откровенности картину воздушного соглядатайства еще с февраля месяца. Но уже тогда старшие командиры негромко огласили им, летчикам, наркоматовскую секретную инструкцию: обходить в воздухе стороной разведчиков из «Люфтваффе», тем самым блюдя мирный пакт между двумя великими и «дружественными» державами — СССР и гитлеровской Германией. Воистину — «сверху видно все, ты так и знай!» И они знали. Единственное, что им позволялось, — это обязанность для патрулировавших небесное пространство «советской Литвы» сталинских соколов... проверять типы самолетов «из-за бугра» и запоминать их бортовые номера, о чем нынче вспоминает Александр Васильевич с горькой усмешкой. Они и запоминали в про-

филь и анфас все эти «Юнкерсы», «Хейнкели», «Дорнье» и успевали фиксировать не только бортовые номера, но и увидеть ослабившихся в улыбке немецких асов, уже начавших для мира его вторую страшную войну. И когда пара «ястребков» из другой части, не преодолев искушения вмазать наглецам, таки вмазала одному «Юнкерсу» по самые шасси, взбешенные старшие командиры ВВС тут же сочинили и зачитали приказ всем, в том числе личному составу 42-го ИАП, из которого можно было понять, что за жизнь экипажа «Юнкерса-88» наши ребята, возможно, расплатятся своими жизнями в бериевских равелинах.

Авторы данного материала предполагают из скупой информации Александра Васильевича, что сталинские соколы, заслушав приказ, разбрелись после построения, молча «дернули» за память горемык-сотоварищей и вскользь осудили сволочизм приказа. О более подробных разговорах на эту тему, в стране, только что «разгромившей» миллионы своих «врагов народа», не могло быть и речи...

* * *

16 июня, едва успев забрать из роддома жену и новорожденную Инну, Осипов в составе группы из 20 человек был срочно откомандирован под Шауляй, на курсы, где летчикам предстояло освоить новый тип истребителя МиГ-1.

А 22 июня в начале пятого утра их подняли по команде «Тревога!» и они, на ходу натягивая

шиковские хромачи, которыми тогда знатны были командиры ВВС, помчались, сломя голову, к ангару со стоявшими там новенькими МиГаами. На глазах пилотов, так и не успевших освоить и хотя бы раз поднять в воздух «мигаши», «мессер» безнаказанно полоскал ангар из всех видов своего бортового вооружения. Недаром заранее утюжили небо гитлеровские «наводчики»: «мессер» заходил на цель уверенно, грамотно, как учили. Отстрелявшись и убедившись, что крыша ангара запылала, немец отвалил «ко двору». Солдатик-часовой, забравшись на крышу и снявши скатку, отчаянно бил ею по пламени, борясь с огнем в одиночку, пока к нему не подскочили и не помогли унять пожарище. Осипов вынужден был наблюдать за этой картиной в положении сидя, ибо почувствовал, что в хромаче его подозрительно захлюпало: видно, чиркнуло осколком по голени. Слава богу, рана оказалась касательной, ее быстро перевязали, а об испорченном хромаче в такой ситуации мог бы жалеть только идиот.

— О том, что началась война, нам никто в эти часы не объявлял, — строго глядя перед собой, уже в декабре 1994-го года скажет нам седой собеседник. — Потом только собрали и что-то там рассказали о речи Молотова.

А пока на их глазах поднялись в воздух три полка средних бомбардировщиков, девять девяток, располагавшихся неподалеку от базы МиГов, и грузно, и медлен-

но пошли строем к западной границе. «Бомбить мост через Тильзит!» — мгновенно донес солдатский телеграф. Пошли СВ без всякого прикрытия, пошли на явное самоубийство. Недаром этот тип самолета называли «бочкой с бензином» еще со времен Халхин-Гола. Кто отдал им этот безумный приказ? На этот вопрос могут ответить только сегодняшние военные историки...

Ушло СВ восемьдесят один экипаж, а вернулось всего 9, плюхаясь поперек и мимо взлетной полосы. Оставшиеся в живых летуны, сквозь мат и злые слезы, рассказали, что встретили их около границы не менее 100 «шмиттов» (так именовал «Мессершмитты-109» в наших разговорах Александр Васильевич), и порезали пушками и пулеметами, как автогеном, тихоходных «эсбешников» на куски.

* * *

Ну а потом началось такое для двадцати военлетов 42-го авиаполка, про что строгий наш собеседник, скупой на эмоции и художественные детали, долго распространяться не стал. Мы его поняли. Ибо годами, питая интерес к мемуарной литературе, посвященной Великой Отечественной, не раз убеждались, что именно летчики, даже самые прославленные, о первых днях той войны детально говорить избегали. Один из вариантов объяснения подобных «пропусков строки» у нас, как предположение, имеется: в предвоенные годы ВВС были элитой РККА. Кад-

ровый отбор туда был предельно жесток. И хотя классовое происхождение тогда на взлетной полосе не валялось, но интеллект вкупе с железным здоровьем делали их избранными среди избранных. Летчики, как и Авиапром, были любимцами и баловнями и Кремля, и многомиллионных простых и земных граждан Страны Советов. Тем паче горше вспоминать соколам о том, что именно они оказались в первую очередь беспомощными перед превосходящим их в боевом опыте противником, экипированным к тому же техникой, мощнее нашей по всем статьям. Но мы-то, нынешние, знаем, что соколы и близко не были главными виновниками катастрофы 41-го! Однако то поколение крылатых — народ особый, гордый, честолюбивый. Для них, видевших своих товарищей распятыми еще на земле на крестовинах И-16, И-153, МиГов-1, чувство вины перед людьми, которые так надеялись на них, неизгладимо. Жаль, что мы одних не можем, а других не успели в этом переубедить...

* * *

... Осипов со своими ребятами уже 23 июня оказался в Вильнюсе. Там, где еще вчера стояли их необлетанные МиГи, был враг. Не знал и не ведал Александр, бежавший с товарищами от лавины бомб и снарядов среди пехоты, першей вместе с ними в нижнем белье, босиком, без оружия, что немец проклятым утром 22-го бомбил Вильнюс, что Оля Осипова с грудной дочкой, как и другие

жены летчиков, бросится от бомбежки в лес, а потом будет все же посажена вместе со всеми в эшелон эвакуантов, что этот эшелон на Минск, как предполагалось, почему-то не пойдет, а свернет на станцию Лида. И, не доехав до этого города с нежным женским именем, попадут жены и дети летчиков под немецкий десант, и будет прятаться от автоматных очередей в нескошенном поле Оля Осипова, закрывая телом дочурку, с ужасом соображая, что если ее, Ольгу, убьют, то под ней Инночку никто не заметит. И надо дочку как-то рядышком с собой пристроить. А потом немцы сноровисто соберут женщин, оставшихся в живых, вместе с детьми, построят в колонну и погонят обратно в Вильнюс... Единственное, что узнают Осипов со своими однополчанами, добравшись до Вильнюса, что семьи их эвакуированы. И тогда Александр немного успокоится, не ведая и не чувствуя, что где-то там, в 70 километрах от столицы Литвы, уже бежит его Оля с дочкой, прижатой к груди, от горящего эшелона. И где, и когда найдет Александр свою семью — он пока и знать не знает...

***

А любимый навеки 42-й авиапункт в этой панике, кошмар которой Осипов Александр Васильевич за всю войну больше никогда не изведает, но и не забудет, так вот этот самый дорогой в его жизни пункт — не сгинет в пекле отступления, а пешим ходом и попутками доберется аж до Орла, где во-

лется в ПВО Брянского фронта. И уже в августе 41-го поднимет в небо свой МиГ истосковавшийся по своему делу, успевший повидать первые виды войны младший лейтенант Александр Осипов, так трагически начавший свою Великую Отечественную вместе со всей страной. Но на мгновение раньше других. Он многое понял для будущего из этого мгновения.

***

Воздушная война сама отбирает своих командиров. Как ни ужасна смерть вообще, но в военные ее времена именно она затевает свой кровавый отбор, когда робкие или, наоборот, безумно бесстрашные идут под ее косяк первыми. Смерть чаще вынуждена уступать дорогу в небе тем, кто расчетлив, хладнокровен, сметлив и не лезет на рожон. В сегодняшних наших беседах Александр Васильевич всячески уклонялся от каких-либо самооценок. Боевые награды и послужной список сами по себе говорят о достоинствах летчика и командира Осипова. Но и сейчас, когда нашему собеседнику хорошо за 70, даже в построении его речи чувствуется мастерство истинного наставника и командира, умеющего одной фразой, четкостью ее подачи объемно объяснить суть дела. И понимаешь, почему его фронтовые подчиненные (о чем вскользь упомянет в разговоре полковник Осипов) обращались к нему не только «командир», но чаще «Александр Васильевич». Он, их ровесник, ставший ком-

полка в 24 года, будет для них отцом, старшим братом, человеком, которого они, судя по всему, беспредельно уважали в небе и на земле, а не просто подчинялись согласно уставу.

Из рабочих записей А.В. Осипова. «Успех любого боевого вылета истребителей во многом зависит от умения летчиков группы искать противника и обнаруживать его на возможно большем расстоянии. В авиации известна истина: первый увидел — первый победил... К сожалению, увидеть в воздухе первым дано не всем. Как правило, находясь в одинаковых условиях, первыми из 10-12 летчиков успевали обнаруживать противника один-два пилота. Причем качество «видеть первым» эти люди подтверждали постоянно в каждом боевом вылете. Таких летчиков в нашем полку было 7-8 человек. Они не были асами, не сбивали больше всех самолетов, но приносили неоценимую пользу другим за счет раннего визуального обнаружения неприятеля, что исключало возможность внезапной атаки врага по нашей группе и давало ей 20-30 секунд преимущества для осуществления собственной атаки» .

* * *

Даже в маленьком отрывке из «служебной прозы» можно обнаружить еще и другое качество летчика и человека Осипова: его органичную неприязнь к местоимению «я». «Наше звено», «наш полк», «наша дивизия» — вот что мелькало в его рассказах постоянно.

* * *

Увидеть первым, чтобы иметь преимущество в маневре... Как не хватает нам в наш хаотичный сегодняшней день именно таких людей! Не 20-30 фронтовых секунд, отданных для жизни или смерти, предоставлено нашим командирам производств, предприятий, экономистам и политикам. Уже какой год толчемся мы на месте, мешая ложь с истиной, надуманное и действительное. Увидеть, чтобы предвидеть! Хрущевский огульный погром армии и, в частности, ВВС — не открыл глаза на истину нынешним великим и малым нашим «официальным преобразователям». И уже в наши дни топорно и бездарно осуществляется сокращение армии, ее подразделений и той же авиации. А последствия этих близоруких деяний — они налицо. Сколько же можно об этом повествовать и писать? Бесконечно?..

* * *

Свой первый самолет Александр Васильевич собьет в составе звена в том же самом начале августа 41-го. Сорок километров воздушного пространства понадобится перепахать тройке наших «ястребков», чтобы все-таки «юнкерс» сделал глиссаду носом в землю. «Тройкой летать, — не преминет заметить Осипов в разговоре с нами, — только мешать друг другу. Понадобилось два года войны, чтобы мы поняли: полет в паре — идеальный вариант. А за раздумья расплачивались неоправданными потерями. Но немецкие летчики,

надо сказать прямо, были отличные пилоты. Бесстрашные, активные и даже наглые. До Курской дуги. Потом мы сломали их...»

Не добавил только седой человек с молодым взглядом, что выбили они немца из неба не только за счет возросшего мастерства пилотажа, не только за счет новой воздушной техники и ее массы, но и за счет собственной крови. Четыре полка матчасти сменили однополчане Осипова за четыре года войны. А вообще из 67 человек родного 42-го ИАП, с кем Александр Осипов начинал летную службу до войны, в живых осталось 7 человек.

* * *

Было небо Смоленщины, снова было небо над Прибалтикой. И была совершенно потрясающая земная встреча с женой и крохотной дочкой у ставшего уже командиром полка майора Осипова. В начале августа 1944 года, стоя на аэродроме той же самой Лиды, до которой в 41-м так и не добралась Ольга Михайловна с дочуркой, узнает Александр Осипов по «цыганской почте», что его семья жива и находится в Вильнюсе. Осипов рванет туда на По-2 так живо, что прихватит с собой только автомат. А про еду для своих забудет. Какими он их нашел, пережившими неволю, немецкие лагеря трудповинности, о чем говорил он со своей Олей «из параллельного класса», мы от них слышали. Но решили, что описывать этого не будем. Достаточно сказать, что глаза были мокры-

ми и у рассказчиков, Ольги Михайловны и Александра Васильевича, и у нас, журналистов, совсем зрелых мужиков.

* * *

Сто два боевых вылета на разведку и штурмовку войск, девяносто пять боевых вылетов на сопровождение штурмовиков и бомбардировщиков, сто двадцать один вылет на перехват противника и прикрытие своих наземных войск, сорок восемь воздушных боев провел за войну ныне полковник А. В. Осипов. А потом его природный ум и высокие качества профессионала еще надолго понадобятся молодым пилотам нового времени.

Наверное, прохожий, встретивший на улице нынешнего Александра Васильевича, и, как мы надеемся, прочитавший наш скромный материал о нем, не узнает в этом сутуловатом человеке в затемненных очках и с палочкой в руке (характерные внешние приметы всех ныне пожилых авиаторов небесной Отечественной), бывшего боевого летчика. Но мы увидим и узнаем его первыми. Чтобы опередить его, человека крайне воспитанного, в поклоне. И наш поклон будет благодарственным ему и таким людям, как он. И это, как говорится, единственное, что мы можем для них сделать. Из самой глубины сердца.

*В соавторстве
с Александром СКРИБЧЕНКО
«Ифа», 27 декабря 1994*

Платонов нам друг

Он пришел к нам в наши дома исторически совсем недавно. Но оказался тем «сокровенным человеком», которого мы всю жизнь ищем, чтобы услышать праведное слово о нас же самих, о нашей жизни. Да, Андрей Платонов нам друг. Но также истинно, что все электронные воронежские СМИ отмечают юбилей Мастера спустя рукава. Мы говорим не о дежурных панегириках и не о парадном славословии. Мы мечтали про такие передачи о Платонове, в которых хотя бы до некоторой степени отражалась вся глубина нашей благодарности великому писателю за ту честь, кою оказал он нам, родившись воронежцем. Риторика? Но, бесполезно бегая глазами по местным газетным телепрограммам и ища информацию о передачах, повествующих несуетно и неспешно о «жителе родного города», можно и в кощунственную мысль впасть: а не лучше ли было Андрею Климентову родиться в Орле или Липецке? Там умеют чествовать своих гениев.

Наш генеральный вещатель — Воронежское телевидение, — скороговоркой отбарабанив о приближающемся дне рождения великого Андрея, предпочитает заполнять эфир «говорящими головами», рассуждающими о прибылях в сфере экономики,

внушающими исторический оптимизм в будущие свершения администраций всех уровней, когда тут же, под окнами студии, течет жизнь, абсолютно противоположная той, о которой говорится с экрана. Этим, с позволения сказать, «городом Градовым» нам гордиться?

Набравшись отчаянной храбрости, смеем спросить редакторов, режиссеров, творческий коллектив ВГТРК: неужели трудно было всем редакции тематически «разобрать» гигантскую фигуру Платонова «на составляющие»? Научно-познавательные передачи поведали бы нам о трудах и чаяниях Платонова-мелиоратора и энергетика. Редакция детских передач тонко и с юмором «перевела бы» на телеязык изумительные сказки писателя. Программа «Хорошее кино», не жалея эфирного времени, со вкусом рассказала бы о работах отечественных кинематографистов, экранизировавших прозу Платонова.

Редакция художественных передач восстановила бы хоть отрывки из знаменитого тюзовского спектакля «Шарманка» в постановке Валерия Саркисова с любимцем воронежской театральной аудитории Народным артистом России Анатолием Абдулаевым в одной из центральных ролей. Да что там! Программа

«Полигон» нашла бы что поведать о прекрасной фронтовой публицистике майора А. Платонова. Почему нельзя было пригласить к серьезному, но нескучному разговору о гении наших авторитетных ученых-платоноведов В.П. Скобелева, В.А. Свительского, О.Г. Ласунского, чьей гражданской смелости и научной принципиальности мы должны быть благодарны за возвращение имени Андрея Платонова на авансцену мировой литературы? Только один их коллективный рассказ о попытке проведения в Воронеже первой в истории тогдашнего СССР платоновской конференции привлек бы внимание тысяч и тысяч телезрителей. В нем переплелись бы воедино и продолжающаяся оставаться трагической судьба творчества самого Андрея Платонова, и наши, воронежские, нелегкие судьбы. Ведь и после юбилея это сделать не поздно.

...Молчит телевизионная Москва о Платонове. Будто он

только воронежский. Умучив себя собственным юбилеем Александра Сергеевича, самодостаточная и в целом, подозреваем, не шибко образованная, она сквозь зубы «отъюбилеила» Владимира Владимировича Набокова, а на Андрея Платоновича сил не хватило. Или понимания. Или денег. Или всего вместе взятого. Вторим Москве и мы. В самой распростецкой провинциальной манере. К стати, может, наподобие НТВ, снявшего Жириновского и Бороваго в ролях пушкинского «Моцарта и Сальери», следовало и ВГТРК экранизировать платоновский «Город Градов»? И чтобы в нем наши ведущие воронежские политики и чиновники сыграли главные партии?

Как бы наш друг Платонов этому посмеялся. И мы вместе с ним. Вот были бы истинные страсти по Андрею!

«Известия», 27 августа 1999г.

Кепка Затонского

Представляю, как реагировал бы наш незабвенный спортивный телерадиокомментатор Владимир Семенович Затонский на известие о том, что Воронеж может стать в 2008 году ареной сражений чемпионата Европы по футболу. Как не хватает нам сегодня Володи в футбольном эфире, его голоса, его баритона с хрипотцой,

его неподдельной любви к этой дивной игре, его атомарного знания ее законов. Он знал о футболе все и еще больше. Как-то уже давным-давно довелось пересечься нашим путем в Киеве, куда он прилетел откомментировать игру воронежцев с киевскими армейцами. Терзаемый хворью, с исхудавшим лицом, он расхаживал

туда-сюда по просторному номеру старинной гостиницы, словно баюкая боль, и говорил, говорил о возможном исходе предстоящего матча, о видах любимого им и одновременно ругаемого «Факела» на победу в своей лиге.

Он и хворый не мог не думать о футболе. И поскольку в те далекие времена наш единственный местный ТВ-канал не часто баловал болельщиков трансляцией матчей, сколько же сил и энергии тратилось Затонским, чтобы организовать хоть по телефону, хоть как-нибудь прямую передачу об игре земляков!..

Прошли годы. Народились новые каналы. А наш футбол в визуальном эфире по-прежнему казанская сирота. Вернее, воронежская. Догадываемся, что организация прямых телетрансляций — штука колоссально дорогостоящая. Тем паче в наши времена. Но какую армию болельщиков, которые по тем или иным причинам не могут попасть на матч, мы теряем. И это тогда, когда ряды членов общества потребителей водки стали самой массовой и мощной партией в России «Наш дом — за углом».

Нет, телеканалы наши стареют. Они исхитряются изо всех своих творческих и технических сил что-то поведать нам о губернских футбольных делах. Игорь Провольнев, комментатор ВГТРК, выходит к нам со «Спортивной линией». Увы, «линия» эта коротка: 10 минут вещания один раз в неделю. Попробуй тут, пусть и задним числом, рас-

скажи о подробностях прошедшего матча.

Между прочим, на наших популярных местных ТВК стало нехорошей и недоброй традицией рассказывать о состоявшихся играх чуть ли не через неделю. Ну нет возможностей у каналов с пылу, с жару освещать футбол! Потому и не поворачивается язык лишний раз покритиковать 4-ю программу, хотя вроде бы есть за что. Этот канал у нас — самый старательный по части передачи футбольной информации. У них есть, может быть, первая в истории России женщина — футбольный комментатор. И зовут ее Ольга Шаповалова. Ее милый «ТЮЗовский» голосок слышим мы, когда на телеэкране показывают игру «Энергии». Чувствуется, что Ольга беззаветно предана футболу. Но также чувствуется, что ей в ее деле нужна еще крепкая выучка. Пока речь комментатора монотонна и убаюкивающая. Зато оговорки очаровательны! «Н. поставила ножку на пути мяча!» «Умри, Денис!», но мужчина-репортер такого не скажет. Не поймут. Зато мужчина-репортер способен сказать: «не секрет о том...», «удар с поворотом...» и проч. Голос Виктора Старцева — визитная карточка футбола на 4-м канале. Если говорить искренне, то голос ведущего пока «нетелегеничный». И еще при этом наше родное фрикативное «г» в произношении. Но в последнее время Виктор прибавил в темпе раменте повествования, чего

явно не хватало его речи. Но как журить комментатора, когда даже непосвященному болельщику у экрана ясно; журналист сам снимает матчи, сам монтирует пленку и сам же потом озвучивает видовой материал. Это сизифов труд! Каких эмоций после этого подвига требовать? Видимо, такая же история (или почти такая) с очаровательным комментатором-травести О. Шаповаловой. Ах, как нужен и им, и нам прямой эфир!

Владимир Семенович Затонский в соответствующие времена года любил носить буклированную кепку. Хорошо смотрелась она на его крупной голове. Завидев кепку Затонского на матче, воронежские болельщики принимались аплодировать ее обладателю. Не за кепку, разумеется. А

за то, что под ней был их кумир, их любимец, их голос. Да, и у Володи могли быть иной раз потрясающие стилистические «ляпы» в эфире, по поводу которых легко трунили друзья и брюзжали футбольные эстеты. Но это был самородок. Профессионал своего дела. Настоящий, талантливый.

Пока, образно говоря, кепка Затонского великовата для нынешних сынов и дочерей футбольного эфира. На вырост она им. Но явись для нынешних возможность обращаться напрямую к своим телезрителям — болельщикам, будь у них возможность такой практики, может, и кепка когда-нибудь кому-то из них подошла бы. Даже даме. Но когда?

«Известия», 30 июля 1999г.

Шарж
Владимира ТУЛУПОВА

Пятничные истории Тихоныча

Все нормально

...А я продолжаю утверждать, что у нас в стране — все нормально. Все идет, как полагается. Я верю нашим экономистам. Хотя в экономике ровным счетом ничего не понимаю, никаких программ не читаю, кроме телевизионных. Поскольку мне достаточно по те-

левизору на экономиста посмотреть, и я сразу определяю, чья программа лучше. Потому что я не программе доверяю, а человеческому лицу. Даже если оно завтра наоборот говорить будет, чем вчера. Вот сидит некий экономист и мямлит, мямлит одно и то же. Такому не верю! А другой красиво, четко, плавно излагает!.. Как поет. Ну и что, если такой завтра

взгляды изменит? Зато как! Мы же не требуем, скажем, от певца петь одну и ту же песню без конца и края. Да еще уныло. А экономика — это разве не творчество?

Словом, я тут доверяю своему внутреннему голосу. Точнее, голосам. Потому что их у меня два. Правящий голос и оппозиция. Согласно духу времени. Правящий, мой любимец, всегда весел, жизнерадостен, азартен в спорах. Оппозиционер — вечный брюзга. Постоянно паникует, преувеличивает, подстрекает. И все время подкусывает правящего. Но тот в ответ на наскоки, как говорил поэт, хранит гордое терпение.

Как они во мне уживаются — судите сами. Вот вам типичная иллюстрация к сказанному.

Звонит как-то мой приятель. И голос у него вибрирует и дрожит, как на дореволюционной пластинке.

— Представляешь, у нас зарплату выдали сборниками Агаты Кристи! Мы главбуха чуть ли не за лацканы взяли! А он клянется, что в банке нет наличных денег. Таким образом я принес домой 18 «Убийств в Восточном экспрессе». Вот они передо мной столбом стоят. Получается по 15 рублей за одно «Убийство». То есть наоборот! По 15 «Убийств» за один рубль. Ох, запутался я совсем! Сейчас сижу и эти деньги читаю. Купюр пять уже прочитал. Если брать по червонцу за купюру...

Тут в трубке что-то грохнуло, и разговор с приятелем прервался. Наверное, «деньги» упали ему буквально на голову. И тут началось!

— Дальше этого «Экспресса» ехать некуда, — немедленно возник оппозиционный внутренний голос. — Окончательно катимся в пропасть.

— Ничего подобного! — весело заявил мой правящий голос. — В конце концов зарплату нашему приятелю выдали. Пусть и Кристиями. Их и продать можно с выгодой. А могли вообще не выдать. Или выдать, как на том заводе...

— А как на том заводе выдавали? — с предвкушающим ехидством поинтересовался оппозиционер.

— Дело было так. Пришел один рабочий к кассе за авансом. Натруженный весь из себя. Потому что вчера выходной был. А ему кассирша и говорит: «Извините, товарищ Сидоров В.В., но в кассе ассигнаций на сегодня нет. Поэтому вместо них получите то правительство, которое вы заслужили». Не успел Сидоров рта раскрыть, как к нему из кассы навстречу направляются товарищи Хрущев, Маленков, Булганин и примкнувший к ним Шипилов. В фетровых таких шляпах с широкими полями, в специфических пальто и в брюках с отворотами. Улыбаются и приветственно машут Сидорову. Рабочий побледнел и спрашивает у кассирши: «Может, лучше мне аванс путевками в Тенистый заменить? На всю сумму. Видать, я слишком выходному дню предавался». А ему отвечают: «Что вы, что вы! Нам легче живых денег достать, чем путевки в Тенистый. Туда при нынешней жизни вся страна попасть хочет. Короче, пе-

решайте наличность, не отходя от кассы, и ступайте себе домой. А в Тенистый еще успеете».

Но рабочий не сдастся и заявит: «А чем я их кормить буду? У меня своих два человека на талонах. И этих — раз, два, три. И плюс примкнувший товарищ». В ответ слышит:

«Кормили же их раньше? Вот и нынче как-нибудь прокормите». Рабочий из последнего свое гнет: «Но почему я заслужил именно этот состав правительства? Оно ж сегодня не котируется даже на внутреннем рынке». Тут кассирша и кто за ней стоит, резко ему: «Радуйтесь этому! А то дадим мелкими купюрами...»

— Можешь далее не продолжать, -желчно усмехнулся голос брюзга. — Финал этой истории для меня уже печально ясен: попалелся рабочий домой вместе с тем, что заслужил. Ибо не проснулся еще наш работага, еще не ощутил себя!..

— А вот и дудки! — воскликнул оптимистичный внутренний голос. — Очень даже проснулся и ощутил. Потому что почувствовал, как его в спину толкают. Обернулся, а это экономист цеха. И говорит ему экономист: «Сидоров, ты не того... Я понимаю, что сегодня понедельник, а вчера воскресенье... Но ты ведь не за пивом стоишь, а за станком. Не спи, пожалуйста! Попадешь еще, не дай бог, чем-нибудь под резец. Встряхнись!» Оказалось, что рабочему вся эта история с правительством прикинулась! И хотя аванс и вправду наяву не дали, но это же намного

лучше, чем такие сны видеть. И экономисту спасибо! Нужным человеком оказался. На месте и вовремя. Это только ты экономистам не доверяешь. А они вон какие!..

...Я прислушиваюсь к своим внутренним голосам, а сам себе мотаю на ус и делаю собственные выводы. А если голоса особенно расшутятся и начинают мешать смотреть телевизор, я на них цыкаю, и они притихают. Все нормально, все, как говорится, путем!

Не наш вопрос

В редакцию позвонили из кругов, близких к искусству. Таких взволнованных голосов я давно не слышал. Ах, если бы знать, к чему приведет моя стремительная реакция на этот пожар эмоций! Тогда бы не тлел сейчас от конфуза...

Однако не будем спешить, а поговорим сначала о философии вопроса.

* * *

Розовый идеализм некоторых представителей нашего общества погружает меня в бездну мрачного раздражения. Именно из-за подобного злостного романтизма, исповедуемого отдельными личностями, раньше времени заканчивается срок годности моего характера, впадает в истерику моя печень, буйствует желчный пузырь.

Особенно достается моему организму от так называемых «шестидесятников». И воспитанных в том же духе их потомков. Незабвенный 20-й форум рулевых общества спровоцировал определенную группу

молодых людей на иллюзии, подтолкнул на скользкий путь веры в немедленную справедливость, торжество правды, не отходя от кассы. Сорок лет тяжелой и продолжительной биографии державы, воследовавшие после данного мероприятия, так эту генерацию и не притормозили. Она по-прежнему поспешно верила и верит, что если принять умный указ или, не дай бог, мудрую конституцию, то все тут же, на этом самом месте, начнут жить не в империи, не в бантустане, не в резервации, а в царствии торжества истины. Чуть ли не в Швеции. Или, страшно подумать, в Швейцарии!

Вы случайно не ездили с этими девушками-бабушками и юношами-дедушками на вылазку? О, они обожают турпоходы! Прямо слетаются на лесные субботние поляны с гитарами наперевес. Быстро зажигают костры, мигом вытаскивают из рюкзаков внуков и внучек и разом начинают нестройно, но с жаром петь:

«Правда — на всех одна!»

Сигают и прыгают мурзатые их потомки в свете костров и невольно слышат чистых помыслами предков:

— Согласно ли ты, Катюха, что наступило время истины? — с волнением вопрошает в ночи какой-нибудь Вовчик образца 1939 г.р.

— Конечно, Вовчик! — молодотызывается бывшая Катюха, идеалистка с предпенсионным стажем.

Потомки внимают подобным фантазиям, а потом, повзрослев, бросаются в жизнь с утопическими представлениями о ней.

* * *

Но вернемся к звонку. Костровые интонации говоривших так раскалили трубку, что я потихоньку «заялся» от нее, как бикфордов шнур.

— Это цинизм! — воспаленно доносилось из мембраны. — Это надругательство над законом! Нужно немедленно! Следует стремительно!

— Одну секундочку!..

— Ни одной! Вы обязаны стремительно!..

— Но я не успел понять сути дела.

— Тут не надо ничего понимать. Тут надо сразу же реагировать!

— И все же...

— К нам в Союз любителей искусства должны прилететь на выступление коллеги из Ч. Естественно, мы обязаны по-доброму встретить людей и по большому счету поселить. Обращаемся в одну из лучших гостиниц города. А нам в ответ, какой ужас, какой произвол, отвечают, что фамилия одного из гостей их настораживает! Представляете?

— Нет.

— Как вы медленно соображаете! Ну, она у него... с акцентом.

— С каким?

— Не с тем, на который вы надеетесь. С акцентом беженца.

— Это национальность такая?

— Что же у вас так туго с интеллектом? Это тот, кто может поселиться в гостинице навсегда. И тогда, как нам сказали, его оттуда не выкурить. Даже фимиамом зрительского успеха.

— Это что же получается?

— А вы не успели понять? Получается кошмар! Получается черт знает что! Где справедливость?

— Сейчас же кинусь ее искать!

— Только быстрее! Мы в отчаянии даже справку подготовили, что акцент давно обрусевший. Действуйте!

— Мигом!

Меня взорвало наконец. Я начал лихорадочно накручивать телефонный диск. Но как умудрился я не узнать наследниц торжества секундной правды в тембрах говоривших — ума не приложу! Видно, нечем было прикладываться.

***

— Что значит «нарушение закона»? — мягко отозвалось из гостиницы женское контральто. — Не торопитесь, пожалуйста, с выводами. Какие «права человека»? Это отель, а не ООН. У нас свои права и законы. Местные.

— А кто их устанавливал?

— Это не наш вопрос, сударь! Звоните в паспортный стол.

***

— Вот из-за таких торопыг, как вы, журналисты, все и происходит, — охотно пояснили мне из «стола». — Не раздувайте международные конфликты.

— Я раздуваю?!

— ...и ваши товарищи по перу. Зачем вы ведете расследование очертя голову? Зачем даёте показания, не заглянув в святцы? Никакой акцент ваших гостей для нас не указ. Мы не селим в гостиницы всех подряд.

— Абсолютно всех?

— Всех, у кого нет командировочного удостоверения.

— Но если я приехал в частные гости? Без суточных и проездных?

— Вы где, гражданин, живёте?

— Переулок Здоровья и Долгих лет жизни.

— Я абстрактно спрашиваю. Но кто конкретно при нашей такой жизни из нормальных людей ездит в гости? Тем более, по гостиницам? Вот приедут ваши коллеги, предъявят в развернутом виде...

— Но как же бронь? Как же конституция? Но где же правовое общество?

— Эх, куда вас занесло поперёд батьки! Вы ещё билль о правах вспомните. И вообще — это не наш вопрос. Звоните в городскую администрацию. Там разъяснят.

***

Администрации я домогаться не захотел. Тупо заныла печень, ржаво заскрипел желчный пузырь. У меня стало горько во рту и тяжело на душе. Правда, где я живу? Ведь не в Стокгольме, не в, спаси и помилуй, Лозанне! Ну, позвонили мне эти эмоционально лабильные дамы, эти внучки 20-го съезда, воспаленные турпоходами с «Вовчиками» и «Катюхами», ну, погасил бы я их пыл холодным рассудком. Так нет же — засуетился, забегал, замитусился. И заработал приступ ипохондрии!

Какие там права человека, когда мы не справляемся с обязанностями посидеть и подумать, как следует?

Какое там правовое общество, когда мне правильно говорят, что это не наш вопрос? Ради бога, не надо торопиться, не надо на него отвечать раньше времени!

Вы слышите меня, граждане «шестидесятники» и ваши внуки?

Долгий ящик

Охватывало ли вас порой неутолимое желание немедленно, сию же секунду приняться за генеральную уборку своей квартиры? Но признайтесь душевно — чем чаще всего заканчивалось дело? Все наши благие порывы, вся наша неутомимая энергия уходила на то, что мы три часа кряду никак не могли разобраться в недрах одного единственного ящика в письменном столе.

Вместо того, чтобы одним махом выкинуть его содержимое в мусоропровод, мы неожиданно для себя начинали с необъяснимой нежностью и скрупулезностью перебирать какие-то гаечки, винтики, шпунтики и даже непонятно что, находящееся в ящике.

Собственно говоря, а почему я назвал нежность «необъяснимой»? Она вполне и очень даже объяснима. Вот это, например, колпачок от той самой ручки, которой я писал свое «Не пробуждай воспоминаний!» Как же я могу запросто вышвырнуть мое, пусть даже незатейливое прошлое в мусор. Да никогда! И не просите. Я вас умоляю...

Когда мы, немного опешив от внезапно случившейся перестройки, слегка заляпаные ка-

питальным ремонтом общества, чуть-чуть замазанные процессом обновления, впопыхах прихватили свои вещички, но живые и почти здоровые перекочевали в другое отведенное для нас помещение, то обнаружили, что инстинктивно забрали с собой и этот самый ящик со шпунтиками и гаечками, шурупчиками и винтиками, с этим самым «не пробуждай воспоминаний».

Потому что сохраняемые, но разрозненные детали — лишь на досужий дилетантский взгляд — повод для милых ассоциаций, ностальгических вздохов и мемуаров домашнего изготовления.

На самом деле — стоит только привинтить синий колпачок к красному тулову, вставить и почистить прежнее золотое перо от старой авторучки, набрать свежих чернил — и такое на бумагу ляжет! — я вас уверяю...

Так что оставьте в покое ящик! Не торопитесь избавляться от болтов и шурупов. Лучше подумайте — нельзя ли собрать данное хозяйство в единый и надежный механизм, который вам еще послужит?

Вот, что это за отдельная желтая бумажка притаилась в уголке? А-а, это не бумажка. Это вырезка из филейной части когда-то самой породистой газеты, славившейся своими высокими публицистическими удоями. И это не просто вырезка. А составная часть газетной кампании, посвященной осмыслению опыта селекционеров-новаторов, боровшихся за выведение нового сорта коров. С двумя выменами. (Или выменами?). И адресова-

лась сия составная часть — молодяку из нижестоящей редакции. В этой вырезке с отеческой заботой, грубовато, но сочно, по существу пастухи-публицисты выговаривают своим журналистам-подпаскам за то, что те не мычат -не телятся в освещении проблем выраживания этих самых выменей. (Или вымен?). А надо хотя бы выменной вымпел учредить.

Вы говорите — устарело содержание вырезки? А форма? По форме — это настоящая газетная полемика, напрасно забытая система приемов и методов журналистского творчества.

Да, действительно, за прошедшим лет мы убедились в том, что газета не влияет на повышение жирности молока и рост производительности труда коров. Впрочем, как и людей. Но разве из-за этого можно отбросить в сторону ценный опыт газетной дискуссии, когда она все еще способна подстегивать, подхлестывать журналистов на новые творческие свершения?

Оставив экономистам экономово, труженикам натруженное, газета наконец-то может ВПЛОТНУЮ заняться обсуждением собственных профессиональных проблем. В состоянии поговорить о качестве приготавливаемой ею и другими духовной пищи, калорийности отдельно взятого слова, питательности в целом неудобоваримой статьи. Наконец, обсудить все меню взаимоотношений друг с другом. Тем более в период подписной кампании.

Мне рассказывали, что в одной из соседних с нами областей раз-

множились две газеты: бывшая партийная и бывшая комсомольская. То есть их стало целых четыре. Допрежь монотонная и рутинная их деятельность мгновенно обрела истинный смысл, как только газеты начали выяснять, кто из них бульварней. Делалось это с размахом, широко, с подключением депутатского корпуса и института общественности. Что там «по-отцовски грубовато» или «со всей большевистской прямойой»? Воспользовавшись старым и добрым арсеналом из ящика письменного стола, печатные средства массовой информации пошли еще дальше. По поводу коэффициента бульварности со страниц газет зазвучал такой уличный лексикон, что из местных «зон» в редакцию посыпались запросы: «Ребята, е-мое! Спишите слова, в натуре! Мы их заучим, век воли не видать!». Законопослушный же читатель, замороженный подобной изумительной полемикой, опьяненный доселе невиданным уровнем свободы слова, просто окаменел к ждет, чем завершится интригующий сюжет. Эта форма творческой конкуренции так захватила его воображение, что он боится выйти на улицу, чтобы не пропустить очередного тура дискуссии. Словом, читателю не до переподписки.

Итак, не, будем откладывать в сторону наш старый и надежный долгий ящик. Ему не место среди хлама минувшего. Он нам еще очень пригодится!

Я вам говорю...

«Воронежский курьер», 1992г.

Душа в ТЕЛЕ

Телевизионная страда

Честное слово, но мне самому интересно. Бросило бы Воронежское региональное телевидение все свои лучшие силы на освещение проблем села, на рассказ о жизни загнанной и в хвост и в гриву деревни или отделалось бы традиционно бодрыми журналистскими лубками о «битвах за урожай», «секретах победы», «гектарах успехов», если бы не стратегический расклад нынешней областной администрации? Нет ответа...

Пока же констатируем тот факт, что нынешняя телевизионная воронежская неделя была отмечена целым рядом работ, повествующих о селянах, которые составляют, между прочим, добрую треть населения нашей области. И авторами их были журналисты еще те!

Вот никогда бы не подумал, что лиричная журналистка Лариса Дьякова, автор симпатичных ток-шоу, певунья и организатор всех наших побед по линии клуба самодельной песни, вдруг создаст передачу о жизни и быте учхоза «Березовский» Рамонского района. Ну, насчет быта мы маленько загнули. О нем в ленте

лишь заявлено. Эдакий намек на него мы увидели в том, что руководитель хозяйства Николай Васильевич Болгов... читает стихи. Как говорится, хозяйственник, читающий стихи, — это дорогого стоит! Впрочем, безо всяких яких Николай Васильевич тут же перешел на суровую прозу и стал рассказывать об эколого-ландшафтной системе земледелия, практикующейся в его хозяйстве. Рассказывал он о ней подробно, с увлечением и, несомненно, со знанием дела. Но чувствовалось, что слова его больше носят характер научного доклада специалиста перед специалистами. Видно, Л. Дьякова заробела поддерживать лирический тон своей передачи. Вдруг в несерьезности заподозрят? И напрасно она это сделала. Даже если бы Николай Васильевич взял в руки гитару и спел, мы не подумали бы ничего плохого о делах учхоза «Березовский» и о его незаурядном лидере.

Другое дело Михаил Трухачев. Он явно тяготеет к деловому стилю. Не новичок в телевизионном эфире, автор серии «Города и веси», он нынче рассказывал нам о делах и свершениях селян в Калачеевском районе. Традиционная форма подачи материала не снизила общего впечатления от увиденного. Только вот давно хочется сказать Михаилу: «Уж

больно ты грозен, как я погляжу!»! Калачеевская доярочка, которую журналист расспрашивал об успехах почему-то на центральной площади районной столицы, подалась даже в сторону от напористых интонаций брутального интервьюера. Не мне говорить поднаторевшему телевизионщику, насколько важна и внешняя сторона подачи себя самого как ведущего.

Вот Виктория Михайловна Титова — ас культурологической темы на ВТВ. И ее журналистский опыт, и специфика круга ее журналистского общения очень органично сказываются на ее манере ведущей. Она была так же мягка и женственна в разговоре с аграриями в передаче «Нижнекисляйская весна», так же деликатна и предупредительна, как и в беседах с деятелями искусства и культуры. Только вот некоторое недоумение осталось: почему августовская передача поименова-

на «весенним» заголовком? Или это был повтор, за которым мы не уследили?

И еще одна зрительская претензия. В блоке «Воронежских новостей» молодая журналистка С. Домашенко повествовала о трудностях со строительством сельской школы в Семилукском районе. Хорошая журналистка, ничего не скажешь. Но называть дом бывшего священника «поповским домом» (здесь пока ютится средняя школа) — это, как говорится, дело небогоугодное. Это пролеткультовский стиль 20-х годов. Тем более учитывая то, что священника, скорее всего, когда-то вытолкали с домочадцами из собственного жилья. И можно только представить, как сложилась его судьба в дальнейшем. И откуда это у нынешних молодых?

*«Воронежский курьер»,
14 августа 2001г.*

С В. Тулуповым и П. Новиковым

В привычной роли тамады

Я слова рассыплю по траве...

С А. Чопоровым и П. Новиковым

На свадьбе Дмитрия и Тамары Дьяковых
(в роли шафера — А. Сорокин)

А. Смирнов, П. Новиков, Н. Новикова, В. Кулиничев
с друзьями из Челябинского театра драмы

На кафедре теории и практики журналистики

Я слова рассыплю по траве...

На гастроли в Протвино. В. Кулиничев, В. Сисикин и А. Смирнов

На конференции журфака

С В. Тулуповым на ФПК в Доме аспирантов и студентов МГУ

С друзьями в Киеве

Хоть ты падай,

ХОТЬ ТЫ СТОЙ...

Театральные миниатюры

Дошел до «точки»

На сцене за столом — декан, секретарша деканата, представитель ректората.

ДЕКАН. Начинаем работу комиссии по распределению молодых специалистов. Прошу войти первого по списку!

Появляются дюжие девицы, несущие на руках нечто тощее, изможденное и постанывающее. Девушки кладут это нечто на стол перед комиссией и удаляются.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РЕКТОРАТА. Это еще что такое?

ЛЕЖАЩИЙ. Это еще я...

ДЕКАН. Ваша фамилия?

ЛЕЖАЩИЙ. Двойников.

СЕКРЕТАРША. У нас в списке Двойникова нет. Есть Тройников.

ЛЕЖАЩИЙ. Правильно... Поступал я Тройниковым. Да усох.

СЕКРЕТАРША. Да они на фотографию в личном деле не похож!

ДВОЙНИКОВ. Верно. Но вы анфас смотрите, а его нет, анфаса... Один профиль остался. На него и смотрите.

ПРЕД. РЕКТ. Кто это вас так?!

ДВОЙНИКОВ. Шницель с гарниром.

ДЕКАН. Математики?!

ДВОЙНИКОВ. Не-е... химики. Из студенческой столовой.

ДЕКАН. Давно?

ДВОЙНИКОВ. У химиков — всю жизнь. А у меня — после первого курса. Сплошной диагноз. Не живу, а подтверждаю.

СЕКРЕТАРША. У вас медицинские справки есть?

ДВОЙНИКОВ. О чем?

СЕКРЕТАРША. Об этом!

ДВОЙНИКОВ. А этого у меня давно нет.

СЕКРЕТАРША. В каком смысле?!

ДВОЙНИКОВ. В смысле здоровья. А справки есть. Свежие. Я на них лежу. Ишь, в бок впилась!.. Я-то что... Я еще до распределения добрался. А вот Вовка Чистов...

ДЕКАН. А что с Чистовым?

ДВОЙНИКОВ. Борщом столовским на себя капнул. И того...

ПРЕД. РЕКТ. Что «того»?

ДВОЙНИКОВ. Восадок выпал. Вовка-то что... Вот Юрка Недоволян...

ДЕКАН. А с Недоволяном что?!

ДВОЙНИКОВ. Он борщ съел. И вступил в щелочную реакцию с кухонной средой. И того...

СЕКРЕТАРША. Тоже в осадок выпал?

ДВОЙНИКОВ. Вообще растворился. Недоволян-то что... Вот Мишка Хохлов...

ДЕКАН. А-а ч-что с Х-хо-холовым?

ДВОЙНИКОВ. Вообще ходить в столовку перестал.

ПРЕД РЕКТ. Ну, слава богу! Значит, Хохлова мы увидим!

ДВОЙНИКОВ. Увидите. Третье общежитие, второй этаж, десятое окно.

СЕКРЕТАРША. Но почему он там сидит и не идет сюда?

ДВОЙНИКОВ. Не может. Мишкой комендант окно застеклил. «Все равно, — говорит, — лежишь и просвечиваешься. Чего, — говорит, — добру пропадать». Ну и застеклил. А вчера ребята его мячом разбили. Мишку-то. А я вот... Дошел до «точки». *(то ли плачет, то ли смеется)*

ПРЕД. РЕКТ. Куда же мы вас такого распределять будем?

ДВОЙНИКОВ. Если по гастриту — в Эссенуки. А по колиту — в Боржоми.

ДЕКАН. Там «точек» нет.

ДВОЙНИКОВ. Да я хоть на запятой. Я вон какой...

СЕКРЕТАРША. Может, его в мединститут? Пособием?

ДВОЙНИКОВ. В шкафу стоять не хочу. Я лежачий.

ПРЕД. РЕКТ. Все-таки в вуз попадете, а не в школу. В школе дети, растащат, потом собирай!

ДВОЙНИКОВ. Согласен.

ДЕКАН. Вот и чудно! *(хлопает в ладоши)*

Появляются девицы и берут Двойникова.

ДВОЙНИКОВ. Пусть подъемные внутривенно вводят. Я еще за университетскую науку постою!

ЗАНАВЕС

1974 г.

Заседание кафедры

бесконечная пьеса

Та же кафедра, те же лица. Но уже только мужские.

Г.В. Я вас пригласил, товарищи, для того, чтобы сообщить пренеприятнейшее известие... Нам нужно поздравить наших... э... женщин с 8-м Марта... вот... Прошу меня перебивать.

Никто не перебивает. От неожиданности Г.В. смертельно бледнеет. Его аспиранты делают то же.

Г.В. Товарищи, я попросил бы вас держаться как подобает... эээ... Что ж у нас и перебить некому?

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС (многозначительно). Перебить-то можно...

Г.В. (обрадованно). Прошу меня не переби... То есть, ну, вот, другое дело! Первое деловое предложение. А что скажет Лев Захар... то есть Иван Тихонович, Георгий Тулупович...то е...

Общий смешок, переходящий в тихий мужской разговор.

Г.В. Громче, товарищи, громче! И давайте, что-нибудь пооригинальнее. Может быть, уволим кого-нибудь из женщин? Я помню, в Алма-Ате мы однажды вот так отхохмили. Очень все смеялись... да...

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС. ...Подходит Маршак к Милицыной и прямо рукой... за пьедестал! А тут рядом Бухаров и Каменин.

Общий шум одобрения. Г.В. болезненно поглаживает новый

учебный план. Аспиранты делают то же.

Г.В. (кому-то). Может быть, вы достанете что-нибудь оригинальное? Из вашего огромного практического багажа... Вы у нас...

КТО-ТО. Та я не у вас... И вообще. Нельзя ли покороче? Что, сколько, когда?

КТО-ТО: Мне польский сервант. Совершенно не на чем жить... детям. И что-нибудь такое вкусненькое и сладенькое. Стол финский, обеденный. И к столу...

КТО-ТО (берет трубку!). Сладенькое? ..хм... Алло, это колхоз «Шлях до амортизации»? Мне голову. Это ты, Петро? Это я... Ты, вот что... Ты подкинь кузов комбикормов... Оплата на месте... Нет, не для газеты. Для учебных целей. Ну, привет! (*вешает трубку*). Я пошел. Мне тут еще БСЭ подредактировать надо.

Уходит. Пауза.

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС. Помню я, как однажды ныне живой Борис Владимирович...

Г.В. краснеет от ревности. Аспиранты неумело делают то же.

КТО-ТО. Может, Скобелева пригласим? От него, знаете ли, прямо концептуальное веселье и смех...

Г.В. А для чего тогда мы Смирнова на кафедре держим?

СМИРНОВ. Я бы вас попросил!...

Г.В. (*громко*). А вы на меня голос не... эээ... Впрочем, я хотел сказать, что для этих целей на кафедру мы уже взяли человека...

То бишь... не для этих целей... и не человека...

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС. У нас тут все для целей...

Г.В. Я бы попросил вас, Баулай Бактургенович... То есть, не Баулай..

Аспиранты хватаются за рукоятки публикаций.

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС (*решительно*). Это все беллетристика!

Аспиранты тайно за спиной шефа записывают эту фразу. Видимо, она им понравилась.

ЧЕЙ-ТО БАС. А, может, марш-бросок в этот день сделать? По местам публикаций Горислава Валентиновича...

Г.В. (*краснеет от неловкости. А аспиранты пытаются сделать то же, но не могут*). Товарищи, причем тут я? Разговор о 8 Марта...

КТО-ТО. Может, им пальто в этот день подать?..

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС (*решительно*). Вот поэтому нужно пригласить В.П. Скобелева. Он это делает исключительно концептуально.

КТО-ТО. Пригласим, а сами уйдем...

Г.В. Так и запишем в протоколе.

Все уходят. Концептуально, конвергентно и многопланово улыбаясь, легко входит В.П. Скобелев.

В.П. Прошу ввести одалисок!

ЗАНАВЕС ПАДАЕТ

1981 г.

Маскарад

драма в одном бездействии

Кафедра. Праздничный стол. Входит Дед Мороз, загримированный под Г.В. Колосова, одетый в Тулупова.

ДЕД МОРОЗ. Здравствуйте, детишки! С новым учебным пла... Тыфу ты! Годом, конечно.

Кто-то стучит на машинке.

ДЕД МОРОЗ. А где же моя Снегурочка?

РАИСА МИХАЙЛОВНА. Она сегодня с часа.

ДЕД МОРОЗ. Так шесть часов уже!..

РАИСА МИХАЙЛОВНА. Может быть, она вышла.

ДЕД МОРОЗ (*леденя*). Куда?!

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС. В декретный отпуск.

ДЕД МОРОЗ. Детишки, а я вам подарочки принес. Для масленичных и для прочих.

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС. Конечно, если мы простые, так сразу и «прочие».

ЕФРЕМОВ (*с бокалом*). За Родину!

КТО-ТО. Я это уже где-то слышал.

ДЕД МОРОЗ (*радостно*). Прошу вас помолчать. (*в сторону*) Вносите, Кузьмич!

Человек, загримированный под Григория Кузьмича, вносит двенадцать типографских станков.

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС. О боже!

ДЕД МОРОЗ (*задушевно*). По домам целее будут. А с кафедры попрут.

Весело вбегают Снегурочка, загримированная под Клару Николаевну.

СНЕГУРОЧКА (*навеселе*). Опять!!! Почему одна я?

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС (*кому-то*). А во втором семестре у меня на 3-м курсе 24 часа мути... Думаю, автобус взять и завести их к...

ЕФРЕМОВ (*с бокалом*). За Родину!

ДЕД МОРОЗ. Это еще не все, товарищи! Я сейчас буду доставать разные подарки, а вы гадайте — кому.

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС. О боже!

ДЕД МОРОЗ (*по-доброму*). Я же сказал, не перебивать меня, черт возьми!

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС. Теоретикам можно перебивать, а практикам!..

Снегурочка влезает на радио.

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС (*кому-то*). Иван Иосифович, а докторскую можно достать? У меня дети только докторскую требуют.

КТО-ТО. Пошукаем.

ДЕД МОРОЗ. Здесь невозможно подарки раздавать!

Снегурочка влезает на радио.

Кто-то стучит. Кажется на машинке.

КТО-ТО (*кому-то*). У меня не две, а три публикации. Одна совместно с Достоевским, вторая с Толстым, а третья с Кулиничевым.

ДЕД МОРОЗ. Вы — гадкие дети! Вот и все.

КТО-ТО (*элегантным голосом*). Прошу без обобщений.

Снегурочка влезает на радио.

ДЕД МОРОЗ. Тамара! Вы все фиксируете?!

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС. А у меня Васяка такого наделал, а сказал что Петька, а Петька что Игорь, а Игорь что Гайдар...

ЕФРЕМОВ. За Родину!

ДЕД МОРОЗ. На родину! На Родину! В большой джуз! Не могу! — у!

ЧЕЙ-ТО ЗНАКОМЫЙ ГОЛОС. Ну и с богом! Это вы прекрасно придумали. Концептуально. Вы настоящий подвижник.

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС. Ему все дозволено! Кому — по образу в публицистике, а кому по морде. Я этого не оставлю!

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС. И я этого не оставлю. У меня дети требовательные. *(Собирает в карманы с праздничного стола.)*

Снегурочка, продолжая влезать, тает под взглядами Раисы Михайловны.

ДЕД МОРОЗ. Вы мне дадите связать пару слов?

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС *(заботливо)*. В этой обстановке бессмысленно. Лучше уезжайте.

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС. Это же третья страница трепа. Ну скока можно?

Аспиранты на полу играют в защиту.

КТО-ТО. Безделье — нерентабельно. У меня требовательные дети. Берем типографский станок и начинаем печатать учебные деньги.

Треск, гром, шум. Кто-то стучит. Уже не на машинке. Появляется некто и расформировывает кафедру. Все плачут и поют.

ЗАНАВЕС

1982 г.

Родная кровь

Экзаменационная аудитория. За столом — профессор.

ПРОФЕССОР. Следующий!

Появляется пожилой студент.

ПРОФЕССОР. Берите билет!

СТУДЕНТ. Эх, Васяка. Васяка! Эх, ты!

ПРОФЕССОР. Кто — «ты»?

СТУДЕНТ. Да ты — «ты»!

ПРОФЕССОР. А ктovy, раз я «ты»?

СТУДЕНТ. Не узнаешь?

ПРОФЕССОР. Постойте, постойте!

Студент встает.

ПРОФЕССОР. Нет-нет, садитесь! Это я фигурально...

СТУДЕНТ. Ну!

ПРОФЕССОР. Н...нет, не узнаю!

СТУДЕНТ. Эх, Васяка, Васяка! Да чтоб родную кровь, да чтоб не признать!

ПРОФЕССОР. Вы... ты... боже мой! Па-а-апа! Нашелся!... Ах, папа! Дай мне тебя обнять!

СТУДЕНТ. Сядь, Васяка, не езози! Не папа я тебе. Не па-па!... Отвык, сразу видать. Ну, да ничего... *(кричит)* Митяка! Митяка!

Перед ошеломленным профессором появляется более молодой пожилой человек.

1-й СТУДЕНТ. А его признаешь?

ПРОФЕССОР. Н...нет.

1-й СТУДЕНТ. Дожили мы с тобой, Митяка... Родный сын тебе не признает!

ПРОФЕССОР. Признаю, признаю! Папочка!

Бросается обнимать вошедшего.

СТУДЕНТ -ПАПА. Ты того... Деда, деда спервоначала обними...

ПРОФЕССОР. Дедушка, голубчик!

СТУДЕНТ-ДЕД. Сядь, Васяка, не егози!... Должки тут у нас кое-какие.

ПРОФЕССОР. Глупости! Всё прощаю!

СТУДЕНТ-ДЕД. Как прощаешь?! А деканат?

ПРОФЕССОР. А при чем здесь деканат?

СТУДЕНТ-ПАПА. Без деканата нельзя, Вася, мы тебе не враги.

СТУДЕНТ-ДЕД. Долги у нас... У папки твоего с 45-го года... За первый курс...

СТУДЕНТ-ПАПА. А у дедушки — с 23-го, за второй.

ПРОФЕССОР. Так вы учитесь здесь?

СТУДЕНТ-ДЕД. Конешное дело! И я, и отец твой, я на третьем. Он — на первом.

ПРОФЕССОР. На заочном?

СТУДЕНТ-ДЕД. Ежели бы... На заочном можно было б еще лет с десяток обождать. Очки мы с Митякой.

ПРОФЕССОР. Пойдите, пойдите!

Дед и отец встают.

ПРОФЕССОР. Я не в этом смысле... Садитесь! Ничего не пойму! Так вы когда сюда поступили?

СТУДЕНТ-ДЕД. Я-то? Щас подсчитаем... Отечественная война у нас когда была?

ПРОФЕССОР. В тысячу девятьсот сорок...

СТУДЕНТ-ДЕД. Да не та, с французом.

ПРОФЕССОР. В 1812-ом...

СТУДЕНТ-ДЕД. Вот с той поры и учимся.

ПРОФЕССОР. Почему же я за это время ни разу вас не видел? Где вы были?

СТУДЕНТ-ПАПА. Ты спроси, где мы не были... В академическом лет двадцать отбыли...

СТУДЕНТ-ДЕД. Отчисляли лет эдак тридцать, ежели все сроком брать...

СТУДЕНТ-ПАПА. Каникулы опять же набегли лет на десять...

СТУДЕНТ-ДЕД. Ты нам, внучок, зачетик-то черкани. А то со стипендии сымут. Ты, часом, не болеешь?.. Ты того... Не болей. Нам с Митякой еще подсобить надо... Это неизвестно сколько еще тянуть...

СТУДЕНТ-ПАПА. Ты, Вась, пиши, пиши зачетик!

СТУДЕНТ-ДЕД. ...Опять же с обчежития погнажи...

СТУДЕНТ-ПАПА. Говорят — пьянствуем... А мы с тятей ежели, когда и позволим...

СТУДЕНТ-ДЕД. Цыть, Митяка! А ты, внучок, однако, зачетик подпиши.

СТУДЕНТ-ПАПА. А насчет пьянства ректору-то скажи... Все ж не чужие мы тебе...

ПРОФЕССОР. Пойдите, пойдите!

На этот раз встают все. Профессор неожиданно падает в обморок.

СТУДЕНТ-ДЕД. Ишь ты, упал!... А говорит — не болеет.

СТУДЕНТ-ПАПА. Лежит... Профессор, а, все одно, жалко... Ведь не чужой.

СТУДЕНТ-ДЕД. *(Со слезой)* Вот она... дается-то как — наука!.. И мы с тобой, Митяка, может, вот эдак, от науки... С копыт!

СТУДЕНТ-ПАПА. Сынок, а сынок! *(Берет руку профессора, подносит к уху)* Стукает! Живой, стало быть!

СТУДЕНТ-ДЕД. А ну, Митяка, давай-ка его в деканат снесем!

Поднимают профессора

СТУДЕНТ-ПАПА. Легкий-то какой... В чем только знания держатся...

Уносят профессора.

ЗАНАВЕС

1984г.

Экзамены, экзамены

...

ПРОФЕССОР. Попрошу следующего!

Появляется молодой человек. В одной руке зачетка, в другой — младенец в одеяле.

ПРОФЕССОР. Что это такое?

СТУДЕНТ. Зачетка это.

ПРОФЕССОР. В другой руке!

СТУДЕНТ. А, это? Это Шурик. Нам полтора месяца. Мы уже большие. Утю-тю-тю! А нас мамка бросила. Без мамки мы...

ПРОФЕССОР. Как это бросила?!

СТУДЕНТ. Матанализ пошла второй раз сдавать и пропала. Ну, я возьму билет?

ПРОФЕССОР. Берите, берите.

СТУДЕНТ. Вы, его, профессор, подержите, пока я готовиться буду.

Сует младенца профессору.

ПРОФЕССОР. Э-э! Он, кажется, э-э...

СТУДЕНТ. Понятно. Это с нами бывает. Это мы сейчас.

Начинает перепеленать младенца.

ПРОФЕССОР. Слушайте, вы же его наоборот завернули.

СТУДЕНТ. Ошибаетесь, профессор!

ПРОФЕССОР. Вы его вверх ногами положили!

СТУДЕНТ. Нет, это головка.

ПРОФЕССОР. Но я же точно помню... Хотя и лет сорок прошло... Но в его возрасте у моего Бориса здесь была головка. Я вас удалю с экзамена!

СТУДЕНТ. Если вы настаиваете, пожалуйста!

ПРОФЕССОР. Какой у вас вопрос?

СТУДЕНТ. Образ Гамлета.

ПРОФЕССОР. Слушаю.

СТУДЕНТ. Жил-был один мальчик, звали его Гамлет. Когда он учился в университете, его мама и дядя убили папочку, а потом...

ПРОФЕССОР *(кивая на младенца)*. Пропустите это место!

СТУДЕНТ. А потом Гамлет приехал домой и познакомился с тетей Дездемоной, и у них...

ПРОФЕССОР. С Офелией. Но это место вы тоже пропустите.

СТУДЕНТ. Тогда все.

ПРОФЕССОР. Удовлетворительно.

СТУДЕНТ. Сейчас мы запла-

чем. Очень сильно заплачем. Правда, Шурик?

ПРОФЕССОР. Не надо плакать. Хорошо? Хорошо. И, вообще, я пошел. Хорошо? Хорошо.

Уходит, покачиваясь. Студент выходит на авансцену. Появляется приятель.

СТУДЕНТ. У тебя еще сколько «хвостов», Васька?

ПРИЯТЕЛЬ. Не то пять, не то десять.

СТУДЕНТ. Даю на два (*протягивает младенца*). А то сестра всего на час нас гулять отправила.

ЗАНАВЕС

Деканатчикова дача

в трех явлениях.

Явление первое

Заставка: нежный звон колокольчика

ГОЛОС. Владимир Васильевич! Вы у себя?

ДЕКАН (*испуганно оглядываясь*). Пока да.

ГОЛОС. Люба Хорошавина просила передать вам, что очень вами недовольна.

ДЕКАН. Но почему?!

ГОЛОС. Люба Хорошавина говорит: «Кто ему, стало быть, вам, разрешил занимать под занятия первый этаж?» Люба Хорошавина говорит: «Там же репетиции идут. Я же его, стало быть, вас, предупреждала». Она вас предупреждала?

ДЕКАН. Кажется, да. Но, понимаете...

ГОЛОС. Люба Хорошавина спросила: «Он, стало быть, вы, хотите факультетский вечер сорвать?» Вы хотите вечер сорвать?

ДЕКАН. Нет, ни в коем случае! Но вот в чем дело...

ГОЛОС. Люба Хорошавина велела передать, что бы это было в первый и последний раз. Не то она вынуждена будет занять и второй этаж. Под декорации. И перенесет зимнюю сессию на летнюю всему факультету. Люба спросила: а он отдает себе отчет? Вы отдаете себе отчет?

ДЕКАН. Да! Конечно! Однако...

ГОЛОС. После своей лекции зайдите к Любе!

ДЕКАН. Может, лучше Елена Михайловна?

ГОЛОС. Люба вызвала именно вас!

ДЕКАН (*с тоской*). Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь...

Явление второе

СТУДЕНТ. Вы декана, спасибо, пожалуйста, до свиданья?

ДЕКАН. Я. А вы по какому вопросу?

СТУДЕНТ. Я хотела пять лет за два года учить, спасибо, извините!

ДЕКАН. Вы на каком курсе учитесь?

СТУДЕНТ. Спасибо, пожалуйста, не понимаю.

ДЕКАН. На кур-се? На каком? На пер-вом, навто-ром?

СТУДЕНТ. Я учусь русский язык. Хорошо, спасибо! Дурак. Сам дурак.

ДЕКАН. Я вас по-русски спрашиваю: на каком курсе вы сейчас?

СТУДЕНТ. Спасибо, хорошо! Сколько стоит пять лет за два года?

ДЕКАН. Вы из какой страны?

СТУДЕНТ. Спасибо, вы не знаете! Здравствуйте, как поживаете, туалет не работает.

ДЕКАН. Повторяю, вы из какой страны, спасибо, пожалуйста?

СТУДЕНТ. Очень хорошо! Дурак. Сам дурак. Пятилетку — досрочно!

ДЕКАН. Пойдите и узнайте у кого-нибудь — из какой вы страны? Тогда приходите.

СТУДЕНТ. Хорошо! Дурак!

ДЕКАН. Знаю. Сам дурак.

Явление третье

СТУДЕНТ. Здравствуйте, Владимир Васильевич! Я Сидоренко с первого курса. Я живу с Петровой со второго и с Ивановой с 4-го. Но мне надоело.

ДЕКАН. Почему вы об этом кричите?

СТУДЕНТ. Я и шепотом могу: я живу с Ивановой с 3-го курса и с Петровой с 4-го. Но уже не выдерживаю.

ДЕКАН. А причем тут деканат?

СТУДЕНТ. Как это причем? Меня к ним Золотухин поселил.

ДЕКАН. Ах, так вы с ними просто в одной комнате живете?!

СТУДЕНТ. Что значит «просто»? Пожили бы вы с ними.

ДЕКАН. Спасибо, не надо. Вы к Золотухину обращались?

СТУДЕНТ. Неоднократно! А он мне говорит: «Вас у меня — уйма! Я вас по списку селил, а не по полу. А Сидоренко — непонятно какая фамилия». Ну, и послал меня. А девочки все время то оде-

ваются, то раздеваются. И при этом меня в коридор выгоняют.

ДЕКАН. В коридор.

СТУДЕНТ. И еще в санузел. И все время: «Отвернись, отвернись!» Можно я с мальчиками жить буду?

ДЕКАН. Еще утро, а у меня уже голова кругом! Ты еще раз скажи Золотухину!

СТУДЕНТ. Вы ему сами скажите. А то он мне все время говорит: «крутой бы радовался, что я ошибся. Живи, говорит, до лета, а осенью разберемся». А мне надоело в санузле. Так можно с мальчиками?

ДЕКАН. погоди, погоди! Ты мне ориентацию не меняй! Пока, действительно, поживи с девочками, а я за это время найду Золотухина и разберусь.

СТУДЕНТ. Большое вам спасибо! А то они все время: «Отвернись! Отвернись!» Я уже ото всех отворачиваться стал. Даже от вас, не обижайтесь!

ДЕКАН. Все, я больше не могу! Я иду пить кофе. Без девочек и без мальчиков.

ЗАНАВЕС

1996г.

Зазеркальные итоги

За столом двое ведущих. Оба в очках. И очки, и ведущие должны быть узнаваемы.

1-е ОЧКИ (СВАНИДЗЕ): Добрый вечер, уважаемые телезрители!

2-е ОЧКИ (КИСЕЛЕВ): Э-э-э... Я, в принципе, согласен с формулировкой Николая Карловича, но хотел бы э-э-э — уточнить одну деталь — добрый день! Э-э-э...

СВАНИДЗЕ: Это очень точное замечание, Евгений Алексеич, и я бы сказал, принципиальное. Сегодня мы проводим наш круглый телевизионный стол вместе с Евгением Алексеевичем...

КИСЕЛЕВ: Э-э-э... Абсолютно согласен с мыслью Николая Карловича. Хотя должен добавить э-ээ..., что стол не совсем круглый.

С.: Но, Евгений Алексеич, он ведь и не квадратный?

К: Существенное добавление э-э-э... Но мы найдем компромисс, как я надеюсь. Если я его назову столом работы Гаага э-э-э..., вы согласитесь со мной?

С.: Прекрасная мысль! Но какого Гаага? У нас их в стране два!

К.: Э-э-э... Специалисты приписывают этот стол топору Гаага-старшего. Э-э...

С.: Гааг-старший топором никогда не творил. Топорная работа — это, скорее, творческий почерк Гаага-младшего.

К.: Э-э-э... Согласен, но... э-э... Но Николай Карлович, прошу вас напомнить нашим зрителям... э-э... за Гаагим, извиняюсь, столом... э-э-э... мы собрались? И хорошо бы вспомнить на какую тему... э-э-э... говорить?

С.: Был бы разговор, Евгений Алексеич, а тема найдется. Вот, скажем, выборы декана факультета журналистики. Они, кажется, должны состояться 25 ноября этого года? Не так ли?

К.: Э-э-э...

С.: Я с вами абсолютно солидарен! Но какие у вас прогнозы на выборы?

К: Э-э-э... Партия «Отечество — все аспиранты», если верить... э-э-э... их прессе... отдает предпочтение кандидатуре э-э... Романа Жолудя.

С.: А не торопится ли господин Жолудь стать деканом? У него, конечно, отличная ментальность...

К: И он молод. Это резко повышает его шансы э-э... на фоне стареющего Тулупова. Это и по харизме видно.

С.: Но у господина Тулупова еще крепкое рукопожатие и его поддерживают силовые структуры. Скажем, Елена Михайловна...

К.: Э-э... Но за Жолудем стоит Захар Ящин. Его за ним не видно, но это э-э... реальная фигура... У него в руках э-э... Интернет, международные связи...

С.: И все-таки, я думаю, фигура Тулупова предпочтительней по рейтингу. Давайте покажем телезрителям его рейтинг!..

К.: Э-э-э... Я бы не стал сейчас, в дневное время, демонстрировать рейтинг... Да и э-э-э... не прайм-тайм...

С.: Это очень сильный ход, Евгений Алексеич! Ну, хорошо! А есть ли у нас еще претенденты на высший пост в нашем государстве?

К: Э-э... Ну, Лев Ефремович Кройчик... э-э-э...

С.: Безусловно! Тем более, я слышал, что за ним стоит объединение «Североирландские норвежцы за Кройчика». Хорошо бы было их еще и видеть. Да и самого Льва Ефремовича.

К: Вы бы э-э-э... еще сказали, что хотели бы видеть Ольгу Исааковну...

С.: Ну это уже из области древней детективной литературы. Легче Ленина в наших коридорах встретить с чайником «Тефаль».

К: Кстати, о Ленине. Мне, например, видится на посту декана Вадим Георгиевич. Мощная фигура! Э-э... Я бы сказал, колоритная.

С: КолоРитный — это Лев Ефремович. У него жена — Рита Николаевна. Вадим Георгиевич в свое время отдал все силы на свержение тоталитарного режима декана и тирана Кройчика. Пусть теперь отдыхает на заведовании кафедрой — он это заслужил.

К: Так что же, Николай Карлович, подведем зазеркальные итоги? Насколько я понял, электорат, скорее всего, выберет Ро-

мана Владимировича Жолудя?

С.: Из Жолудя еще не известно что вырастет...

К: Но и Тулупов решительно э-э... староват... э-э...

С.: И Кройчик почти не виден...

К.: И э-э... э-э...

С.: О... у... э-э-э...

К: Совершенно верно, Николай Карлович, и все отдыхают э-э...

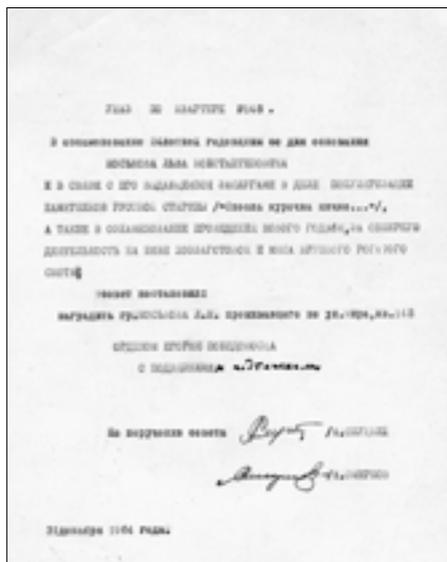
С.: И в этом нельзя с вами не согласиться, Евгений Алексеич! И на этой солидарной ноте разрешите завершить нашу дискуссию за круглым... то бишь за Га-агим-то некруглым столом.

ОБА: Э-э-э! До свиданья!

ЗАНАВЕС

2000 г.

Александр Смирнов начинал как актер и автор Театра миниатюр, а продолжил как художественный руководитель Театра песни ВГУ

Стихи для ящика письменного стола

Царевна-лягушка

Шарж
Владимира ТУЛУПОВА

От автора

Песенные стихи к пьесе по русской народной сказке «Царевна-лягушка» я написал давно, почти тридцать лет назад. Писал я эту пьесу и эти стихи для Театра песен ВГУ, которой имел счастье придумать и где был художественным руководителем долгие годы. А музыкальным руководителем ТП ВГУ работал преподаватель матфака университета Анатолий Викторович Каплан. Он и сочинял музыку к «Царевне-лягушке» К сожалению, по разным причинам пьеса так и не была дописана. А песни остались. Некоторые из них я предлагаю вашему вниманию. Для каждого действующего лица пьесы сочинялись и персональные песенные строфы. Ну, сюжет сказки вы все помните и все поймете сами.

Песня Царевны

Как на поле пал туман,
Пали росы.
Жизнь моя — один обман,
Одни слезы.
До сих пор не знаю я,
Как случилось,
Что тропиночка моя
Заблудилась.
От тоски вдруг закричишь
Человеком.
А в ответ услышишь лишь —
Только эхо...
Как на поле пал туман,
Пали росы.
Жизнь моя — один обман.
Одни слезы.

Песня боярской дочери

Покатилось колечко
Со боярского крылечка.

Кто найдет мое колечко,
Тот в полон возьмет сердечко.
Тот в полон возьмет сердечко,
Злато-серебро, коня
И, естественно, меня.
Кто найдет мое колечко,
Пусть замолвит пол-словечка.
Пусть замолвит пол-словечка.
Пусть он скажет только «лю..» —
Я все двери отворю!

Песня купеческой дочери

Жизнь моя — ни дать, ни взять,
Как в аду — не хуже бы.
Мне б сужёного обнять,
Только где он, суженый?
Где вы, сватья, где сватья?
Что со мною станется?
Распахну объятья я,
Вдруг мил-друг попанется.
Песня Ерёмы
Я — солдат и сын солдата -

**Письмо местного лорда
Нельсона местной
леди Гамильтон**

Моя божественная леди!
Пишу Вам из последних сил...
Скажите ближним и соседям,
Что Нельсон снова победил.
Ценю я Ваше постоянство:
И Вам, и мне знакомый пэр,
Рискуя жизнью и дворянством,
Ваш поцелуй ко мне припер.
Но зла судьба:
Ядро, как раз,
Мне угодило в левый глаз.
Не плачьте, леди,
Правый глаз
Еще увидит Вас не раз!
Пришла пора прощаться с Вами.
Кричу последнею строкой:
«Пусть правит Англия морями,
А Вы, миледи, правьте мной!»
1968 г.

* * *

Соберай-ка ноги в руки.
Прихвати мольбертов тюк.
И рванем от серой скуки
В голубых небес Устюг!
Там с полатай и лежанок,
Чтобы не пропасть добру,
Самых спелых устюжанок
К натюрморту подберу.
Среди сосен, среди елей,
На пленэре, так сказать,
Устюжанок я к постели
Буду дерзко приучать.
На заборе — рыжий кочет,
Изумрудом лебеда.
Кто постели не захочет —
Перебьюся, не беда!
Будут очи, будут ноги!
Буду я ходить без брюк!

Ах, как сердце мне морочит
Этот девственный Устюг!
Для желудка — хлеб да сало,
Для души — Святая Русь...
Разойдусь — и до русалок
Я до местных доберусь.
Знай, в стремлении неистов,
Разорву домашний круг
И махну с душою чистой
В этот Устюг! (Иль Устюг?)
Словом, если я мужчина,
То, замком прихлопнув дом,
Уезжаю, чтоб морщины
Гладить этим Устюгом.

7 февраля 1986 г.

* * *

К чему нам объяснений речи —
Семей российских вечный бич?
Не обнимать мне Ваши плечи
На этой бойкой Брайтон-Бич!
Энергией честолюбивой
Отличен дар воздушный Ваш...
А здесь и общество лениво,
И окружающий пейзаж.
И я не спорю с Вами, право!
И я всегда согласен был,
Что свод небес родной державы
Мал для размаха Ваших крыл.
Но, видно, я воспитан с детства
Без ощущения пути.
И мне от данного наследства
Не улететь и не уйти.
Но эти ржавые заботы
К моей прикованы руке...
А Вам — бескрайнего полета!
И не печальтесь — все о"кей!

Февраль, 1991 г.

Романс

Молчанием нецке,
изяществом танка
И кожей, что рисовой

пудры бледней,
Вы очень похожи на иностранку,
Оттуда, где родина Сада Камней.
Там желтые скалы
и хрупкие речи,
Там бездны столетий
в бокале вина.
Там музыка запахов
храмовых свечек,
И вашими скулами всходит луна.
И лунного взора коснувшись

хоть краем,
Я тут же впадаю в глухую тоску.
Так могут смотреть
на врага самураи,
Которые тайны свои стерегут.
И думаю я: почему же мы ближе,
Когда друг от друга

живем вдалеке?
Ну, что ж, ухожу...
Только волны залижут
Мой путаный путь
на холодном песке.

Июль-август 1991 г.

***

— Милый Санчо!
В чем же дело?
Нам пора в поход!
— Ваша лошадь околела,
Славный Дон Кихот...
— Мне одно
Сказать осталось:
Шпагу и вперед!
— Ваша шпага поломалась,
Храбрый Дон-Кихот...
— Я с врагом
Готов сразиться
Голою рукой!

— Главный враг ваш,
Добрый рыцарь —
это геморрой.

1973 г.

***

Мы можем быть
красивы и стройны,
Мы можем быть
убоги, дряхлы, сиры...
Но что все это для моей страны
И прочего оставшегося мира?
Мы можем класть
от радости в штаны,
Мы можем по-собачьи
выть от горя...
Но что все это для моей страны
И прочих сопредельных
территорий?

1973 г.

***

Где ты, альбом семейных фото?
Перелистать тебя охота,
Чтоб в обрамленьи дивной рамы
Увидеть юный профиль мамы.
А рядом в нимбе модной шляпы
Анфас неотразимый папы...
И как достатка в доме фон
Соседки нашей патефон.
И лишь одно документально
На фотоснимке моментальном
Так это тот влюбленный вид,
Что только им принадлежит.

Февраль 1984

(22 февраля)

Намаявшись спячкой
По вечным квартирам,
Сорвав покрывала
гранитного тонны,

Колонной вослед
За отцом-командиром,
Российских гусар
Поднялись эскадроны.

С крылечка бутафорского
Тихонько мне пропой,
Как ешь свой хлеб актерский
С зернистой слезой.

1970 г.

***

...Из ДАСа

За московским за окошком
Разлился весенний дым.
На хорошенькие ножки,
Выпивая понемножку,
Мы с Тулуповым глядим.
Воздух сладостный, пасхальный,
Словно мед из свежих сот.
Колокольни голос дальний,
И манящий, и печальный,
Прямо за душу берет.
«Да! — промолвил мой Тулупов, -
Неземная благодать!»
Помолчав, добавил скупю:
«Но живем смешно и глупо!
Надо Томе написать».

1990 г.

***

Сессия, конечно не Мессия...
Но взгляни, попробуй — там и тут
Надо всей студенческой Россией
Будто нависает Страшный Суд.
По «глубинкам» вузов
и в столице,
Как в одном из самых
страшных снов,
Вереницей траурные лица
Юных жертв
не сделанных грехов.

Театр

Сыграй мне, дева милая,
Сыграй мне, дева красная,
Что-нибудь на гусельках
Лирически-прекрасное.

О чем вы плачете, актриса,
Прижавшись к боковой кулисе?
О том, что пал в глазах кумир?
Что все до боли не устроено?
О том, что плохо скроен мир,
Или, что платье плохо скроено?
Что полупьяный ваш партнер,
С утра сдувавши с пива пену,
Себя на ножку вашу впер
Да стал и простоял всю сцену?
Что ваш главреж в который раз
Отводит свой дремучий глаз.
А вам по горло, под завяз
Сыграть бы для души, для тела!..
Но душит старый мавр Отелло
Совсем другую, но не вас...
О чем вы плачете, актриса,
Прижавшись к боковой кулисе?..
Что ж, не умеете иначе.
Так с горя хоть сейчас поплачьте!..
Но ваши слезы не оценят:
Таких, как вы — здесь целый мир.
Пойдите-ка к рабочим сцены.
Да закурите их «Памир».

1970 г.

Монолог Лаэрта

Наташе

Офелия, сестра моя!
Дрожащий огонечек в лампе...
Когда ты выйдешь ближе к рампе,
Глазами отыщи меня.
Я здесь! В пятнадцатом ряду,
Предчувствием беды распятый,
В ознобе часа жду расплаты...
Тогда на сцену я приду.

То фигура!
 Даже чересчур...
 Но держимся, бьемся,
 не дрейфим,
 не трусим мы.
 Сражаемся,
 а не пачкаем листики.
 Иной раз такое загнуть
 может
 Гусев!

Но он — перелетный,
 Все гнет к беллетристике.
 ... Мне пора! Рассвет
 давно алеет.
 Как бы ректорат
 разыскивать не стал.
 Там, в Воронеже,
 по случаю юбилея
 Тоже под меня
 подводят

пьедестал.
 Эх, опять заговорился,
 извините!
 Затянул, как говорится,
 исповедь свою.
 Коль эпоха позовет —
 звоните,
 Смело с пьедестала
 уходите.
 Мне не привыкать —
 приеду,
 подменю.
Декабрь 1977 г.

**Т.В. Тулуповой
 при возвращении
 долговой бутылки**

Я грешен перед Вами лично,
 Но крик раскаянья таков:
 Не откажитесь от «Столичной»
 В счет продолжения грехов!
Февраль 1991 г.

(По Маяковскому)

Я пришел к Николаю
 Копернику.
 Как к сопернику.
 И сказал ему: «Николай!
 Мне созвездие Лили отдай!
 Отложил Николай телескоп
 И нахмурил пророческий лоб.
 А потом отвечал Николай:
 «Астрологию лучше
 читай...»

Слаб в теории ты,
 слаб и в практике:
 Не созвездье она,
 а Галактика!
 И добавил: «Ученьем не гребуй,
 Выучись, а потом требуй!»

Березоворощинское

Абдулаевым

В гости давеча пришел,
 А хозяев не нашел.
 Тут Бапаркина явилась,
 Для порядка прослезилась,
 А потом вдруг стала выть,
 Как без вас ей трудно жить.
 Так вопила, что с Атосом
 По текущему вопросу
 Я на двор ее сводил,
 За порядком проследил,
 Убедившись сполна,
 Как талантлива она.
 А потом вдвоем поднявшись,
 С глазу на глаз оказавшись,
 Стали с Надей обсуждать,
 Почему хозяйка — Нина?
 И сказала Надя так:
 «Толя — форменный чудак!»
 Если так вот рассуждать,
 То и я выходит...Надя?
 Привела Надежда довод:
 «Только дай мужчине повод,

Сразу станет утверждать,
Что его подруга — враг».
Я сказал: «Весомый довод!
Только, что такое «повод»?
И не можешь ли сказать,
Как его мужчине дать?»
Так с Бапаркиной сидели,
«Монте-Кристо» просмотрели.
Посидели бы еще,
Да пора и честь нам знать.

1970 г.

Нине Самариной

Вчера в трамвае номер восемь
Увидел страстный образ Ваш.
Чего в душе моей встряслося -
Того всего не передать.
Со всех сторон людьми спернут,
Не понимая, что к чему,
Глядел, как образ Ваш развернут
Лицом к трамвайному окну.
Ах, если б встали б Вы сейчас
Трамваем с этой многолюдью,
Я стал бы буфером у Вас.
(Культурно выражаясь —
грудью).

1970 г.

Н. Самариной

Красавица, умница, очаровашка,
Любое сравнение с Вами —
нетвердо.
Одни только Ваши
коленные чашки
Достойны сервизов
британских лендлордов.

***

Очнись скорей, Камаев Слава!
Тут обмирай — не обмирай,
Что наша славная держава
Зубами держится за край.
И в этом шуме, этом гаме

Она без помощи, одна,
Висит себе, суча ногами,
Над ямой, где не видно дна.
Когда лихие наши танки
Послал на подвиги главком,
По нашим пальцам на Полянке
Они прошлись стальным катком.
В кроваво-розовом тумане
Покуда мор совсем не стих,
Огрызки рук к державе тянем,
Пусть хоть ухватится за них.

***

Рассказывал мне сам Тулупов,
Ему я склонен доверять,
Что кроме пошлой рифмы «глупо»,
Его ни с чем не срифмовать.
Я морщил лоб в раздумьях тупо,
Крутил «Тулупов» так и сяк,
И, выдав рифму «очень глупо»,
На этом творчески иссяк.

Из дневника

Карта леса эта всем знакома,
И на Полянке, и окрест,
Наш папа лижет Парамона,
И вместе с ним из миски ест.
Они по-родственному близки,
У миски им не до манер,
Хотя один — щенок английский,
Другой — российский инженер.
Один другого гладит лапой,
На лицах их — блаженный вид,
И о свободе слова папа
Щенку на ухо говорит.
На хунту громко папа лает,
На Язова, на подлеца,
И Парамоша одобряет
Мировоззрение отца.
Но на крыльцо выходит мама
Щенок стрелою у крыльца.
Нет сил смотреть на эту драму
Ненужного сынку отца.

* * *

В. Камаеву

Дрожание моей руки
 Поймут, наверное, народы...
 Писали лишь большевики
 На юбилей друг другу оды.
 А что же делать демократу
 (Он весь в смущении — ей-ей!),
 Чтоб описать сего Сократа,
 Героя наших смутных дней?
 За что он мыслить ни возьмись,
 То оппонентам не до шуток.
 Он знает все: и про меджлис,
 И про парижских проститутток.
 Продукцией его ума
 Была завалена страна.
 Но Славы ум стране не нужен...
 Так скажем прямо: ей же хуже!
 Не потому ли мы со стоном
 Живем и дышим по талонам,
 Что отродясь не понимаем
 Таких людей, как наш Камаев?
 Ум — не единственная сила,
 Чтоб отвести судьбы удар
 Ему природа отпустила
 Прозрения великий дар!
 Откуда Слава мог узнать,
 Спрошу его, благоговея,
 Что надо Галю в жены брать,
 А не другую Гала-тею?
 Казалось бы, чего тут проще —
 Жену получше выбирай!
 Но если зятя любит теща,
 То зять при жизни видел рай.
 (Я правду чту, но в спорах с тестем
 Сократ порою не уместен.
 И пусть он мне и люб и мил,
 Чуть-чуть его подсократил).
 Тут автор несколько затих,
 Но не намерен ставить точки.
 Поскольку юбилейный стих
 Довел его до темы дочки.
 Вершина творчества Сократа!

Талантлива, ума палата!
 Хоть вид порой имеет буки,
 Ей палец дай — в момент отгест!
 Всему предпочитает брюки
 И разговоры про отъезд.
 Но мы костями мгновенно ляжем,
 И знаем, и убеждены:
 За этим дерзким эпатажем
 Таятся бездны глубины.
 По всем статьям у Славы — фора.
 Живет, как не жил фараон.
 Ах, да! Забыл я про Егора,
 И в строчки лезет Парамон —
 Большой пардон!
 А тут мы скажем — эти дети
 Для Славы ближе всех на свете.
 Об этом твердо я не знаю,
 Но так сказал мне сам Камаев.
 Нет слов для громкого финала,
 Не любит громких слов герой.
 Ему не нужно пьедестала,
 Он весь — доступный и простой,
 И в этом вечно неуместен,
 Почти что как Владимир...
 Стоп!!!
 Владимир этот кто таков?
 Ну, безусловно же, Попов!
 Пора кончать поэму, право...
 Кому — чего, а Славе — слава!

* * *

На речке дальней
 Баржа склянки
 Над отмелью
 Усердно бьет.
 На дачной утренней Полянке
 Семейный клан
 Свой кофе пьет.
 Уходят сна ночные путы,
 И голова совсем легка,
 Когда священной минутой
 Добавишь в кофе молока.
 По небу — зоревые перья,
 От трав в росе — тяжелый пар,

И легкий привкус лицемерья
Лишь добавляет кофе шарм.
Лелеет ритуал семейство,
Размерен и устойчив быт...
Печать большого европейства
На этом явственно стоит.

*Полянка,
Август, 1991 г.*

В. Гаагу-младшему

Мой друг —
Коровиков Володя*
Не пишет больше
прозы вроде...
Кто прозе Вовы
главный враг?
Конечно, критик В. Гааг.
Мой друг — Коровиков Володя
По улицам ночами бродит.
Его душе покоя нет:
Утерян творчества секрет.
Мой друг — Коровиков Володя
В литературе склонен к шkode
Однажды он, что было сил,
Сестру романом колотил.

**Литературный псевдоним
В. Гаага-младшего во младенчестве.*

* * *

Кроха-сын, садясь за стол,
Произнес упрямо:
«Я б в писатели пошел!
Ты отпустишь, мама?»
Папа ложку отложил...
Он встревожен, вроде:
Ты ж еще не изучил
Гегеля, Володя!»
Сын повел крутым плечом:
В душу мне не лезьте!
Я пойду другим путем...
С бабушкой вместе.
Отпустите пацана!

С вас ведь не убудет!
Ну, а бабушка... Она
Мне как Энгельс будет.

Сусанна и старец

Над августом облачко тает,
И к осени время идет.
Сусанне река оmyвает
Могучие бедра ее.

Уверена дева в безлюдье
И то-то резвится она!
Огромные белые груди
Волнует речная волна...

Еще далеко до ночлега,
И речка не так холодна...
Последняя летняя нега
Должна быть испита до дна.

И кажется деве прекрасной,
Отдавшейся вольности вод,
Что кто-то и нежный,
и страстный
Ее за собою влечет.

И вдруг обомлела Сусанна,
Увидев, что из-за ракиг
С каким-то вниманием странным
Старик за купаньем следит.

Словами, что выбора не для,
Сусанна кричит, как в бреду:
«А ну, убирайся немедленно,
Седой и развратный пердун!»

Кричала б Сусанна и пуще,
Но стал бы призывным тот крик,
Узнай, что в ракиговых куцах
Был Рубенс. Пердун и старик.

*Август, 1991 г.
Полянка*

Он был первым

Ё-мое!

Перевод с Санскрита

Вступление

Жизнь
у каждого
выглядит бросово,
В наших
биографиях
полно странного,
Но жизнь
Горислава
Валентиновича
Колосова
Надо изучать
и штудировать
заново.

Глава первая

-I-

У лопухов на Украине
В полметра тени...
В местечке Джурине
Гвалт и смятенье.
Население Джурина
Учителку уважает:
Учителка нынче
Сына рождает.
В корчме местечковой
Воздают славу
Новорожденному отроку,
Нареченному Гориславом.
А сам Гориславчик,
Пузатый и басовитый,
Мамкину титьку
Посасывает сердито.
Играет Гориславчик
Мамкиной грудью...
Потом он из нас
Сок высасывать будет.
Потом он из нас

Все вытянет жилы...
А пока что лежит
Возле маменьки милой.
Полежал, поглядел
Глазами строгими,
Да вдруг как вымолвит:
— Методология!
— Как мальчик мужает! —
Вздыхает Джурин. —
— Такого не знает
Даже раввин!

— II —

Репейник с колючками
Ветер машет, конь деревянный
Под Гориком пляшет.
Горислав на коне
По Джурину скачет.
А в Воронеже по нем
Кафедра плачет.
Ах, кровь горяча!
Ах, мальчишку погубит!
Рубит Горик с плеча,
По-профессорски рубит.
Колючки летят,
Словно головы чи-то...
Дорога Горислава
Жертвами повита.
Деревянная сабля
Рубит слева направо
Горик! Стой! То же твоя
Окаянная слава!
Стон стоит над Джурином,
Мать рыдает от боли...
Кому — выговор в спину,
Кому просто — «Уволю!»
— Горик! Ты же не прав!
Плачет вся Украина
И бежит Горислав
В Казахстан из Джурина.

Глава вторая

Мятежная юность

Папа в горе, мама в муке
Но решителен пацан:

— Собирайте ноги в руки!
Мы поедим в Казахстан.
Папа в форменной обиде —
Вот так парень отмочил:
— Что я в том краю не видел?
Там же всюду басмачи!
Но на тот вопрос резонный
Отвечает наш герой:
— Мы поможем Первой Конной,
А возможно и Второй!
Ты отец — солдат примерный,
Я — на все дела мастак.
Спи спокойно, город Верный
В будущем Алма-Ата.
И к тому же, я не скрою,
Яблоки там первый сорт.
Мы отведаем с сестрою
Знаменитый рапопорт!
Папа молвит осторожно,
Мол, такого сорта нет.
— Нет — так будет!

Все возможно!

Гордый слышится ответ.
Если мы туда поедим,
Садик заведем в горах.
Буду ездить на мопеде
Всей милиции на страх.
Или все мы не герои?!
Что ж ты, тятя, ходишь хмур?
Я такой им там устрою
Джезканган и Байконур!
Говорят, мол, свет — с Востока,
Ну, а с Запада — так я...
Отправляется далеко
Гориславова семья.
Весть об этом человеке
Впереди его спешит,
Сами в плен шагают беки,
Басмачи и курбаши.

Глава третья

Районные будни

Мир настал. И кости баев
Не видать уже в песке.

И запел Джамбул Джабаев
На родимом языке.
Что ж, Джамбул забот не знает
Всей стране известным став,
Потому что сочиняет
Его песни Горислав.
Было время, были годы,
И какой-то там нахал
Утверждал, что переводы
Некий Кузнецов писал.
Скажем строго и сурово
И не в шутку, и не вдруг:
Переводы Кузнецова —
Дело колосовских рук.
И любой мальчишка знает —
Он и в прозе не дремал:
Все романы об Абае
За семестр насочинял.
Просто вышел спор минутный —
Сочинит — не сочинит?
С той поры стал почему-то
Ауэзов знаменит...
(Так пером профессор машет,
Столь фантазии не счастье,
Что с тех пор в отчетах наших
Все всегда в достатке есть!)
Он отличным был спортсменом:
Появлялся в ринге он
И боксировал отменно
Под фамилией Стивенсон.
Хляби местные и тверди
Покорил он все окрест,
Под фамилией Мавлыбердин
Он взошел на Эверест...
Ах, как быстро время мчится, —
Как верблюдица весной...
Стало шумно на границе —
Враг на нас пошел войной.

Глава четвертая

А кому бессмертие

И в своем костюме штатском
Проходил недолго он...
Наш герой в строю солдатском —

Слезы, крики, эшелон...
 Что рассказывать тут много,
 Знает лишь соленый пот
 Да солдатская дорога,
 Как пришел он в край болот.
 Но герою — всюду место.
 Сквозь окопы, взрывы, дым
 Слава шла за ним невестой!
 Кто за кем — она за ним...
 В штабе фронта — дух волнения,
 Маршал сдерживает крик:
 — Чтобы вмиг, без промедленья
 В штабе Колосов возник!
 Он и вправду возникает,
 Взглядом лих, широк в плече.
 Маршал тихо сообщает:
 — Вас Верховный. По ВЧ.
 А герой наш, эдак скромно,
 Даром, что ли, лейтенант:
 — Что ж, Верховный,

так Верховный,

Не впервой и это нам!
 Голос властный и суровый
 Описать я не могу:
 — Ставке важно ваше слово,
 Где ударить по врагу?
 Где удар наш главный ляжет?
 Что нам Колосов подскажет?
 Кроме прочего всего,
 Как бы нам назвать его?
 Слыша голос тот кремлевский,
 Лейтенант в ответе прям:
 — Пусть ударит Рокоссовский,
 А поддержит Баграмян.
 Ну не черт ли этот малый,
 Что ни слово — точно в кон:
 — Операцию, пожалуй,
 назовем «Багратион».
 Вот и все. В штабной квартире
 Все застыли, ровно сталь.
 С адъютантского мундира
 Маршал парню рвет медаль.
 Мы на этом точку ставим.
 Вам не нужно объяснять,

Кто, действительно, заставил
 Ход войны направить вспять.

Глава пятая Ночной патруль

— Репер четырнадцать!
 Залпом — пли!
 Ребята, готовь снаряд!
 Руби их, гадов! Кроши и коши! —
 Всю ночь команды гремят.
 Наташа! Хватит сидеть в кустах!
 Вера! Куда же ты?!
 Вера Наумовна! (Трах-тара-рах!)
 Что ж вы ползете в тыл?!
 Татьяна! Фланги прикрой мои!
 А ноги прикроет сосед...
 Ведет по ночам затяжные бои
 Он уже сорок лет.
 Жутко воинственный человек,
 Не знает покоя он.
 Снова им дважды
 взят Кенигсберг,
 А также Париж и Бонн.
 Дети в противогазке едят,
 Жена в плащ-палатке спит,
 Теща любимая, как солдат,
 Всю ночь на часах стоит.
 Глощает он пыль на военной тропе
 Вот уже сорок лет
 И превращен в боевой НП
 Мирный его кабинет.
 Боже! Не выдай и помоги!
 Ты видишь — я окружен.
 Филфак ненадежен. В тылу враги,
 Ваня в упор сражен.
 Слева обходит Горохова рать,
 Прохоров справа бьет...
 Нет! Им так просто меня не взять
 Игорь! Рита! Вперед!
 Сколько же школ по России всей!
 Так лупят вокруг — не встать.
 Попробуй у каждой из них успеи
 Концепцию обломать?!
 Кройчик опять куда-то исчез,

Видать, на филфак удрал.
С телецентром наперевес —
Вперед, ребята! У-р — а-а!
Пусть знают — свою работу любя
И очень любя ребят,
Я принимаю огонь на себя,
Бей по мне, ректорат!
Ты, деканат, тоже можешь бить —
Мне твой не страшен приказ,
Я все равно не устану любить,
Иван Степанович, Вас!
Бей, не стесняйся!

Я вновь прорвусь!
Девочки? Все за мной
Эмма, не плакать, Боря, не трусь,
Мы еще выиграем бой!
Кузьмич, вперед перебежками —
марш!

Закрепимся на этаже!
Будет нашим и первый этаж,
Как два туалета уже!
Мстить я не стану своим врагам,
Кто выживет — пусть живет.

Но главный корпус к моим ногам
Еще не раз приползет!...

* * *

Вот так и живет, он,
профессор-герой,
Весь удивляя мир.
И, надо сказать, за его спиной
В общем, спокойны мы.

Эпилог

Юноше,
обдумывающему житье,
Ерошащему
в раздумье
волосы,
Скажем,
не задумываясь:
— Делай ее
С Горислава
Валентиновича
Колосова.
В соавторстве с Л. Кройчиком

Из записных книжек Тихоныча

Просто так...

В журнале за подписью Вознесенского — подпись Л. Словно лодка на буксире у катера.

* * *

От него пахнет одинокими девичьими ночами.

* * *

Лезешь по его метафорической лестнице и отдыхаешь на каждом этаже, отдуваешься... Тяжело! Но опять лезешь.

* * *

Авторша статьи так и бросается на шею своему герою. А Рембрандт вежливо ее отпихивает.

— Что вы на меня смотрите с надеждой, как на лотерейный билет?

* * *

Остановись, мгновение! Подвези в ресторан!

* * *

Девушка прошла. Пальто зеленое, а на плечах серый меховой воротник. Как старый снег на молоденькой траве. Как укол, чувство весны.

* * *

Французы. Он и Она. Она — высокая. До талии хрупкая. А от «тали и так далее» неожиданно крепкая и основательная. Бюст на внушительном постаменте. Длинные волосы лентами. Нос чуть крючковатый. На нем — очки. Даже очками это сооружение с толстенными стеклами не назовешь. Оптический прибор. Она бойко говорит по-русски, ударяя в словах не по тем клавишам — словам. Очень даже мило фальшивит. Он — бойко молчит. Прячет глаза под себя. Боится, что я догадываюсь о его знании русского? На его правой руке браслет с пластинкой. На пластинке гравировка по-русски «наружка».

Я почему-то решил, что эта штука от гипертонии, и бестактно осведомился, так ли? Они быстро переглянулись, и Она объяснила, что это просто украшение, а надпись означает его шутовское прозвище. А по-русски потому, чтобы во Франции «люди не понимали...». Ох, я и покраснел за себя. Говорят, что в Воронеже им одиноко.

— Есть ли друзья?

— Есть. Общежитийская кошка заходит.

— Наверное, не знает, что мы — французы, — добавляет Она. — А то бы не зашла.

Ах, вот как?

Они какие-то напуганные. Разговор зажатый: «Мир — хорошо», «война — плохо». Она — театровед. Изучает Любимова. Будет его открывать во Франции для широкого круга и для своей диссертации. Отколупывают от Любимова кусочки.

Чувствуется, что она — баба-ледокол. А он уже вслед — по чистой воде.

Фамилия их — Пикон. Театральные Шпиконы.

Выпили по рюмочке канадского виски. Он накапал себе, как валерьянки. Она: «Бернар не любит алкоголь!..».

Стали мне рассказывать, что «Столичная» делается из картошки. Я в ответ стал просвещать. По-моему, самый оживленный момент во всей встрече...

Пошли, прогулялись. Шли мимо психдиспансера.

— Что здесь? Клиника? — (Она.)

— Да, психолечебница. Тут все Наполеоны. — (Я.)

— А у нас все Кутузовы. — (Она.)

Так мне и надо!

Но, вообще остроумные чужие.

Декабрь, 1972 г.

* * *

«Малыш и Карлмарксон». (Дениска сказал).

Далее представляется по Линдгрэн.

— Призрак бродит по Европе
в простыне...

Или

— Угадай, Малыш, кто самый
лучший классовый борец в мире?

Так бы, наверное, перевели
сказку нынешние китайцы.

***

Диктатура — подавляющее
меньшинство.

***

На душе переменная облач-
ность. На сердце — гололед. Баб-
ка упала, ногу сломала.

***

Денег нет. А надо идти на день
рождения. К писателю. Допус-
тим, к М. Даришь ему сюжет,
предварительно оторвав бирку с
ценой.

***

Член партии башлевики. Во-
роуга.

***

Из автобиографии. «Родился
в небогатой предрассудками се-
мье наших народов».

***

Странностей нет. Есть особен-
ности.

***

... Это не комплимент. Это
констатация факта.

***

Объяснял тогда Беатрикс фра-
зеологический оборот «тоска по
Родине».

— В одно окно выглянешь —
Франция. В другое — тоже Фран-
ция.

***

— Я любить умею.

— А я столярничать.

***

Слагаемое из прыщей.

***

Я совсем не знаю природы.
Плохо различаю запахи. Не чув-
ствую красок.

***

Телепередача «А ну-ка, де-
нежки!»

***

Елец. Воргол. Крутое. 1972 г.
Бабы Нюрины рассказы о Митя-
ке Лапшине.

Умирающий с прострелен-
ным брюхом бросает собакам соб-
ственный жир, вылезавший из
ран:

— Натэ-ка, тютюки (собаки
по-местному). Жрите! Поминай-
те Митяку!

Тетя Клава:

— А было в ём 7 пудов, в бан-
дюге, и 3 фунта весу. На тялегу
кады его вздымали — так два
сына здоровых втащить не мог-
ли. Он им и говорит: «Вы, дура-
ки, задние колеса сымите и дос-
ку положьте. А по доске меня вка-
тывайте».

Довезли вечером до Ельца, а
он у первого-то фонаря и помер...

Мы его не боялись: «Митрий
Семенов, а Митрий Семенов! Ты с
под нашего окна уходи! Мы тебя,
Митрий Семенов, не боимся».

***

По телевизору премьера «17
мгновений весны». После серии
густым вечером слышу перекли-
киваются:

— Группин-фю-ри-иры! А гру-
пин-фюриры!

* * *

С Серафимом поехали ловить рыбу на Воргол. На противоположном берегу — научная станция ВГУ — «Вороньи скалы». Закат. Тишина антисептическая. Тамошний сторож Симу признал и кричит через речку:

— Сим, а Сим! (Эхо повторяет).

— Чево?

— Ты ноне огурцы в совхозе караулишь?

— Н-ну!

— Неё...шь мне пару вядерков?

И все это эхо повторяет. А между тем, здесь растут реликтовые растения. Им миллионы лет. А сторожу-то что?..

* * *

Нужно произносить эту фразу с такой холодной иронией, чтоб аж иней на губах выступил.

* * *

«Пылающий контингент».

* * *

Когда она на тебя смотрит, кажется, что ты самый нужный и главный.

— Она не виновата, она так на всех смотрит. Разрез глаз такой, плюс преломление лучей.

* * *

Меня не надо добивать. Я сам добьюсь.

* * *

Смотрит на меня, как золотарь на говно. Профессионально.

* * *

Муций Сцеволыч.

* * *

Воронежское книжное издательство.

* * *

Отпечатки башмаков на первом снегу, как большие восклицательные знаки. Зима!

* * *

Мама — дочери:

— Ты опять кашляешь?! Не давай себя целовать через открытую форточку.

* * *

Вовчарка Тулупов.

* * *

Среднерусский талант.

* * *

Человек умер! А зуб его продолжает мучить.

* * *

Зам. председателя колхоза мне рассказывает (о муже и жене — самогонщиках). Они дерутся, кто кого достанет. Вчера он ее достал... Она теперь лежит никакая, говорит: «Где мне теперь до самогона!».

* * *

Из рассказов Ивана Владимировича.

«...Тяпнул я немца по голове прикладом. Он упал. И я рядом упал. Он от бесчувственности, а я от контузии прошлой».

* * *

— Краны надо дополнительные поставить в умывальнике, И. В.

— Мы вчера с на планерке уже об этом мечтали. В начале мечтали и еще раз в конце.

* * *

Дирижер. Осторожен во всем. Осторожно дирижирует, будто исполняет не Чайковского, а бороду Петру Ильичу бреет.

* * *

Мне порой кажется, что за большой спиной М-ва прячется другой М-в — маленький и сомневающийся... И стоит только большому М-ву сделать шаг в сторону...

* * *

Аркаша Слуцкий растерянно улыбается, глаз косит. Сидим на кухне, едим холодные котлеты. Он читает «себя», а я усиленно понимаю. Поэтический ликбез.

* * *

Сегодня снился какой-то хроникально-документальный сон. Мы (Виктор и я) — нечто вроде декабристов.

В кабинете у государя-императора... День, кабинет с огромными окнами. Но почему-то темно, хотя нет штор. Государь обещает нас повесить. Виктор неожиданно хватается за пресс-папье у Николая и бросает его в окно. Звенят стекла. За ними, как рыбы ребра — решетка. Тоска сжимает горло. Нас везут, у меня нет сил. Присаживаюсь на ступеньки, ведущие в подземелье. Откуда-то появляются дети. Конвойный мне:

— Подвинься, пропусти экскурсию!

Подвигаюсь. Дети идут мимо меня вниз. У одной девочки в руках замечаю толстую книгу, похожую на энциклопедию. Красного коленкора с золотым тиснением. Девочка (она в очках и в пионерском галстуке) останавливается, спрашивает:

— Дядя, как ваша фамилия?

Отвечаю.

Она раскрывает книгу, будто сверяется. Потом морщит губки

и молча идет вниз за остальными детьми.

А я думаю: «Что же это за дети — рациональные эгоисты? Тут жизнь человеческая кончается, а они на меня, как на экспонат, смотрят...».

* * *

«Мне лишнего не надо. Я — бабка церковная». (Из разговора у киоска).

* * *

Инженер-нафигатор.

* * *

Наступил на горло собственной пенсии.

10 октября 1996 г.

* * *

«Вадики». Так я назову серию небольших рассказов из своей жизни. О себе, дураке, о своих прекрасных друзьях.

Слово «Вадики» придумал ныне покойный приятель мой Витёк Беляев. Он был неутомимый выдумщик и ас розыгрышей и подначек. Это он так сказал, глядя на шедших как-то впереди нас Вадима и Тому Кулиничевых. Осанистая Тамара и сбитый Вадим шли, взявшись под ручку. Степенно шли, чуть косолапя.

— Вон, Вадики гуляют! — толкнул меня под бок Витёк. И подмигнул.

Пусть и у меня в рассказах «Вадики» ходят.

Как меня женили

Острозыкая и умная Галка Шпилева одно время подозревала меня в том, что я негативно

вливаю на ее молодого и делового мужа Андрейку: мол, выпиваю с ним часто. Я об этом подозрени и не догадывался. Выпивать я выпивал, но с Андрейкой делал это редко. А выпивал я потому, что у меня «пересменок» был: одна жена ушла, а вторая еще не образовалась. И Галка Шпилевая, эта мудрая хохлушка, задумала меня женить. Во-первых, чтобы пристроить свою одинокую подружку, а во-вторых, чтоб ею за Андрейку мне немножко отомстить. Впрочем, об этом я только спустя время догадаюсь.

Пришли однажды ко мне «совершенно случайно» Галка с Андрейкой и привели крупную молодую женщину по имени, скажем, Алена.

Затеялся чай. Я пошел на кухню ставить воду на плиту, а Алена, под предлогом помочь, увязалась вслед за мной. Пока я в чайник воду набираю, мне Алена и говорит:

— Вам нужно взять у кого-нибудь кусочек листа алоэ, мелко измельчить и в холодильник на три дня поставить. А потом тонким слоем на нос нанести. И так неделю.

— Зачем? — спрашиваю ее ошеломленно.

— У вас на носу слишком склеры обозначены. Можно подумать, что вы хронически пьете. Но ведь это, кажется, не так?

— У меня с четырнадцати лет склеры обозначены, — пробурчал я.

— Хотите, я эту мазь для вас сама сделаю? — говорит Алена.

Я в ответ внезапно для себя

уронил чайник на пол. Всю кухню водой залил. И себе ноги. Благо, чайник еще на огонь не поставил.

Но чаю мы потом все-таки попили. Я еле высидел.

А через неделю Алена уже сама пришла. Без своей умной подруги Галки и ее Андрейки.

— Извините, пожалуйста, что я смогла принести к чаю только сушки. У меня маленькая зарплата. А я живу вместе с мамой. Вас не смущает, что я с вами так откровенна?

— Нет-нет, — спешно отвечаю я.

— Нет, вы не подумайте, у меня был муж. Стоматолог-протезист. Шульман Виктор некто. Но он был садист и сбежал в Израиль. Разве вы не слышали о нем ничего?

— Где?

— В Воронеже, разумеется.

— Да нет...

— Странно! Эту одиозную личность многие знали. Как и его дружков, таких же садистов. Где у вас чайник? Давайте я его на плиту поставлю.

Чайник я поставил сам. Принес из кухни тарелку из более-менее чистых под Аленыны сушки. Алена села на диван. Старый диван тяжело заскрипел.

— Будем откровенны. Мы — взрослые люди, — сказала мне она. — Я — сторонница послебрачных отношений. Вы меня понимаете?

— Безусловно! — кивнул я. — Вина не хотите?

— Вы с ума сошли! — мелко замахала руками гостья. — Кста-

ти, вы сделали мазь из алоэ?

— Не успел, замотался, — про-
бормотал я. — Позвольте, я пой-
ду на кухню чай заварю?

— Давайте вместе это сдела-
ем! — предложила Алена. — Что-
то, а чай я заваривать умею.
Хотя где у нас в городе хороший-
то чай?

— Да мне из Москвы друг при-
вез пачку «Индийского», — для
поддержания разговора сказал я.

— Конечно, если у вас друзья
— москвичи и у них есть возмож-
ность покупать дорогие чаи...

— Он не москвич, мой друг.
Он просто по делам там бывает.

— Просто по делам в Москве
не бывают. Вы не согласны?

— Отчего же, — туманно про-
тянул я.

В это время мы уже были на
маленькой моей кухне и явно тел-
есно мешали друг другу заварив-
ать чай. Я предложил даме ко-
мандовать парадом.

— Я где-то прочитала, что
только джентльмены уступают
дамам место на кухне, — молви-
ла моя гостья. И опять ее глаза, в
принципе глаза как глаза, стали
злыми.

Я почему-то вспомнил о Вик-
торе Шульмане, садисте-стомато-
логе. Жаль, что он еврей, и меня
могли бы неправильно понять. Не
то я бы его убил.

Фразы

Слушаю кандидата в Прези-
денты, у которого мышление не
поспевает за речью.

Реформа правительства: меня-

ют одни «купюры» людей на та-
кие же... но другие.

«Размеры ее бюста, талии, бе-
дер — коммерческая тайна».

Над Москвой — синтетичес-
кое небо.

И груди ея — на бегу
Трепещут ... как крылья.

«У меня, как у инвалида: фан-
томные боли в том месте, где была
душа».

На некоторых пластинках го-
лос Высоцкого будто напомажен
звукозаписью.

Я похожа на иностранку? Из
какой страны? Разговор.

О моем алжирском дипло-
мнике Омаре Архабе. Как я гулял
на его свадьбе в Воронеже под
блистательный джаз его земля-
ков, московских консерватор-
цев. Лабухи ресторанные выва-
лили в зал и, раскрыв рты, слу-
шали арабов.

Как потом искал меня Омар,
писал из Парижа, а письма не
доходили. Об этом я узнал от
его земляка, навестившего
меня.

— Петя плотит мне в среднем
по 70 рублей за сто строк.

— «Платит», а не «плотит»!

— Платят, это когда за сто
строк дают сто рублей.

Цитаты Александра Тихоновича

(записанные студентом на лекции)

«Вы живёте в такое время, которое через лет пять покажется вам детским садом».

«Мы не только не в моде, мы не в обиходе даже» (о России).

«У нас каждый иногда чувствует себя потенциальным Му-му, а Герасим — наше государство».

«У нас не любят людей, которые говорят «нет», когда все говорят «да».

«У нас нет культуры дарителя, благотворителя».

«В русском человек живет еще одно чувство — нетерпения».

«У российского народа отношение к государству всегда скептическое».

«Мы сами талибы...»

«Драма в том, что творческие работники не задумывались о том, сколько они стоят» (об НТВ).

«Но если уже пошли на это, то пошли...» (к студентам журналистам).

«Нельзя считать себя выше читателя, зрителя. Ваш читатель, зритель — это вы сами. Вот с ним и ведите речь».

«Когда вам будет столько же лет, как мне сейчас, он (В.В. Тулупов) будет одной страничкой вас самих».

«Ощущение времени может быть только лишь совместно с пониманием прошедшего. Поиски утраченного времени не напрасны».

Детский лепет

Записано со слов Александра Смирнова-младшего

О всемогуществе папы:
— Папа, скажи ветру, чтобы он не дул!

* * *

— Папа, а какой я был маленький?

Рассказываю. И заканчиваю фразой «...подбегаю к тебе, а ты так расплакался, что в штаны наделал».

— Из попы, да?

* * *

— Надевай тапочки!

— Это Денискины?

— Денискины. (Подарок)

— Это Денискины, который у дядика Вадика живет?

* * *

— Я смотрю, сынок, что ты в Гомель с неохотой ехал, да?

— Я с мамой ехал, а не с неохотой.

***

Проснулся ночью, зовет. И, горестно, заспанный спрашивает:

— Ну что мне делать, скажи?

***

Ире надо идти ко мне в больницу, а Сашку тошнит.

— Сынок, может быть, ты дома посидишь?

— Почему?

— Ну, тебя же тошнит.

— Нет, у меня вырвалка уже кончилась.

***

Вечер. Уложил его спать. Сам на кухне. Вдруг вопль: «Папа-а!». Бегу к нему. Он в плаче.

— Папочка, а правда, все умреть? И бабуля, и дедуля?.. И мама?.. И ты заболеешь и умрешь?.. Только Толик и Сашок не умрут... Потому что они хорошо едят.

***

Рисует отцов портрет разноцветными фломастерами и комментирует:

— Папа, я тебя разным рисую.

***

— Саша, ты почему все время рисуешь левой рукой?

— Не все время. Правой я раскрашиваю.

***

На репетиции к 20-летию ТМ.

— Как тебя зовут?

— Саша.

— А отчество?

— А у меня нет отчества...

***

Ирина положила на стол мороженого цыпленка. Увидел, прижался к нему щекой, кричит:

— Не трогайте его!

— Это еще почему?

— У него детки есть! Не трогайте его! Я все дедушке про вас расскажу...

***

Рисует и приговаривает:

— Это очень печальный слоненок...

— Почему? — спрашиваю.

— У него мама и папа на репетицию ушли.

***

— Я всех люблю. И себя самого.

***

В поликлинике балуется. Я психую, спрашиваю «с шипом»:

— Почему меня не слушаешься, ну, почему?!

Поднял глаза: «Папочка, я родился, чтобы тебя не слушаться».

***

Толик летал в Ереван. У сына возник законный вопрос:

— А в Армении армейцы живут?

***

Приехал из Москвы. Зима 1983-го.

— Саша, у тебя учительница хорошая?

— Ты глупый вопрос задаешь!

— Ого! Почему?

— Да если бы она была плохая, кто бы ее в школу пропустил?

* * *

— Я устал. У меня шея уже не стоит.

* * *

— Какая у тебя оценка по поведению?

— «Удовлетворение».

* * *

Ира Ф. Рассказывает, что ходила с ним на ВДНХ. Зашли в павильон «Космос». Поднялись по ступенькам к макету косми-

ческого корабля. Постояли. Спустились. Пошли. Вдруг Сашка:

— Тетя Ира! Пойдем, еще раз корабль посмотрим.

— Так мы уже смотрели его?

— А я когда поднялся, то испугался и глаза закрыл...

* * *

В письме: «Книги мне понравились, но там есть слова даже мне непонятные».

Шарж
Вадима КУЛИНИЧЕВА

* * *

Многогранен, многооок
И как критик очень строг.
И рыдают «братишки»
При разборе практики,
Ибо знают: от него
Не сокроешь ничего.

Вадим КУЛИНИЧЕВ

Шарж
Лазаря ДАНОВИЧА

* * *

*Ответное слово В. Гаага на оп-
товом юбилейном факультет-
ском «междусобойчике» (юби-
ляры: В.Гааг — 60, А.Смирнов
— 55 и женщины, фамилии и
возраст которых уточнять
нет необходимости)*

Я всей душою к вам привязан
И предан с головы до пят,
Но лишь СМИрнову я обязан
Тем, что уж мне за шестьдесят.

Дружеские эпиграммы

Мечту о равенстве лелею,
Но разумом он — старший брат.
С его ль сравнится юбилеем
Мой юбилейный суррогат?

И всем пора понять бы, право,
Едва коснувшись лишь основ,
Мы здесь сегодня —
лишь приправа,
А блюдо главное — СМИрнов.

Готов я спорить хоть на тыщу,
А, впрочем, и на миллион,
Что трудно жить с таким
умищем,
Каким СМИрнов наш наделен.

Чело — то в пот, то — холодеет,
То вновь потеет опосля:
В нем гениальную идею
Сменяет мудрая мысль.

И вот уже сто слов в минуте
Ах, право, что за голова!
И все — по делу, все — по сути:
Слова, слова, слова, слова.

Нет, вы меня не обессудьте:
Не понимаю, что почем?
Ведь все — по делу, все — по сути
И в то же время — ни о чем.

Так примем же судьбу,
дружище,
Смирненно сидя в уголке:
СМИрнов несет такой умище,
А мы шагаем налегке.

Виктор ГААГ

Шарж
Вадима КУЛИНИЧЕВА

***

Открытое письмо декана факультета журналистики МГУ Я.Н. Засурского старшему преподавателю факультета журналистики А.Т. Смирнову, в год своего 40-летия приехавшему в очередной раз повышать квалификацию

Двенадцать лет не видел я тебя,
Двенадцать лет спокойно жил,
работал,
Не слышал анекдотов про себя,
Двенадцать лет — счастливый,
беззаботный...
Ну кто тебя послал на ФПК?!
Скажи — лишу и званий,

и отличий
(Вот дальше рифма прет
про дурака —
Прости, но мне сейчас
не до приличий).
Смирнов, давай по дружбе,
по душе
Отеческое выслушай напутствие,
Что знаний хватит —
сорок лет уже,
Не порть мне лекции
своим присутствием!..

Владимир ТУЛУПОВ
30 марта 1985 г.

Шарж
Владимира ТУЛУПОВА

***

Вот — факультет. И вечно нов
Сатиру мечет здесь Смирнов.
Он — как хорошая зарядка,
Глоток целебнейшей воды.
Коль зол Смирнов,
то все в порядке.
Коль добр Смирнов,
то жди беды...

Виктор ГААГ

Я слова рассыплю по траве...

Сцены из спектакля Театра миниатюр ВГУ «Требуется монарх»

Я слова рассыплю по траве...

С В. Кулиничевым в спектакле «Казанский университет»

С В. Гагом
и С. Гладышевой

С. Т. Хомчук-Черной

Я слова рассыплю по траве...

С Л. Кройчиком: 80-е и 90-е гг.

Здесь могут быть ваши воспоминания
об Александре Тихоновиче Смирнове, Тихоныче, Саше, Саше...

Содержание

Часть первая

Воспоминания об А.Т. Смирнове

«Друзья уходят. Вот и ты ушел...» 3-22

Часть вторая

Творчество А.Т. Смирнова

«...Свет в окне у дружбы нашей» 29-55

«Но взгляни, попробуй — там и тут...» 60-82

«Хоть ты падай, хоть ты стой...» 88-123

*Я слова рассыплю по траве.
Голуби склюют их на заре.
Сизари мои вы, сизари,
Лишь бы мне дожить до той зари.*

Александр СМИРНОВ. Я слова рассыплю по траве...

Сборник.

Редакторы-составители — Петр Новиков, Владимир Тулупов.

Корректоры — Алексей Колосов, Петр Новиков.

Компьютерный набор — Юлия Тарасова, Надежда Кириченко.

Дизайн и верстка — Евгений Ярцев.

Факультет журналистики Воронежского государственного университета.

394068, г. Воронеж, ул. Хользунова, 40-а.

(0732) 13-17-56, т/факс. E-mail:root@jour.vsu.ru Web:www.jour.vsu.ru

Подписано в печать 17.02.04

Формат

Заказ №

Тираж 150.

Объем

Отпечатано в